

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 2 (6)
2024**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, канд. полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Останин-Головня В.Д. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андропова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ
Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ
Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ
Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ
Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика
Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ
Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ
Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь
Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ
Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ
Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ
Сафрастьян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения
Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан
Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ
Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 2 (6)
2024**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasily D. Ostanin-Golovnya – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus

Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке	7
Полищук А.И. О движении против хиджабов в Иране	35
Сейеди Асл С., Джан З.А. Значение ШОС в политике «Взгляд на восток» Исламской Республики Иран с геополитической точки зрения	49
Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе.....	67
Чабиева Т.С. Россия и Иран в XXI в.: основные итоги взаимодействия и международного сотрудничества	88
Обухова А.Н. Роль и значение российско-иранского сотрудничества в формировании новых экономических коридоров.....	103
Ранджбар М.Д. Навигация по идеалам и реальности: взаимодействие идеологии и прагматизма во внешней политике Ирана после 1979 г.	121
Самаков Н.В. Политика санкций и солидаризации общества: кейсы России и Ирана.....	143

CONTENTS

<i>Akhmedov V.M.</i> Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in Middle East.....	7
<i>Polishchuk A.I.</i> About Movement Against Hijabs in Iran	35
<i>Seyedi Asl S., Can Z.A.</i> Importance of SCO in Iran's "Look East" Policy from Geopolitical Perspective	49
<i>Stoletov O.V.</i> Iranian Factor in Geo-Economic Processes of Global South at Present Stage.....	67
<i>Chabieva T.S.</i> Russia and Iran in 21st Century: Key Outcomes of Cooperation and International Cooperation.....	88
<i>Obukhova A.N.</i> Importance of Russian-Iranian Cooperation for New Economic Corridors Development	103
<i>Ranjbar M.D.</i> Navigating Ideals and Realities: Interplay of Ideology and Pragmatism in Iran's Foreign Policy Post-1979	121
<i>Samakov N.V.</i> Sanctions Policy and Solidarization of Society: Russian and Iranian Cases	143

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01
УДК 327+94

СИРИЙСКО-ИРАНСКИЙ АЛЬЯНС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

АХМЕДОВ Владимир Муртузович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра исследования общих проблем современного Востока,
Институт востоковедения РАН.

E-mail: arabist@live.com

SPIN-код: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

Для цитирования: *Ахмедов В.М.* Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 7–34. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01.

Аннотация. В статье исследуется «феномен» сирийско-иранского альянса в контексте политики Ирана на Арабском Востоке. Целью данной работы является исследование эволюции сирийско-иранских отношений в условиях обострения борьбы за Ближний Восток на рубеже XX–XXI вв. Рассмотрены факторы влияния в арабо-иранских, ирано-сирийских отношениях на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено изучению наиболее важных аспектов политики Ирана в Сирии в процессе эволюции региональных, международных отношений и трансформации политики Исламской Республики Иран (ИРИ) на Ближнем Востоке. В рамках системного подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли исторического наследия арабо-иранских отношений в политике Ирана в Сирии. Автор показывает роль силовых структур Ирана и шиитских милиций в сирийском кризисе. Проведен анализ мотивов и факторов вооруженного вмешательства ИРИ в Сирийской Арабской Республике (САР). Изучены особенности иранской вооруженной операции в Сирии. Рассмотрен характер взаимодействия ИРИ с властями Дамаска, природа взаимодействия регулярных иранских сил и специальных войск с милицейскими формированиями. Особое внимание уделено роли этнических и религиозных факторов в проведении войсковой операции ИРИ в САР. Проанализировано влияние войны в Газе на Сирию в контексте ирано-израильского противостояния на Ближнем Востоке. Изложенные

выше положения объясняют причину избрания автором указанной темы исследования. С учетом исключительного характера сирийско-иранского альянса, представленная статья вносит несомненный научный вклад в изучение политики ИРИ в регионе и дает представление о поведенческой модели Ирана в кризисных условиях на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Иран, сирийский кризис, Ближний Восток, шиитские милиции, Израиль, арабы.

Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in Middle East

Vladimir M. AKHMEDOV

PhD in History, Assistant Professor, Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: arabist@live.com

SPIN-code: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

For citation: Akhmedov V.M. (2024). Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 7–34. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.01.

Abstract. The article examines a “phenomenon” of Syria-Iran alliance regards Iran's politics in the Middle East. Main research goal of this article focuses on studying the developments of Syria-Iran relations in view of the ongoing fights on Middle East on the brink of XX–XXI centuries. The influential factors that shaped Arab-Iranian interaction and Syria-Iran relations are studied. Main attention is paid to study most pronounced aspects of Iran's politics in the Syrian Arab Republic (SAR) regards the developments in international relations and changing Iranian policy in the Middle East. By adopting the historic approach, the author examines the role of Arab-Iran legacy in Iran's politics in Syria. The role of Iran's military and Shiites militias in Syrian crisis are shown. Given the analyses of Iran's imputes and motives in Syria, the author studies the specificity of Iran's military operation in this Arab country. The author observes the nature of Iran's interaction with Damascus's authorities as well as the character of cooperation between Iran's regular forces with paramilitary units. The role of sectarian factors in conducting Iran's policy in Syria is the subject of main author's attention. In context of Iran-Israel fighting on the Middle East, the author analyses how Gaza war affected Syria. Given unique nature of the Syria-Iran alliance, this article presents a valuable contribution to the studies on contemporary Iran's policy in the Middle East. The above-mentioned questions shape the urgency of pre-

sented research paper that investigates most of advanced statements and proves forwarded conclusions.

Keywords: Iran, Syrian crisis, Middle East, shiites militias, Israel, arabs.

Теоретические рамки исследования

В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов, посвященных кризису в Сирийской Арабской Республике (САР), политике Исламской Республики Иран (ИРИ) в Сирии и на Ближнем Востоке. Однако проблемы эволюции арабо-иранских отношений и внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса и вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке в рамках борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными.

В российской и западной ориенталистике существовало несколько подходов к оценке внешней политики Сирии и Ирана. Одни исследователи были склонны рассматривать политику Сирии в рамках реалистической модели, считая, что президент Х. аль-Асад вел борьбу за Ближний Восток. Другие полагали, что сирийская политика определялась авторитарным и сектантским характером правящего режима, который стремился отвлечь общественное внимание от внутренних проблем^{1,2,3,4}. Анализируя внешнюю политику ИРИ, ряд исследователей делали упор на идеологию как драйвер политики экспорта исламской революции и укрепления власти внутри страны. Другая точка зрения исходила из того, что внешняя политика ИРИ была продиктована государственными интересами и носила прагматичный характер^{5,6}.

¹ Pipes D. Greater Syria: The History of an Ambitions. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 115–193.

² Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 580 p.

³ Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 225 с.

⁴ Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.

⁵ Espozito J., Piscatory J. The Iranian Revolution: Its Global Impact. – Gainesville, Fla.: Florida International University Press, 1990. – P. 1–16.

⁶ Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан): сборник статей. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 552 с.

На деле внешняя политика государств гораздо чаще определяется национальными интересами, нежели характером правящего режима и внутривластных конфликтами. История Сирии 1963–1967 гг. свидетельствует, что приоритеты внутренней и внешней политики менялись вне зависимости друг от друга⁷. Правящие режимы в равной степени сталкивались с угрозой подрыва власти как изнутри, так и извне^{8,9}. Так, ирано-иракская война (1980–1988) и агрессия США в Ирак (2003) представляли угрозу для внутривластной стабильности Сирии и Ирана. С другой стороны, внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства^{10,11}.

В условиях Ближнего Востока режимы, пришедшие к власти на волне радикальных, революционных движений, отдавали приоритет решению внутривластных вопросов и проводили националистическую внешнюю политику как ответ на вызовы глобализации. В Сирии власть алавитского меньшинства легитимировалась на основе идей арабского национализма. Пришедший к власти в Иране в 1979 г. режим консолидировался на общеисламской и антиимпериалистической (Ни Восток, ни Запад) основе. Относительная слабость государства не всегда означала неспособность правящего режима к консолидации и проведению прагматичной внешней политики.

И Сирия, и Иран смогли преодолеть период внутренней нестабильности, реформировав систему управления, и показали способность к проведению независимой политики как ответ на

⁷ Пир-Будагова Э.П., Ахмедов В.М. Сирия // История Востока в новейший период (1945–2000 гг.) / ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – Москва: Вост. лит., 2008. – С. 196–205.

⁸ Мелкумян Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 317 с.

⁹ Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – 374 с.

¹⁰ Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.

¹¹ Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627.

внешние вызовы^{12,13}. В Сирии, как и в других странах с сильным правлением авторитарного типа, правящая элита смогла укрепить свою относительную самостоятельность в сфере внешней политики. В этом случае механизм принятия решений формировался на прагматичной основе. Для таких стран, как Иран, где правящая элита была не столь единой, была больше характерна политическая модель бюрократического типа, которая предполагала учет интересов различных политических сил в принятии внешнеполитических решений^{14,15}. В Сирии и Иране личностные особенности и идеологические ценности лидера оказывали большое влияние на характер внешней политики. В то же время это влияние было ограничено такими факторами, как и история и география^{16,17}.

Внешняя политика арабских стран и Ирана зависела от избранной модели государственного устройства, которая в свою очередь определялась господствующей идеологией и балансом интересов политических сил. В Сирии, где национализм обеспечивал легитимность власти, внутривнутриполитическая стабильность в значительной мере зависела от националистически ориентированной внешней политики. В отличие от светского режима САР, в ИРИ политика содержала сильный компонент исламских ценностей и религиозных догматов. И в том, и в другом случае сохранение долговременной стабильности предполагало соответствие внешнеполитического курса базовым национальным установкам,

¹² Dawisha A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy // *Beyond Coercion: The Durability of the Arab State* / ed. by Dawisha A., Zartman I.W. – London: Croom Helm, 1988. – P. 260–275.

¹³ Арабаджян А.З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX – XX вв.). – Москва: Наука, 1991. – 125 с.

¹⁴ Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка // *Политическая элита Ближнего Востока*. – Москва: ИИИиБВ, 2000. – С. 18–25.

¹⁵ Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2016. – № 1. – С. 88–97.

¹⁶ Ramazani R.K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. – 400 p.

¹⁷ Maoz M. Hafiz al-Assad: A Political Profile // *Jerusalem Quarterly*. – 1978. – № 8. – P. 16–31.

которые служили легитимации власти. В Сирии это была светская идеология «баасизма», обслуживавшая интересы правящего алавитского меньшинства. В ИРИ носителями господствующей идеологии выступало духовенство, которое занимало господствующие позиции в руководстве страной^{18,19}.

В странах с неразвитой экономикой внешняя политика зачастую определялась задачами мобилизации ресурсов в интересах поддержки экономических основ государства. Богатая ресурсная база отчасти освобождала внешнюю политику от некоторых экономических ограничений. Однако зависимость экономического развития от нефти в качестве основного экспортного продукта делала политику государства уязвимой в условиях мировых экономических кризисов и колебаний мировых цен²⁰. Как в Сирии, так и в Иране режим использовал природные богатства для того, чтобы минимизировать экономические ограничения своей внешнеполитической деятельности и диверсифицировать свою экономическую зависимость. Оба государства не могли игнорировать необходимость экономических реформ, которые в конечном итоге вели к политической либерализации, и более гибкой внешней политики для того, чтобы обеспечить доступ к новым технологиям и ресурсам^{21,22}.

Для понимания характера сирийско-иранского альянса его следует рассматривать с позиций реализма. В этом случае такие признаки государства, как идеология и тип политического устройства не играют решающей роли по сравнению с соображениями

¹⁸ Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 169–189.

¹⁹ Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 576 p.

²⁰ Dessouki A.E.H. Dilemmas of Security and Development in the Arab World: Aspects of Linkage // *The Many Faces of National Security in the Arab World* / ed. by Korany B., Noble P., Brynen R. – New York: Macmillan, 1993. – P. 76–90.

²¹ Мамедова Н.М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 324 с.

²² Матвеев И.А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 392 с.

геополитики^{23,24}. Сирийско-иранский альянс был призван сбалансировать отношения Сирии и Ирана с рядом региональных государств. Для шахского Ирана союз с САР служил балансом в его отношениях с другими арабскими странами и позволял снизить зависимость от США. Союз с Ираном позволял Сирии выравнять отношения с Ираком. В этом смысле сирийско-иранские отношения можно было рассматривать как фактор региональной стабильности^{25,26}.

Для исследования факторов влияния на характер арабо-иранского взаимодействия желательно также применить конструктивистский подход, согласно которому идентичность и идеология определяют средства, с помощью которых государства осознают свои интересы и вырабатывают параметры собственной безопасности^{27,28,29}. В то же время категории культуры и идентичности сами по себе не могут служить основными факторами, определяющими характер арабо-иранских отношений. В противном случае различия в отношениях Ирана с отдельными арабскими странами не удастся выявить в полной мере. Комплексный анализ отношений Ирана с арабскими странами невозможен без учета характеристик государств, влиявших на их поведение.

Изучение этих факторов предполагает использование системного подхода для анализа исторического опыта государств, их политической культуры, идеологии, демографии и ресурсной базы.

²³ Holsti K.J. *Why Nations Realign: Foreign Policy restructuring in the Postwar World*. – London: Allen&Unwin, 1982. – 238 p.

²⁴ Snyder G. *The Security Dilemma in Alliance Politics* // *World Politics*. – 1984. – № 36. – P. 461–495.

²⁵ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – 208 с.

²⁶ Hunter S.T. *Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance* // *Iran and the Arab World* / ed. by Amirahmadi H., Entessar N. – New York: St. Martin's Press, 1996. – P. 198–216.

²⁷ Waltz K. *Theory of International Politics*. – MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.

²⁸ Walt S.M. *International relations; One World, Many Theories* // *Foreign Policy*. – 1998. – № 110. – P. 29–46.

²⁹ Light M. *Foreign Policy Analysis* // *Contemporary International Relations. A Guide* / ed. by Groom A.J.R., Light M. – London: Print Publishers, 1994. – P. 93–99.

В этом случае можно выявить важные аспекты развития арабо-иранских отношений, поскольку государства всегда заботятся о сохранении баланса сил, будучи обеспокоены возможностью начала масштабного конфликта.

Таким образом, оптимальным методом исследования является синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений. Такой подход, адаптированный к ближневосточным реалиям, обеспечивает учет и анализ категорий внутренней политики отдельных стран в сочетании с показателями региональных систем.

Арабо-иранское наследие

Арабо-иранское историческое наследие по-прежнему влияет на политику Ирана на Ближнем Востоке. До начала арабских завоеваний Персии в 642 г. н.э. связи между арабами и персами отличались в целом конструктивным характером³⁰. Падение империи Сасанидов, арабизация и исламизация вызвали историческую травму в иранском обществе, отразившись в его политической культуре. Утверждение в XVI в. ислама шиитского толка в качестве государственной идеологии пробудило настроения соперничества у арабов, которые ревностно относились к своей пионерской роли в исламе. Расцвет национализма как основы государственного строительства в арабских странах и Иране обострил арабо-иранские отношения на основе этнических и религиозных различий двух народов³¹.

Современные модели национализма в арабских странах и Иране имели много общих черт, но отличались по ряду важных вопросов. Арабский национализм содержал сильный светский компонент и преследовал цель создания единого арабского государства. Иранская реакция на рост арабских национальных дви-

³⁰ Al-Duri A.A. Arab-Iranian relations: Historical Background // Arab-Iranian relations / ed. by Khair El-Din Haseeb. – Beirut: British Academic Press, 1998. – P. 3–18.

³¹ Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. – Cambridge: Cambridge University Press, 1966. – P. 99–102.

жений предопределила формирование этноцентричной модели иранского национализма. Она воплощала в себе стремление иранцев к обретению отличной от арабов идентичности и укреплению особой цивилизаторской роли Ирана в исламе. Иранские националисты рассматривали любое территориальное образование, население которого отдавало приоритет иранским культурно-языковым традициям в качестве «Иран замин» вне зависимости от характера отношений с правящим там режимом.

В то же время в Иране наблюдалась двойственность взаимоотношений ислама и национализма. Политика модернизации шахской династии Пехлеви (1925–1979) усилила атаки консервативного духовенства на сторонников национализма. Подобный подход значительно отличался от практики арабского национализма. В арабо-мусульманских странах ислам служил средством достижения национальных целей, а национализм помогал разрешению вопросов панисламизма³². Шиитский партикуляризм вызвал в арабской среде скептическое отношение к Ирану и его стремлению к монополизации «исламской миссии». После исламской революции в Иране многие арабские страны обвинили Тегеран в попытках экспорта шиитского вероучения³³ под видом распространения идей иранской революции. Нападки арабов на Иран усиливали позиции иранских националистов. Так, иранский президент М. Ахмединежад (2005–2013) рассматривал Иран не только как территориальное и этническое образование. Он считал иранскую нацию духовным феноменом, воплощавшим культуру древних цивилизаций³⁴. Подобные взгляды формировали общественный запрос на развитие идеологии иранизма как альтернативы

³² Enayat H. Iran and the Arabs // Arab Nationalism and a Wider World / ed. by Haim S. – New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971. – P. 17–52.

³³ Подробнее о шиитских сектах и шиитском вероучении см.: Ан-Наубахти Х.М. Шиитские секты / пер. с арабского, исслед. и комментарии С.М. Прозорова. – Москва: Наука, 1973. – С. 44–46.

³⁴ Машаи Б. Раскрывая роль Ахмединежада в приведении системы к революционным условиям в 1978 = Пардебардари-йе мешаи аз ма'мурийат-е Ахмадинежад: расандан-е незам бе шарайет-е энгалаби сал-е 57 // Tabnak. – 20.01.2018. – Персид. яз. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/766109> (дата обращения: 13.12.2023).

исламизму. Процесс строительства национальных государств в Иране и арабских странах придал арабо-иранскому историческому соперничеству характер борьбы за национальную безопасность. Провал светского национального проекта на фоне расцвета исламизма менял природу власти в арабских странах и Иране и обрекал их социум на поиски новой идеологической идентичности.

Религиозные и этнические мотивы в политике Ирана на Ближнем Востоке ярко проявились в развитии ситуации в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене. В то же время этно-конфессиональный фактор не имел предопределяющего характера в развитии арабо-иранских отношений. Стремление к региональному лидерству, политическому доминированию и контролю над ресурсами зачастую оказывало куда большее влияние на ирано-арабское взаимодействие.

Арабская политика Тегерана

Исламская революция изменила иранскую политическую систему, краеугольным камнем которой стала выработанная шиитским духовенством концепция исламского правления на основе учения о «велят-е факих». Таким образом, была создана новая государственная модель, сочетавшая принципы республиканского правления с исламским содержанием³⁵. Революционный Иран превратился в главный источник радикальных идей с сильным религиозным наполнением. Поддерживая негосударственные политические формирования на Ближнем Востоке, Тегеран проводил политику «экспорта исламской революции», стремясь установить в ближневосточных государствах схожую с ним исламскую систему правления³⁶. Политика экспорта революции потерпела провал в большинстве арабских стран. Исключением стал Ливан, где при помощи КСИР в 1982 г. была создана «Хизбалла», которая стала

³⁵ Hunter S.T. Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran // The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. ACMCU Occasional Paper. – 09.07.2014. – URL: https://issuu.com/georgetownfs/docs/shireen_hunter_iran_islam_and_th (дата обращения: 05.12.2023).

³⁶ Ramazani R.K. Iran's Export of the Revolution: Its Politics, Ends and Means // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies 13. – 1989. – № 1&2. – P. 69–87.

сильным союзником Ирана в борьбе за Левант и матрицей про-иранских вооруженных формирований.

К этому времени большинство арабских стран миновали стадию революционного развития. В большинстве арабских республик утвердились режимы светской направленности. После распада СССР на фоне растущего американского влияния арабские лидеры осознали бесперспективность достижения военной победы над Израилем и поддержали мирный процесс на Ближнем Востоке. Палестинская проблема стала постепенно терять свою политическую актуальность. Ряд арабских стран рассматривали иранскую поддержку «Исламского сопротивления» как угрозу своей безопасности.

После тяжелых потерь в войне с Ираком (1980–1988) Тегеран стал проводить гибкую политику в регионе. Иран стремился вырваться из международной изоляции и ослабить режим санкций. Власти ИРИ инициировали диалог цивилизаций в попытке получить доступ к западным технологиям и облегчить создание мирного атома. Одновременно большое внимание отводилось нормализации отношений с пограничными государствами³⁷. Договор о безопасности между КСА и ИРИ (апрель 2001 г.) стал первым шагом на пути создания новой системы безопасности в Персидском заливе.

Вторжение США в Ирак (2003) изменило баланс сил в регионе и создало угрозу национальной безопасности Ирана. Тегеран поддержал исламское сопротивление в Ираке как инструмент сдерживания американской гегемонии и экспансионистской активности Израиля на Ближнем Востоке. В 2006 г. Иран содействовал «Хизбалле» в противостоянии израильской агрессии на юге Ливана. В ходе волнений 2008–2009 гг. в Бейруте Тегеран укрепил позиции шиитских сил в ливанском руководстве и обеспечил поддержку ХАМАС во время войны в Газе зимой 2009 г.

Вызванные «арабской весной» изменения в регионе содействовали реализации стратегических задач иранской внешней политики на Ближнем Востоке. Возобновление ирано-египетских отношений знаменовало отход АРЕ от альянса «умеренных» арабских стран под патронажем США и ослабило антииранскую поли-

³⁷ Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. – 1994. – № 2. – P. 45–55.

тику арабских монархий Залива во главе с Саудовской Аравией. Однако события в Бахрейне 2011–2012 гг. показали, что Иран недооценил потенциал арабской солидарности в вопросах защиты арабских региональных сфер влияния. Ввод вооруженных сил стран ССАГПЗ в Бахрейн серьезно осложнил отношения между Эр-Риядом и Тегераном.

Арабские восстания привели к расколу прежних союзов и заставили Тегеран пересмотреть ряд фундаментальных принципов своей внешней политики, провозглашенных в начале исламской революции³⁸. Тегеран принял новую стратегию на основе установок КСИР, согласно которым «Исламское Сопротивление» (ИС) служило краеугольным камнем иранской политики на Ближнем Востоке. Идеологическая модель КСИР как силы параллельной регулярной армии и прочно укорененной в структурах реальной власти, была взята за основу в процессе создания шиитских милиционных формирований³⁹. Используя внутриарабские разногласия, Иран смог добиться определенных политических результатов в обеспечении поддержки союзных ему арабских стран и шиитских общин в регионе. Однако напряженные отношения с США и его ближневосточными партнерами, тупик на переговорах по ядерной программе осложняли нормализацию арабо-иранских отношений и провоцировали новые конфликты, которые угрожали национальной безопасности Ирана.

Сирийско-иранский альянс

В 1945 г. Иран открыл свое консульство в Дамаске. Однако только после прихода к власти в САР Х. аль-Асада (1970) в сирийско-иранских отношениях наметился заметный прогресс. Союз между персидской исламской теократией и арабской светской рес-

³⁸ Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – С. 68–113.

³⁹ Hamidreza A. Convergence and Continuity – Iran’s Regional Policy under the Raisi Presidency // Friedrich Ebert Stiftung (FES). – 24.06.2021. – URL: <https://www.fes.de/en/referat-naheer-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iranelections/konvergenz-und-kontinuitaet-irans-regionalpolitik-unter-praesident-raissi> (дата обращения: 25.03.2023).

публикой рассматривался многими как нетипичный политический альянс (или мезальянс) на Ближнем Востоке. Однако сирийский и иранский лидеры разделяли общие политические взгляды, которые в условиях региональной конъюнктуры брали верх над их идеологическими предпочтениями. Дамаск и Тегеран пытались сдерживать потенциальную угрозу со стороны соседнего Ирака и Турции, стремились сбалансировать влияние прозападного арабского блока (Египта, Саудовской Аравии), ограничить американское влияние на Ближнем Востоке⁴⁰.

Идеологическая близость и религиозная схожесть сирийской и иранской элит сыграли важную роль в развитии этого «нетипичного» альянса. Более 50 лет алавиты правят Сирией. Накануне кризиса 2011 г. сирийское общество было представлено четырьмя основными конфессиями и этносами – сунниты-арабы (65%), алавиты (10–12), курды (15) и христиане (5%)⁴¹. В результате специфического характера доктринальных установок, алавиты, несмотря на свою принадлежность к шиитской ветви ислама, постоянно испытывали трудности с легитимацией в доминирующем суннитском окружении. Со своей стороны, Иран добивался признания алавитов в качестве одной из шиитских сект. Действительно, только Иран как ведущая шиитская держава мог оградить сирийских алавитов от нападков со стороны их влиятельных религиозных оппонентов. В 1973 г. тесно связанный с Кумом (Иран) глава Высшего шиитского совета Ливана М. аль-Садр, издал фетву (религиозное предписание) о признании алавитов шиитами⁴². Влияние Ирана в Сирии заметно выросло после прихода к власти Б. аль-Асада в июне 2000 г. В отличие от руководителей ведущих сирийских органов безопасности, чей поведенческий стереотип во многом определялся конфессиональной

⁴⁰ Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. – Москва: Ключ-С, 2010. – С. 152–173.

⁴¹ Ахмедов В.М. Эволюция конфессиональной карты Сирии // Институт Ближнего Востока. – 02.04.2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=43139> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴² Hatem A. The Alawites: Religion, marginalization, and militarization conspire against them // Raseef22. – 26.05.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093385-the-alawites-religion-marginalization-and-militarization-conspire-against-them/> (дата обращения: 27.05.2023).

принадлежностью, Б. аль-Асад никогда не позиционировал себя как лидера алавитской общины⁴³. Несмотря на это, в Сирии участились случаи перехода в шиизм, особенно среди алавитов, которые стремились повысить свой социальный статус.

Продвинув представителей шиитских общин Сирии и Ливана к власти, Иран получил возможность укрепить свои политические и военные позиции в Леванте. Сирия была нужна Ирану по ряду причин. Благодаря усилиям Б. аль-Асада Тегеран смог сорвать создание под эгидой США антииранского фронта в регионе. Дамаск служил проводником иранской политики в Ливане, основной целью которой было укрепление позиций шиитской общины во главе с «Хизбаллой».

Пик иранского проникновения в Сирию пришелся на 2007–2009 гг. Именно в этот период Тегеран и Дамаск подписали серию взаимовыгодных военных и экономических контрактов, которые получили развитие в 2019–2022 гг.⁴⁴ Это позволило Ирану проникнуть практически во все институты сирийского государства. Тегеран стал играть возрастающую роль в сирийском обществе и оказывал выгодное ему влияние на умонастроения правящей сирийской элиты.

Предпринимавшиеся сирийско-иранским альянсом шаги на региональной арене не всегда носили сбалансированный характер. В 1980 г. Дамаск поддержал Иран в войне с Ираком, в то время, когда практически все арабские государства встали на сторону Багдада. Дамаск опасался, что в случае поражения Ирана, Багдад займет место регионального лидера и попытается избавиться от алавитского режима в Сирии⁴⁵. В то же время Иран расценивал сирийскую поддержку возглавляемой КСА интервенции на Бахрейн (2011) как признак усиливающейся слабости режима аль-

⁴³ Al-Youssef A. Enemies become allies. Alawites take on the unlikely Saudi-Syrian rapprochement // Raseef22. – 05.06.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093522-enemies-become-allies-alawites-take-on-the-unlikely-saudi-syrian-rapprochement> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴⁴ Akhmedov V.M. The Syrian Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition / ed. by Goldstone J.A. et al. – Heidelberg: Springer Nature Switzerland, 2022. – P. 19–45.

⁴⁵ Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkley: University of California Press, 1988. – P. 353–502.

Асада перед лицом господствующего регионального суннитского окружения.

Несмотря на это ирано-сирийский альянс существует уже более 50 лет и добился впечатляющих успехов на региональной арене.

Сирийское обострение

Восстание против режима аль-Асада в Сирии представляло реальную угрозу отношениям Дамаска с Тегераном⁴⁶. Иран сыграл большую роль в поддержке правящего в САР режима. С января 2012 г. Центральный банк Ирана открыл Дамаску многомиллиардную кредитную линию. По мере расширения масштабов вооруженного противостояния и участия в нем джихадистских движений в результате мятежа «Исламского государства» (деятельность организации запрещена на территории России) Иран нарастил свое военное присутствие в САР. В Сирии сражались подразделения КСИР и регулярной иранской армии (Артеш) под командованием К. Сулеймани, который руководил обороной Дамаска и его пригородов⁴⁷.

Общая численность иранских военных в САР составляла немногим более 15 тыс. человек. Иран направил в Сирию бойцов ливанской «Хизбаллы» (10–14 тыс. человек) и шиитские милиции для поддержки сирийской армии, которая в результате серьезных потерь терпела поражения. К осени 2015 г. численность сирийской армии (СAA) не превышала 100 тыс. против 300 тыс. в начале конфликта. Неудивительно, что сирийский режим контролировал не более 15–20% национальной территории. Сражавшаяся против аль-Асада Свободная сирийская армия (ССА) состояла в основном из дезертировавших сирийских офицеров. Ее общая численность не превышала 30–35 тыс. бойцов. Без поддержки вооруженной исламской оппозиции, в отрядах которой на рубеже 2014–2015 гг.

⁴⁶ Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.

⁴⁷ Детали операции КСИР на западных границах Ирана = Joz'eaat-e razmash-e seraph-e pasdaran dar merzha-ye gharbi-ye keshwar // Tasnim. – 24.09.2017. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022).

сражалось 70–80 тыс. бойцов, ССА не могла противостоять правительственным войскам⁴⁸.

В конце 2015 г. Национальные силы обороны (НСО) и Местные силы обороны (МСО) представляли крупнейшие проиранские милиции Сирии. С 2013 г. Иран приступил к созданию МСО общей численностью в 50 тыс. человек⁴⁹. К концу 2021 г. в рядах шиитских милиций Сирии сражалось около 53 тыс. бойцов из Ирака, Афганистана и Пакистана⁵⁰. Численность афганской бригады аль-Фатимиюн составляла 10–20 тыс. человек⁵¹. По сравнению с аль-Фатимиюн численность пакистанской бригады аль-Зейнобиюн не превышала 2,5 тыс. бойцов⁵². В конце 2019 г. общая численность проиранских милиций в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, Афганистане и Пакистане составляла 250 тыс. бойцов⁵³.

Участие российских Военно-космических сил (ВКС) в сирийском конфликте с осени 2015 г. привело к изменению баланса сил. Менее чем за год размер подконтрольной правительству аль-Асада территории вырос до 35–40%. Под руководством военных советников из России и Ирана сирийский режим приступил к соз-

⁴⁸ Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – С. 210–222.

⁴⁹ Saban N. Fact box: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. – 05.11.2020. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/> (дата обращения: 05.05.2023).

⁵⁰ Iranian Press Review: Iran Changes Tactics in Syria to Counter Israel // Middle East Eye. – 04.06.2020. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iranian-press-review-iran-changes-tactics-syria-counter-israel> (дата обращения: 08.06.2023).

⁵¹ Фатимиюн – армия праведных бойцов-защитников (исламских) святых = Фатамун; лошкар-е сардаран-е биедэ-йе модафэ-йе харам // Mashreghnews. – 27.12.2015. – Персид. яз. – URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/514104> (дата обращения: 12.08.2023).

⁵² Wigger L. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation // Magazine.zenith. – 26.09.2019. – URL: <https://magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia/> (дата обращения: 25.09.2022).

⁵³ Jones S.G. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities // Center for Strategic & International Studies (CSIS). – 06.01.2020. – URL: <https://www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-irans-power-and-exploiting-its-vulnerabilities> (дата обращения: 15.08.2023).

данию 4 и 5-го корпусов САА, в состав которых были впоследствии интегрированы шиитские милиции⁵⁴.

На рубеже 2021–2022 гг. по мере ослабления накала вооруженной борьбы и изменения баланса сил в пользу Б. аль-Асада, режим провел ряд масштабных перестановок в рядах офицерского корпуса, чтобы упрочить его персональную лояльность аль-Асаду и инкорпорировал в регулярную армию около 25% проиранских милиций из МСО. Ранее Б. аль-Асад отказался от идеи роспуска многочисленных шиитских милиций, опасаясь возможного мятежа, и избрал стратегию их постепенного «растворения» в составе национальных вооруженных сил. Советники из КСИР и «Хизбаллы» оказали сирийскому режиму помощь в развитии тренировочных программ для подготовки офицеров спецподразделений ССА.

Несмотря на снижение уровня вооруженной конфронтации, Иран не только не сократил свое военное присутствие в САР, а, наоборот, увеличил численность шиитских вооруженных формирований⁵⁵. Включение милиционных формирований в состав САА обеспечило Тегерану многоуровневое и долговременное влияние в Сирии. Несмотря на различия в идеологии, этническом происхождении, степени лояльности Ирану, шиитские милиции являлись надежным союзником Ирана в САР. С их помощью Иран сумел установить прямой контроль над рядом подразделений САА и влиять на их стратегический выбор. Вооруженное участие Ирана в сирийском конфликте знаменовало коренной поворот в конфессиональной политике Тегерана на Ближнем Востоке. Иран продолжил поддержку небольших милиций, одновременно делая ставку на полугосударственные формирования.

Новая стратегия Ирана оказала влияние на государственные институты Сирии. С учетом конфессиональных предпочтений и политических целей шиитских милиций, их интеграция в состав регулярных частей меняла идеологическую основу индоктринации сирийских военных. Офицеры шиитских бригад аль-Фатимюн и аль-Зейнобиюн публично заявляли о примате своей пре-

⁵⁴ Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). – Москва: ИВ РАН, 2022. – С. 154–176.

⁵⁵ Jamal A.S. Mission Accomplished? What's Next for Iran's Afghan Fighters in Syria // War on the Rocks. – 13.02.2018. – URL: <https://warontherocks.com/2018/02/mission-accomplished-whats-next-irans-afghanfighters-syria/> (дата обращения: 23.07.2023).

данности «велят-е факих» по сравнению с властями Дамаска⁵⁶. Данное обстоятельство делало проблематичным создание в Сирии инклюзивного правительства и достижение национального согласия в обществе. С другой стороны, иранское влияние в САР зависело от аль-Асада и верных Ирану представителей в правящей элите. Позиции Ирана в Сирии могли быть серьезно поколеблены в условиях политического транзита власти и отстранения от механизма принятия решений проиранских сил, их замены на сторонников России. Начиная с 2020 г. проиранские милиции стремились сбалансировать влияние российских военных, а также сдерживали присутствие США и Турции в различных районах САР⁵⁷.

Укрепление иранских позиций в САР оказало неоднозначное влияние на характер взаимоотношений ИРИ с крупными региональными и мировыми игроками на поле сирийского конфликта. Атаки проиранских милиций на израильские и американские объекты привели к обострению ирано-израильского и ирано-американского противостояния в регионе. Данный факт ярко проявился в 2021–2022 гг. после массированных бомбардировок израильской авиации военных объектов ИРИ⁵⁸. Война разведок и диверсионных подразделений Тель-Авива и Ирана вышла за пределы Леванта, охватив другие страны Ближнего Востока и Кавказского региона. Весной-осенью 2023 г. шиитские милиции нанесли ракетно-артиллерийские удары по израильским поселениям в Палестине и американским военным целям в САР. Вооруженный конфликт между Тель-Авивом и Тегераном вошел в критическую фазу⁵⁹.

⁵⁶ Ширази А. Мученики отдали свои жизни, чтобы защитить власть велят-е факих = Shuhada berae defa'e az haram wlaat jan khwad rafda krdand // IRNA. – 12.01.2019. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/83168070> (дата обращения: 12.06.2023).

⁵⁷ Нааме А. После Имам аль-Али Иран строит вторую базу к востоку от Дейр аль-Зора в Сирии = Бада аль имаи али иран табни каида сания шарк дейр аз зор фи сурия // Arabi21. – 28.10.2021. – Араб. яз. – URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (дата обращения: 24.11.2021).

⁵⁸ Абу Зухри А. Иран, Ливан, Газа и возможная война Израиля = Иран ва любнан ва китаа газа ва харб исраиль аль мухтамала // Palltimeps. – 04.03.2023. – Араб. яз. – URL: <https://palltimeps.ps/post/354610/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵⁹ Подробнее о ирано-израильском противостоянии в САР см.: Ахмедов В.М. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии // Пути к

Испытание Газой

В первой декаде октября 2023 г. ХАМАС атаковал Израиль⁶⁰. Первая реакция Тегерана проявилась в стремлении дистанцироваться от действий ХАМАС. Иран опасался возможной реакции США по аналогии с терактами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Вне зависимости от желания Тегерана действия «Оси исламского сопротивления» превращали Исламскую республику в активного участника конфликта.

В ответ на призывы командира бригад «аль-Кассам» М. Дейфа к силам «Исламского Сопротивления» поддержать ХАМАС в борьбе с Израилем представители крупнейших шиитских милиций Ирака и Сирии заявили, что защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада и Дамаска⁶¹. Они атаковали американских военных в Ираке и Сирии, нанесли удары по израильским поселениям на севере Палестины. Вскоре Иран был вынужден пересмотреть свою позицию. Тегеран оказал военную и политическую поддержку силам Исламского сопротивления (ИС) в Газе и на юге Ливана. Шиитские милиции укрепили позиции на юге и востоке САР. По соображениям безопасности КСИР и «Хизбалла» передислоцировали свои штабы в новые кварталы престижных пригородов Дамаска. Шиитские милиции, наоборот, усилили присутствие в густонаселенных районах старого Дамаска и его ближайших пригородов⁶².

миру и безопасности. – 2023. – № 1 (64). – С. 147–166. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.

⁶⁰ Аль-Амин И. Батальоны «аль-Кассам» ждут наземную операцию, «Хизболла» отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израйля против Газы, а «ось сопротивления» в полной готовности = Катаиб аль кассам тантазир аль хужум аль баррий ва хизбалла ярфуду тахгир аль муадалят: амрика такуд аль харб аль исрайилия дыда газа ва михвар аль мукаввама фи истнфар // Al-Akhbar. – 11.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://al-akhbar.com/Palestine/370996> (дата обращения: 15.11.2023).

⁶¹ Мармаль И. Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван» = Халь тусдир аль авамир ли кувват аль радван? // Aljoughouria. – 13.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoughouria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023).

⁶² Укрытия КСИР в престижных кварталах Дамаска – легкая цель для Израйля = Махабия аль харас аль саурий фи ахъя димашк аль хасина хадф сахль

Иран диверсифицировал пути и средства доставки оружия в Ливан и Газу и заявил о поставке САА системы ПВО типа «Хардад-15». В ответ Израиль нанес десятки ударов по иранским целям в Сирии. С января 2024 г. Израиль трижды атаковал Дамаск, Алеппо и Хомс. Целью этих ударов стали склады оружия, боеприпасов, позиции шиитских милиций. Эскалация конфликта меняла характер войны. В результате успешной работы МОССАД Израиль ликвидировал в декабре 2023 – январе 2024 гг. представителей КСИР и «аль-Кодс» в САР (Р. Мусави)⁶³, командира бригад «аль-Радван» (спецподразделение «Хизбаллы») В. Тавиля (Хадж Джавада) на юге Ливана, военного лидера ХАМАС С. аль-Арури в южных пригородах Бейрута⁶⁴. Израилю не удалось сократить иранское присутствие в САР и парализовать действия милиций. Ирано-израильское противоборство приняло новые формы и распространилось на другие страны региона.

Активизация джихадистских сил в регионе на фоне войны в Газе была чревата угрозой межгосударственных конфликтов на Ближнем Востоке. Обмен ракетными ударами между Ираном и Пакистаном, воздушные атаки Ирана, Израиля, США по целям в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене под предлогом «зачистки» джихадистов, свидетельствовали, что регион находится на грани крупномасштабной катастрофы.

Сегодня кризисная политика ИРИ в арабских странах решает несколько стратегических задач. С помощью «Хизбаллы» Иран укрепляет контроль над территорией Ливана и Сирии и одновременно стремится сохранить нормальные отношения с Саудовской Аравией, чтобы предотвратить распространение войны на юге Ливана и отработать возможные сценарии перемирия в Газе. Тегеран разработал дорожную карту урегулирования ситуации в Красном

ли израиль // Asharq Al-Awsat. – 21.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://aawsat.com/4869471> (дата обращения: 27.02.2024).

⁶³ Иса Т. Ни мира в Газе, ни войны в Ливане = Ля салям фи газа ва ля харб фи любнан // Aljoughouria. – 05.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoughouria.com/ar/news/706996> (дата обращения: 19.01.2024).

⁶⁴ Радия С. После убийства аль-Арури и Тавиля встает вопрос о разведывательном проникновении в Хезболлу = Баада ихтияль аль арури ва тавиль халь хизб алла мухтарак истихибаратийан // Anadolu Agency. – 09.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/ar/3103482/> (дата обращения: 12.01.2024).

море и наладил отношения с военным командованием Судана, стремясь взять под контроль порт Судан⁶⁵.

После ракетно-артиллерийских ударов Ирана и шиитских милиций по американской базе на границе с Иорданией и Иракскому Курдистану ситуация в этом районе остается по-прежнему тяжелой. Визит командующего силами «аль-Кодс» Э. Каани в Ирак способствовал прекращению атак на американские объекты в Ираке. Тегеран опасается, что гибель американских военных может побудить США усилить атаки на командиров милиций и даже нанести удар по Ирану. Иран стремится ликвидировать лидеров курдских вооруженных формирований, связанных с М. Барзани и ДПК. Курдские отряды – единственная неподконтрольная Ирану сила в Ираке, которая блокирует доступ шиитских милиций к нефтяным полям в этих районах⁶⁶.

В Ливане сохраняется вероятность открытия второго фронта. С одной стороны, Б. Нетаньяху неспособен сегодня начать в одностороннем порядке войну в Ливане. С другой, США не могут гарантированно сдерживать израильского премьера, в случае если АОИ сможет разбить силы ХАМАС в районе КПП РАФАХ. Власти Ливана не контролируют «Хизбаллу», которая в случае провала миссии Б. Нетаньяху в Газе может инициировать ракетные удары по израильским поселениям Северной Галилеи с территории юга Ливана, чтобы не допустить ликвидации военного крыла ХАМАС в Газе⁶⁷.

Пока Израиль, США и Иран предпочитают тактику активного сдерживания, нежели открытых военных действий. «Хиз-

⁶⁵ Рейхан И. Абделахьян в интервью аль-Асас: мы ведем переговоры с Эр-Риядом чтобы остановить войну в Газе = Абд аль лахьян ли асас наташавар маа аль рияд ли вакф аль харб фи газа // Asasmedia. – 15.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.asasmedia.com/59824> (дата обращения: 26.02.2024).

⁶⁶ Иран держит Эрбиль на прицеле чтобы ослабить власть Барзани, который бросает вызов (иранскому) влиянию = Иран тастахдив ирбиль ли идабаф султа барзани альяли ттахадда нуфузуха // Аль-Араб. – 18.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 25.02.2024).

⁶⁷ Аль-Раба Мунир. Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные действия = Манъя исрайил мин аль интисар халь яфруд харбан истибакийян // Almodon. – 19.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.almodon.com/politics/2024/2/19/> (дата обращения: 27.02.2024).

балла» вряд ли примет самостоятельное решение о войне с Израилем без согласия Тегерана. Несмотря на союзнические отношения Израиля и США, Тель-Авиву вряд ли удастся втянуть Вашингтон в войну с Ираном на Ближнем Востоке. В отсутствие ядерной дипломатии и эскалации ближневосточного конфликта налаживание каналов связи с Ираном могло бы иметь решающее значение в процессе управления кризисом.

* * *

В последние десятилетия характер наиболее острых конфликтов и основные параметры их урегулирования в немалой степени определялись динамикой арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Сирийский кризис придал новые измерения сирийско-иранским отношениям. Появившиеся в 2023 г. позитивные признаки в развитии региональной ситуации не гарантируют устойчивую нормализацию в отношениях Ирана с арабскими странами. Арабские партнеры Сирии в Персидском заливе, прежде всего Саудовская Аравия, были обескуражены майскими торжествами в 2023 г. в Дамаске по случаю визита в Сирию иранского президента Э. Раиси. После «дипломатии катастроф» (февраль)⁶⁸, восстановления КСА отношений с Ираном (март) и Сирией (апрель), разноформатных арабских встреч по Сирии в Эр-Рияде и Джидде (апрель), консолидированного арабского решения о возвращении САР в ЛАГ (май) иранский президент, игнорируя саудовское приглашение, приехал в Дамаск.

Распространение войны в Газе на другие ближневосточные государства вызвало отрицательное отношение в политических кругах арабских стран. Многие арабские политики считали, что Иран использует арабские страны в качестве полигона для решения своей стратегической задачи – вывода американских войск из Ирака и Сирии. Подобные настроения могут привести к новому обострению арабо-иранского соперничества. Напряженность в арабо-иранских отношениях, эскалация вооруженного конфликта между Израилем и силами «Исламского Сопротивления» в лице

⁶⁸ Арабская гуманитарная помощь Сирии после землетрясения 6 февраля 2023 года.

ХАМАС и «Хизбаллы» тормозят процессы сирийской нормализации. Отсутствие внутривластной устойчивости в Сирийской Арабской Республике чревато дестабилизацией обстановки в других странах Ближнего Востока.

В перспективе политика Ирана на Ближнем Востоке будет во многом определяться характером эволюции сирийско-иранских и арабо-иранских отношений, развитием политических систем этих стран, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Заметное влияние на региональную политику Ирана будет оказывать и политика мировых держав на Ближнем Востоке. От того, удастся ли в ближайшие месяцы договориться Вашингтону и Тегерану, будет зависеть развитие ситуации в палестино-израильском конфликте и перспектива «Большой войны» на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Ан-Наубахти Х.М. Шиитские секты / пер. с арабского, исслед. и комментарии С.М. Прозорова. – Москва: Наука, 1973. – С. 44–46.
2. Арабаджян А.З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). – Москва: Наука, 1991. – 125 с.
3. Ахмедов В.М. Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX – 20-е годы XXI вв.). – Москва: ИВ РАН, 2023. – 374 с.
4. Ахмедов В.М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка // Политическая элита Ближнего Востока. – Москва: ИИИиБВ, 2000. – С. 18–25.
5. Ахмедов В.М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). – Москва: ИВ РАН, 2022. – С. 154–176.
6. Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. – Москва: Ключ-С, 2010. – С. 152–173.
7. Ахмедов В.М. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 1 (64). – С. 147–166. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.
8. Ахмедов В.М. Эволюция конфессиональной карты Сирии // Институт Ближнего Востока. – 02.04.2018. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=43139> (дата обращения: 21.09.2023).

9. Ахмедов В.М., Кулагина Л.М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е – начало 2020-х гг.). – Москва: ИВ РАН, 2021. – 208 с.
10. Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.
11. Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 225 с.
12. Дунаева Е.В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 169–189. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189.
13. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 88–97.
14. Мамедова Н.М. Исламская экономика Ирана: теория и практика. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 324 с.
15. Матвеев И.А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению. – Москва: ИВ РАН, 2022. – 392 с.
16. Матвеев И.А. Сирия в конфликте. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 496 с.
17. Мелкумян Е.С. Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 317 с.
18. Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан): сборник статей. – Москва: ИВ РАН, 2023. – 552 с.
19. Пир-Будагова Э.П., Ахмедов В.М. Сирия // История Востока в новейший период (1945–2000 гг.) / ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – Москва: Вост. лит., 2008. – С. 196–205.
20. Юртаев В.И., Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/231306602016164616627.
21. Akhmedov V.M. The Syrian Revolution // Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition / ed. by Goldstone J.A. et al. – Heidelberg: Springer Nature Switzerland, 2022. – P. 19–45.
22. Al-Duri A.A. Arab-Iranian relations: Historical Background // Arab-Iranian relations / ed. by Khair El-Din Haseeb. – Beirut: British Academic Press, 1998. – P. 3–18.

23. Al-Youssef A. Enemies become allies. Alawites take on the unlikely Saudi-Syrian rapprochement // Raseef22. – 05.06.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093522-enemies-become-allies-alawites-take-on-the-unlikely-saudi-syrian-rapprochement> (дата обращения: 15.09.2023).
24. Dawisha A. Arab regimes; Legitimacy and Foreign Policy // *Beyond Coercion: The Durability of the Arab State* / ed. by Dawisha A., Zartman I.W. – London: Croom Helm, 1988. – P. 260–275.
25. Dessouki A.E.H. Dilemmas of Security and Development in the Arab World: Aspects of Linkage // *The Many Faces of National Security in the Arab World* / ed. by Korany B., Noble P., Brynen R. – New York: Macmillan, 1993. – P. 76–90.
26. Enayat H. Iran and the Arabs // *Arab Nationalism and a Wider World* / ed. by Haim S. – New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971. – P. 17–52.
27. Espozito J., Piscatory J. The Iranian Revolution: Its Global Impact. – Gainesville, Fla.: Florida International University Press, 1990. – P. 1–16.
28. Hamidreza A. Convergence and Continuity – Iran's Regional Policy under the Raisi Presidency // Friedrich Ebert Stiftung (FES). – 24.06.2021. – URL: <https://www.fes.de/en/referat-naheer-mittlerer-osten-und-nordafrika/iran-elections/artikelseite-iranelections/konvergenz-und-kontinuitaet-irans-regionalpolitik-unterpraesident-raissi> (дата обращения: 25.03.2023).
29. Hatem A. The Alawites: Religion, marginalization, and militarization conspire against them // Raseef22. – 26.05.2023. – URL: <https://raseef22.net/english/article/1093385-the-alawites-religion-marginalization-and-militarization-conspire-against-them/> (дата обращения: 27.05.2023).
30. Holsti K.J. Why Nations Realign: Foreign Policy restructuring in the Postwar World. – London: Allen&Unwin, 1982. – 238 p.
31. Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. – Cambridge: Cambridge University Press, 1966. – P. 99–102.
32. Hunter S.T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance // *Iran and the Arab World* / ed. by Amirahmadi H., Entessar N. – New York: St. Martin's Press, 1996. – P. 198–216.
33. Hunter S.T. Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran // *The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding*. Georgetown University. ACMCU Occasional Paper. – 09.07.2014. – URL: https://issuu.com/georgetownfs/docs/shireen_hunter_iran_islam_and_th (дата обращения: 05.12.2020).

34. Iranian Press Review: Iran Changes Tactics in Syria to Counter Israel // Middle East Eye. – 04.06.2020. – URL: <https://www.middleeasteye.net/news/iranian-press-review-iran-changes-tactics-syria-counter-israel> (дата обращения: 08.06.2023).
35. Jamal A.S. Mission Accomplished? What's Next for Iran's Afghan Fighters in Syria // War on the Rocks. – 13.02.2018. – URL: <https://warontherocks.com/2018/02/mission-accomplished-whats-next-irans-afghanfighters-syria/> (дата обращения: 23.07.2023).
36. Jones S.G. Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities // Center for Strategic & International Studies (CSIS). – 06.01.2020. – URL: <https://www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-irans-power-and-exploiting-its-vulnerabilities> (дата обращения: 15.08.2023).
37. Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. – 1994. – № 2. – P. 45–55.
38. Light M. Foreign Policy Analysis // Contemporary International Relations. A Guide / ed. by Groom A.J.R. and Light M. – London: Print Publishers, 1994. – P. 93–99.
39. Maoz M. Hafiz al-Assad: A Political Profile // Jerusalem Quarterly. – 1978. – № 8. – P. 16–31.
40. Pipes D. Greater Syria: The History of an Ambitions. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 115–193.
41. Ramazani R.K. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. – 400 p.
42. Ramazani R.K. Iran's Export of the Revolution: Its Politics, Ends and Means // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies 13. – 1989. – № 1&2. – P. 69–87.
43. Saban N. Fact box: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council. – 05.11.2020. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/factbox-iranian-influence-and-presence-in-syria/> (дата обращения: 05.05.2023).
44. Seal P. Asad: The Struggle for the Middle East. – Berkely, California: University of California Press, 1988. – 580 p.
45. Snyder G. The Security Dilemma in Alliance Politics // World Politics. – 1984. – № 36. – P. 461–495.
46. Walt S.M. International relations; One World, Many Theories // Foreign Policy. – 1998. – № 110. – P. 29–46.
47. Waltz K. Theory of International Politics. – MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
48. Wigger L. Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation // Magazine.zenith. – 26.09.2019. – URL: <https://magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia/> (дата обращения: 25.09.2022).

49. Абу Зухри А. Иран, Ливан, Газа и возможная война Израиля = Иран ва любнан ва китаа газа ва харб исраиль аль мухтамала // Palltimeps. – 04.03.2023. – Араб. яз. – URL: <https://palltimeps.ps/post/354610/> (дата обращения: 20.03.2023).
50. Аль-Амин И. Батальоны «аль-Кассам» ждут наземную операцию, «Хизбалла» отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израиля против Газы, а «ось сопротивления» в полной готовности = Катаиб аль кассам тантазир аль хужум аль баррий ва хизбалла ярфуду тахгир аль муадалят: амрика такуд аль харб аль исраилийя дыда газа ва михвар аль мукаввама фи истнфар // Al-Akhbar. – 11.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://al-akhbar.com/Palestine/370996> (дата обращения: 15.11.2023).
51. Аль-Рабия Мунир. Спровоцирует ли воспрепятствование израильской победе упреждающие военные действия = Манъа исраиль мин аль интисар халь ярфуд харбан истибакийян // Almodon. – 19.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.almodon.com/politics/2024/2/19/> (дата обращения: 27.02.2024).
52. Иран держит Эрбил на прицеле чтобы ослабить власть Барзани, который бросает вызов (иранскому) влиянию = Иран тастахдив ирбил ли идаъаф султа барзани альяли ттахадда нуфузуха // Аль-Араб. – 18.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 25.02.2024).
53. Иса Т. Ни мира в Газе, ни войны в Ливане = Ля саям фи газа ва ля харб фи любнан // Aljoughouria. – 05.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoughouria.com/ar/news/706996> (дата обращения: 19.01.2024).
54. Мармаль И. Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван» = Халь тусдир аль авамир ли кувват аль радван? // Aljoughouria. – 13.10.2023. – Араб. яз. – URL: <https://www.aljoughouria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023).
55. Нааме А. После Имам аль-Али Иран строит вторую базу к востоку от Дейр аль-Зора в Сирии = Бада аль имаи али иран табни каида сания шарк дейр ез зор фи сурия // Arabi21. – 28.10.2021. – Араб. яз. – URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (дата обращения: 24.11.2021).
56. Радия С. После убийства аль-Арури и Тавилиа встает вопрос о разведывательном проникновении в Хизбаллу = Баада ихтияль аль арури ва тавиль халь хизб алла мухтарак истихибаратийян // Anadolu Agency. – 09.01.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/ar/3103482/> (дата обращения: 12.01.2024).
57. Рейхан И. Абделахьян в интервью аль-Асас: мы ведем переговоры с Эр-Риядом чтобы остановить войну в Газе = Абд аль лахьян ли асас наташавар маа аль рияд ли вакф аль харб фи газа // Asasmedia. – 15.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://www.asasmedia.com/59824> (дата обращения: 26.02.2024).

58. Укрытия КСИР в престижных кварталах Дамаска – легкая цель для Израиля = Махабиа аль харас аль саурий фи ахъя димашк аль хасина хадф сахль ли исраиль // Asharq Al-Awsat. – 21.02.2024. – Араб. яз. – URL: <https://aawsat.com/4869471> (дата обращения: 27.02.2024).
59. Детали операции КСИР на западных границах Ирана = Joz'eaat-e razmash-e sepah-e pasdaran dar merzha-ye gharbi-ye keshwar // Tasnim. – 24.09.2017. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.09.2023).
60. Машаи Б. Раскрывая роль Ахмединежада в приведении системы к революционным условиям в 1978 = Пардебардари-йе мешаи аз ма'мурийат-е Ахмединежад: расандан-е незам бе шарайет-е энгалаби сал-е 57 // Tabnak. – 20.01.2018. – Персид. яз. – URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/766109> (дата обращения: 13.08.2023).
61. Фатимиюн – армия праведных бойцов-защитников (исламских) святынь = Фатамун; лошкар-е сардаран-е биэдэа-йе модафэ-йе харам // Mashreghnews. – 27.12.2015. – Персид. яз. – URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/514104> (дата обращения: 12.08.2023).
62. Ширази А. Мученики отдали свои жизни, чтобы защитить власть веляят-е факих = Shuhada berae defa'e az haram wlaat jan khwad rafda krdand // IRNA. – 12.01.2019. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/83168070> (дата обращения: 12.06.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.02

УДК 327+323

О ДВИЖЕНИИ ПРОТИВ ХИДЖАБОВ В ИРАНЕ

ПОЛИЩУК Александр Иванович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока,

Институт востоковедения РАН.

E-mail: polyshuk20@mail.ru

SPIN-код: 7015-3351

ORCID: 0000-0002-4169-6775

Для цитирования: *Полищук А.И.* О движении против хиджабов в Иране // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 35–48. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.02.

Аннотация. Женский вопрос в Иране не теряет своей актуальности со времен антишахского движения накануне Исламской революции 1979 г., в котором активное участие приняли женщины. В период ускоренной вестернизации страны они боролись за сохранение национальной культуры, в том числе за право носить хиджаб. В 2022 г. в Исламской Республике Иран развернулось массовое протестное движение, основную движущую силу которого составили молодые женщины, выступающие за право добровольного решения вопроса о ношении хиджаба. Автор в кратком эссе сделал попытку дать общую картину этого движения и реакцию на него как Запада, так и иранских официальных сил.

Ключевые слова: иранские женщины, хиджаб, полиция нравов, протесты в Иране.

About Movement Against Hijabs in Iran

Alexander I. POLISHCHUK

PhD in History, Senior Researcher, Center for Middle East Studies,

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: polyshuk20@mail.ru

SPIN-code: 7015-3351

ORCID: 0000-0002-4169-6775

For citation: Polishchuk A.I. (2024). About Movement Against Hijabs in Iran. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 35–48. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.02.

Abstract. The women's issue in Iran has not lost its relevance since the anti-Shah movement on the eve of the Islamic Revolution of 1979, in which women took an active part. During the period of accelerated Westernization of the country, they fought to preserve the national culture, incl. for the right to wear a hijab. In 2022, a massive protest movement unfolded in Iran, the main driving force of which were young women advocating for the right to voluntarily resolve the issue of wearing the hijab. The author, in a short essay, attempted to give a general picture of this movement and the reaction to it of both the West and Iranian official forces.

Keywords: Iranian women, hijab, morality police, protests in Iran.

На протяжении своей истории иранская государственность претерпевала множество кризисов, тяжелых моментов и периодически казалась полностью сокрушенной, но неуклонно восстанавливалась. Собирать «обломки» государственности всегда помогала опора на традиции, которые играют роль «мертвой воды», позволяющей этим обломкам срастись, а «живой водой», помогающей на этой платформе развиваться иранскому государству, являлась способность перенимать передовой опыт иноземцев. Такое положение вещей свойственно многим древним народам, но в Иране это единство и борьба двух начал проявляется особенно ярко и подчас очень болезненно.

Эта болезненность усиливается тем, что борьба традиций и модернизации по западному типу¹ проходит в настоящее время в условиях, в которых Иран еще никогда не был за почти 5 тыс. лет своего существования – в условиях *информационного общества*, когда от чуждого влияния не спасают ни границы, ни ограничения выхода в Интернет.

Вот уже 45-й год иранская государственность существует в форме Исламской Республики Иран (ИРИ). По нынешним временам это очень солидный срок, учитывая уникальность этой

¹ Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

формы² и враждебность к ней Запада³, выражаемую в непрекращающихся санкциях, попытках выдавить страну из «мирового сообщества» и усилить недовольство ее населения. К тому же за это время в Иране сменилось два поколения, последнее из которых во многом сформировалось под влиянием глобального информационного общества.

Осенью 2022 г. иранская государственность снова оказалась под угрозой – в мире заговорили (в основном, западные СМИ и прозападные внутри Ирана) о «начале революции» после «четырех десятилетий патриархального угнетения и насилия в отношении женщин в Исламской Республике»⁴.

Массовые беспорядки под лозунгом «Женщина, Жизнь, Свобода» в Иране начались после 16 сентября 2022 г. – с известия о гибели 22-летней курдянки Махсы Амини, скончавшейся в тегеранской больнице⁵. По официальным данным, девушка впала в кому и умерла от сердечного приступа. Но учитывая, что этот приступ произошел в полицейском участке, куда Махса была привезена после задержания «за неподобающее ношение хиджаба», ее смерть связывают с насилием властей. Смерть Махсы Амини стала своеобразной спичкой, поднесенной к бочке с порохом. Такой «бочкой» стало и падение жизненного уровня населения в результате жестких антииранских санкций США, и внутренние политические противоречия, приведшие к вытеснению из политического поля реформаторских сил.

² Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 152–165. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165.

³ Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627.

⁴ Shannon K.J. Four decades of smoldering discontent among Iranian women is erupting // *Washington Post*. – 26.09.2022. – URL: <https://www.washingtonpost.com/made-by-history/2022/09/26/iranian-women-uprising-against-oppression-history/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁵ Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // *Восточная аналитика*. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 9–30. – DOI: 10.31696/2227-5568-2022-04-009-030.

Протесты в Иране не утихали несколько месяцев. Демонстрации против обязательного ношения хиджаба прошли в десятках городов, став проявлением настроений иранской молодежи против жесткого контроля над бытовой жизнью. В Иране, несмотря на значительный прогресс положения женщин по сравнению с первым десятилетием после Исламской революции, некоторые их права, обусловленные требованиями шариата, не отвечают «международным нормам» (право наследования с преимуществом для наследника-мужчины, право голоса в суде, приравненное к половине голоса мужчины, ограничения на ряд профессий и виды спорта и др.). В декабре 2001 г. прореформаторское правительство Ирана, во главе которого стоял Мохаммад Хатами, приняло решение присоединиться к международной Конвенции 1979 г. об уничтожении всех форм дискриминации женщин (Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women)⁶. Этот документ, основанный на Всеобщей декларации прав человека, утверждает, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в ней, без какого-либо различия, в том числе различия в отношении пола»⁷. Однако, согласно 4-й статье Конституции ИРИ, конкретная реализация принципов этой Конвенции поставлена в зависимость от решений Наблюдательного совета, определяющего соответствие того или иного Закона исламским нормам. И соблюдение исламской формы одежды (хиджаба) женщинами, как и в первые годы после Исламской революции, до сих пор считается неукоснительной нормой.

На пике развернувшихся осенью 2022 г. протестов молодые иранки перед камерой снимали с себя чадру и платки и демонстративно бросали их в костры на площадях. В соцсетях запестрели видео оскорбительных акций в отношении представителей духо-

⁶ Полищук А.И. Роль женщин в социально-экономической жизни ИРИ // Иран и Россия (сборник статей). – Москва: Ин-т изуч. Израйля и Ближнего Востока, 2004. – С. 92–100.

⁷ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 06.09.2023).

венства, с которых протестующие публично сбивали на улице чалму – западная пресса окрестила это движение *turban throwing*^{8,9}.

Правительство попыталось использовать силу для наведения порядка, что лишь усилило накал противоправных действий, особенно в курдских районах страны. Появились сообщения, что в городке Ошневие (провинции Западный Азербайджан) в конце сентября 2023 г. протестующие захватили полицейский участок и склад с оружием; в начале октября студентами-хакерами была взломана прямая трансляция Гостелерадио Ирана и показан перечеркнутый портрет рахбара Хаменеи с подписью: «Кровь нашей юности на ваших руках!»; 18 ноября был даже подожжен Дом-музей Хомейни в Тегеране¹⁰. За неполные два месяца с начала протестов в Иране погибло более 300 человек, почти 15 тыс. протестующих были задержаны¹¹.

Стремясь сбить эскалацию конфликта, 4 декабря 2022 г. генеральный прокурор Мохаммад Джафар Монтазери в рамках инициированного рахбаром Али Хаменеи «разъяснительного джихада» объявил об упразднении в стране полиции нравов и создании совместной комиссии Парламента и Высшего совета исламской революции с целью «пересмотра» вопроса об обязательном ношении хиджаба¹².

Безусловно, свой «вклад» в расширение протестного движения вносила поддержка извне; зарубежные СМИ сразу же заго-

⁸ As Iran's clerics face a "turban tossing" trend, army warns it's ready to quash protests // CBS News. – 10.11.2022. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/iran-mullah-turban-tossing-trend-videos-army-ready-to-stop-protests/> (дата обращения: 06.09.2023).

⁹ Эти видео не показывали в новостях по российским государственным телеканалам. В основном, они размещались в соцсетях и на веб-ресурсах, доступ к которым в РФ ограничен Роскомнадзором.

¹⁰ Кассем Х. Год огня и крови: в Иране сожгли Дом-музей аятоллы Хомейни // News. – 19.11.2022. – URL: <https://news.ru/near-east/god-ognya-i-krovi-v-irane-sozhgli-dom-mujej-ayatolly-homejni/> (дата обращения: 06.09.2023).

¹¹ Security Forces Killed at Least 328 During Iran Protests // Iran International Newsroom. – 09.11.2022. – URL: <https://www.iranintl.com/en/202211094842> (дата обращения: 06.09.2023).

¹² Генпрокурор страны ответил на критику законопроекта о хиджабе // Khabaronline. – 01.06.2023. – URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1772750/> (дата обращения: 06.09.2023).

ворили о новой революции, уже антиисламской. Так, например, иезуитский (в буквальном смысле) ресурс «La Civiltà Cattolica» писал в 2023 г. что «в декабре студенты Политехнического университета уже вышли с лозунгами: “В хиджабе или без, вперед, революция!”». Протестующие не требуют большего благосостояния – несмотря на увеличение инфляции на 50% и безработицу среди большей части молодежи, – они требуют положить конец теократическому режиму аятолл, или, по словам многих студентов, требуют возможности жить в нормальной стране, со свободными выборами и демократическими государственными структурами»¹³.

Сразу же после начала в Иране движения «Женщина, Жизнь, Свобода» за рубежом стали инициироваться митинги солидарности с иранскими женщинами. В разгар этих протестов митинги проводились не только в США и Западной Европе, где проживает большое количество иранцев, не принявших Исламскую революцию 1979 г., но и в таких странах, как Турция и Сирия, где нет обязательного ношения хиджаба.

Подавление властями ИРИ «антихиджабных» протестов, повлекшее в общей сложности более пятисот жертв с обеих сторон, а также свыше 20 тыс. арестованных и несколько десятков приговоренных к смерти¹⁴, послужили поводом для исключения Ирана из Комиссии ООН по положению женщин (UNCSW). С этой инициативой выступили США, представитель которых Линда Томас-Гринфилд 14 декабря 2022 г. заявила, что членство Ирана в Комиссии – «черное пятно, подрывающее доверие к работе органа»¹⁵. Поддержали инициативу 29 из 54 стран – участниц Комиссии по положению женщин; восемь государств, включая Россию и Китай, проголосовали против исключения Ирана¹⁶.

¹³ Сале Дж. Женская «революция» в Иране // La Civiltà Cattolica. – 12.05.2023. – URL: <https://laciviltacattolica.ru/2023/05/12/женская-революция-в-иране/> (дата обращения: 06.09.2023).

¹⁴ Протесты в Иране в 2022–23 годах: Почему режим выжил? // ANF News. – 26.03.2023. – URL: <http://anfussian.com/Аналитика/Protesty-v-Irane-v-2022-23-godah-Pocemu-rezim-vyzhil-46975> (дата обращения: 06.09.2023).

¹⁵ Мамиконян О. Иран исключили из Комиссии по положению женщин ООН // Forbes. – 15.12.2022. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/482573-iran-isklucili-iz-komissii-po-polozeniu-zensin-on> (дата обращения: 06.09.2023).

¹⁶ Там же.

С 8 декабря 2022 г. по 19 мая 2023 г. в Иране казнено семь молодых людей по обвинению в убийстве сотрудников правоохранительных органов во время осенних протестов 2022 г.¹⁷ Все это, естественно, вызывало не только резонанс в зарубежных СМИ, но и напряжение в иранском обществе. И хотя его градус к началу нового, 1402 г. (в конце марта 2023 г.), заметно понизился, руководство ИРИ понимало, что через полгода, 16 сентября 2023 г., будет годовщина смерти Махсы Амини, и, в соответствии с иранскими традициями, можно ожидать новых выступлений под лозунгами «Женщина, Жизнь, Свобода». Разумеется, власти страны хотели бы этого избежать.

Несмотря на то что значительная часть молодежи выступает за смягчение правил ношения одежды, власти ИРИ не могут решиться на «свободное ношение» хиджаба, так как это не только требует пересмотра фундаментальных положений в законодательстве, но может быть расценено «врагами исламского Ирана» как слабость и послужить катализатором для усиления беспорядков.

Верховный лидер ИРИ Али Хаменеи в своих выступлениях на различные темы постоянно напоминает, что Исламская революция *продолжается*. Поздравляя мусульман с окончанием поста в Рамадан, 21 апреля 2023 г., он подчеркнул, что «враг выступает против единства народа Ирана», «хочет, чтобы народ воевал и враждовал с самим собой из-за разных убеждений и настроений». «Единство и доброжелательность среди народа сведет на нет попытки врага вызвать в народе пессимизм по отношению друг к другу»¹⁸.

Относительно хиджаба, спустя несколько дней (27 апреля 2023 г.) он высказался так: «Многие из тех, кто отказываются от хиджаба, не знают, кто стоит за этим. Если они будут знать, кто стоит за тем, что они делают, они, безусловно, не будут делать этого. Я знаю, многие из них являются набожными, они обращаются в смирение к Богу, соблюдают пост в Рамадан, они плачут и

¹⁷ Iran Executes Three Political Prisoners After Sham Trial // Iran International Newsroom. – 19.05.2023. – URL: <https://www.iranintl.com/en/202305195454> (дата обращения: 06.09.2023).

¹⁸ Хаменеи А. Хутбы праздничного намаза Ид аль-Фитр // Khamenei. – 21.04.2023. – URL: https://russian.khamenei.ir/search-contents?field_category=13508 (дата обращения: 06.09.2023).

молятся, но они не в курсе того, кто стоит за этой политикой отказа от хиджаба и борьбы с хиджабом. За этим стоят вражеские шпионы, шпионские спецслужбы врага»¹⁹.

Тем не менее по распоряжению Али Хаменеи еще в феврале 2023 г. по случаю празднования 44-й годовщины Исламской революции, было амнистировано 22 тыс. участников осенних беспорядков²⁰. Это, безусловно, способствовало спаду протестных настроений среди населения и стало одной из причин, воспрепятствовавших возобновлению массовых выступлений в годовщину гибели Махсы Амини осенью 2023 г.

Примечательно, что с началом 1402 г. (с марта 2023 г.) меджлис ИРИ так и не ратифицировал законопроект «*Поддержка культуры целомудрия и хиджаба*» («حمایت از فرهنگ عفاف و حجاب») в том виде, как его предложили судебные власти в декабре 2022 г. Закон вызвал затяжные дискуссии и в правительстве. Хотя Верховный лидер ИРИ не устает повторять, что «все три ветви власти должны проявлять единодушие, сотрудничать, взаимно дополняя друг друга»²¹, высокие чиновники опасаются брать на себя ответственность за непопулярный закон.

Его суть сводится к тому, что хиджаб обязателен. За нарушение его первый раз полагается предупреждение в форме sms, повторное нарушение влечет за собой штраф в размере 1/6 от максимального предусмотренного наказания восьмой степени (19 долл., или три месяца тюрьмы, или 10 ударов плетью). Если же хиджаб будет нарушен в третий раз, то нарушительница получит штраф в размере 1/3 от максимально возможного наказания восьмой степени. Нарушившая хиджаб в четвертый раз, в дополне-

¹⁹ Хаменеи А. Многие из тех, кто отказывается от хиджаба, узнай они о том, кто за этим стоит, не будут делать этого // Khamenei. Видео (с рус. субтитрами). – URL: <https://russian.khamenei.ir/news/5360> (дата обращения: 06.09.2023).

²⁰ Глава судебной власти: 22 тысячи помилованных из 82 тысяч амнистированных заключенных связаны с недавними беспорядками = раис-е гавэ-йе газайиз: 22 хезар нафар аз афвешодеган марбут бе эгтешашат-е ахир хастанд, афв-е 82 хезар зендани // IRNA. – 13.03.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85055898/> (дата обращения: 06.09.2023).

²¹ Хаменеи А. Хутбы праздничного намаза Ид аль-Фитр // Khamenei. – 21.04.2023. – URL: https://russian.khamenei.ir/search-contents?field_category=13508 (дата обращения: 06.09.2023).

ние к штрафу, равному половине предусмотренного наказания восьмой степени, может лишиться свободы до шести месяцев или получить до 30 ударов плетью... (И так далее – до полного обнажения и восьмой степени наказания). Наказание ждет и тех, кто нарушает хиджаб в виртуальном пространстве: помимо внушительного штрафа в 346 долл., это удаление веб-страницы и запрет пользоваться интернетом от трех до шести месяцев. Повторное и злостное нарушение влечет за собой деактивацию банковских карт на определенные сроки²². (В ответ на сайте агентства FarsNews, опубликовавшем полный текст этого Закона, появилась масса язвительных комментариев иранских пользователей).

Ответственность за осуществление предписаний закона «Поддержка культуры целомудрия и хиджаба» возложена на полицию. 12 мая 2023 г. глава сил правопорядка Ирана генерал Ахмад Реза Радан дал подробное телеинтервью о подходе полиции и, следовательно, официальных властей страны к этой проблеме: «Духовный лидер указал мне на необходимость следовать Божественным предписаниям и одновременно *стремиться к народному одобрению наших действий*. Наш подход в отношении данной проблемы имеет два основания. Во-первых, есть законные предписания, которые необходимо выполнять. Во-вторых, эта проблематика вызывает переживания и тревогу среди населения. <...> Мы убеждены, что число женщин и девушек, не соблюдающих правила ношения хиджаба, составляет лишь малый процент женской части населения Ирана. Скорее всего, они ведут себя подобным образом из-за своей беспечности. Конечно, возможно, что и среди них есть небольшое количество тех, кто не соблюдает правила ношения хиджаба намеренно, но остальные поступают так лишь от беспечности. <...> Мы отправляем sms-сообщения лицам, не соблюдающим нормы ношения хиджаба. Если получательница сообщения утверждает, что sms было выслано по ошибке, мы, дорожа мнением обратившейся, соглашаемся с ней, при условии, что это

²² Полный текст законопроекта о поддержке культуры целомудрия и хиджаба. Каков штраф за нарушение хиджаба? = Матн-е камел-е лайедже-йе «хемайат из фарханг-е эфаф ва хеджаб» // Farsnews. – 24.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.farsnews.ir/news/14020303001016/> (дата обращения: 06.09.2023).

первый подобный случай. Если же такое поведение повторяется, то это определенно проявление беспечности человека»²³.

Вице-президент по правовым вопросам Мохаммад Дехган в интервью агентству ILNA 29 мая 2023 г. сказал: «Мы не хотим, чтобы проблема хиджаба стала инструментом для углубления раскола и разногласий в стране, <поэтому> мы не вносили существенных изменений в закон». Далее вице-президент указал на то, что «решение вопроса культуры ношения хиджаба должно быть рассмотрено с культурологической точки зрения, а Совет Культурной Революции Ирана уже предпринял первые шаги в этом направлении и направил проект на рассмотрение правительства». Чиновник несколько раз подчеркнул, что законопроект направлен не против женщин, которые «беспечно не соблюдают некоторые правила нашей страны», а против тех, кто «пропагандирует отказ в отношении культуры ношения хиджаба, сознательно идя на преступление под руководством иностранных врагов»²⁴.

Нельзя не напомнить читателям, что «культура» является ключевым понятием в политике ИРИ со времен Исламской революции и трактуется гораздо шире, чем просто «сфера культуры и искусства».

Законопроект о хиджабах носит преимущественно карательный характер. При обсуждении его положений член меджлиса Джалал Рашиди Кучи высказал свои опасения, что «данный законопроект, созданный в правительстве при содействии господина Раиси и судебной власти, вряд ли будет эффективным, так как там сделан акцент лишь на штрафные санкции, а не на поощрение, поддержку и направление»²⁵. Предложив Президенту отозвать за-

²³ Подход полиции к личностям без хиджаба = руйкард-е фараджа несбат бе эшхас-е бадхеджаб // ILNA. – 11.04.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1347750> (дата обращения: 06.09.2023).

²⁴ Вице-президент по правовым вопросам в интервью ILNA: Мы не хотим, чтобы проблема хиджаба стала инструментом для углубления раскола и разногласий в стране = Моавен-е хогуги-йе раис джомхур дар гофтегу ба Илна: немихахим мос'алэ-йе хеджаб табдил бе дастмайэи барайе т'омиг-е шекаф ва эхтелаф дар кешвар шоввад // ILNA. – 29.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1361436> (дата обращения: 06.09.2023).

²⁵ Рашиди Кучи заявил в интервью агентству ILNA: В законопроекте о нравственности и ношении хиджаба говорится только: «Схватам, арестуем и оштрафуем» = Рашиди Кучи дар гофтогу ба Илна: дар Лайхэ-йе эфаф ва хеджаб фагат гофте

конопроект из меджлиса и направить на доработку, парламентарий сослался на авторитет ходжат-оль-ислама Сейида Ахмада Алам-оль-Хади, имама Священной мечети в Мешхеде, члена Совета экспертов от провинции Хорасан-Резави, который и увидел эти недостатки в Законе. Рашиди Кучи подчеркнул: «Если мы хотим что-то улучшить, наряду с принятием законов мы должны совершенствовать наши показатели в области экономики и жизнеобеспечения, чтобы люди жили в достатке. Только тогда они доверятся нам. <...> В ином случае я сомневаюсь, что с введением штрафов ситуация существенно изменится. Мы должны привлечь сердца людей на свою сторону»²⁶.

По состоянию на 1 октября 2023 г. Закон «Поддержка культуры целомудрия и хиджаба» так и не ратифицирован парламентом ИРИ. На улицах иранских городов все чаще можно увидеть женщин в «неправильном» хиджабе или даже вообще без него. Однако годовщина гибели Махсы Амини прошла относительно спокойно.

* * *

В заключение можно констатировать следующее: «хиджабные протесты» осени 2022 г. показали, что в иранском обществе, особенно среди молодежи, назрело желание перемен в сторону либерализации законов, основанных на исламских нормах. Оценивая реакцию правительства на протесты, следует отметить, что режим ИРИ оказался достаточно прочным, чтобы сдержать удар различными, в том числе силовыми, методами, и гибким, чтобы убедительно возложить всю вину за беспорядки на внешних врагов Ирана.

Новая революция на почве «женского вопроса» не состоялась, но причины, вызвавшие всплеск недовольства, до сих пор не устранены. Ситуация в стране из-за санкционного давления остается напряженной. Одним из возможных средств снижения уровня

шоде «мигирим, мибандим ва джориме миконим» // ILNA. – 29.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1361960> (дата обращения: 06.09.2023).

²⁶ Там же.

напряженности представляется референдум относительно обязательности ношения хиджаба и принятие закона, основанного на результатах референдума.

Список источников и литературы

1. Генпрокурор страны ответил на критику законопроекта о хиджабе // Khabaronline. – 01.06.2023. – URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1772750/> (дата обращения: 06.09.2023).
2. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 9–30. – DOI: 10.31696/2227-5568-2022-04-009-030.
3. Кассем Х. Год огня и крови: в Иране сожгли Дом-музей аятоллы Хомейни // News. – 19.11.2022. – URL: <https://news.ru/near-east/god-ognya-i-krovi-v-irane-sozhgli-dom-muzej-ayatolly-homejni/> (дата обращения: 06.09.2023).
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 06.09.2023).
5. Конституция Исламской Республики Иран (неофициальный перевод). – Тегеран: ALHODA International Publication & Distribution, 2010. – 92 с.
6. Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627.
7. Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 152–165. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165.
8. Мамиконян О. Иран исключили из Комиссии по положению женщин ООН // Forbes. – 15.12.2022. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/482573-iran-isklucili-iz-komissii-po-polozeniu-zensin-oon> (дата обращения: 06.09.2023).
9. Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.
10. Полищук А.И. Роль женщин в социально-экономической жизни ИРИ // Иран и Россия (сборник статей). – Москва: Ин-т изуч. Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 92–100.

11. Протесты в Иране в 2022–23 годах: Почему режим выжил? // ANF News. – 26.03.2023. – URL: <http://anfussian.com/Аналитика/Protesty-v-Irane-v-2022-23-godah-Rocemu-rezim-vyзил-46975> (дата обращения: 06.09.2023).
12. Сале Дж. Женская «революция» в Иране // La Civiltà Cattolica. – 12.05.2023. – URL: <https://laciviltacattolica.ru/2023/05/12/женская-революция-в-иране/> (дата обращения: 06.09.2023).
13. Хаменеи А. Многие из тех, кто отказывается от хиджаба, узнай они о том, кто за этим стоит, не будут делать этого // Khamenei. Видео (с рус. субтитрами). – URL: <https://russian.khamenei.ir/news/5360> (дата обращения: 06.09.2023).
14. Хаменеи А. Хутбы праздничного намаза Ид аль-Фитр // Khamenei. – 21.04.2023. – URL: https://russian.khamenei.ir/search-contents?field_category=13508 (дата обращения: 06.09.2023).
15. As Iran's clerics face a "turban tossing" trend, army warns it's ready to quash protests // CBS News. – 10.11.2022. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/iran-mullah-turban-tossing-trend-videos-army-ready-to-stop-protests/> (дата обращения: 06.09.2023).
16. Iran Executes Three Political Prisoners After Sham Trial // Iran International Newsroom. – 19.05.2023. – URL: <https://www.iranintl.com/en/202305195454> (дата обращения: 06.09.2023).
17. Security Forces Killed at Least 328 During Iran Protests // Iran International Newsroom. – 09.11.2022. – URL: <https://www.iranintl.com/en/202211094842> (дата обращения: 06.09.2023).
18. Shannon Kelly J. Four decades of smoldering discontent among Iranian women is erupting // Washington Post. – 26.09.2022. – URL: <https://www.washingtonpost.com/made-by-history/2022/09/26/iranian-women-uprising-against-oppression-history/> (дата обращения: 06.09.2023).
19. Вице-президент по правовым вопросам в интервью ILNA: Мы не хотим, чтобы проблема хиджаба стала инструментом для углубления раскола и разногласий в стране = Моавен-е хоуги-йе раис джомхур дар гофтегу ба Илна: немихахим мос'алэ-йе хеджаб табдил бе дастмайзи барайе т'омиг-е шекаф ва эхтелаф дар кешвар шоввад // ILNA. – 29.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1361436> (дата обращения: 06.09.2023).
20. Глава судебной власти: 22 тысячи помилованных из 82 тысяч амнистированных заключенных связаны с недавними беспорядками = Раис-е гавэ-йе газайиэ: 22 хезар нафар аз афвешодеган марбут бе эгтешашат-е ахир хастанд, афв-е 82 хезар зендани // IRNA. – 13.03.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85055898/> (дата обращения: 06.09.2023).

21. Подход полиции к личностям без хиджаба = Руйкард-е фараджа несбат бе эшхас-е бадхеджаб // ILNA. – 11.04.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1347750> (дата обращения: 06.09.2023).
22. Полный текст законопроекта о поддержке культуры целомудрия и хиджаба. Каков штраф за нарушение хиджаба? = Матн-е камел-е лайедже-йе «хемайат аз фарханг-е эфаф ва хеджаб»? // Farsnews. – 24.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.farsnews.ir/news/14020303001016/> (дата обращения: 06.09.2023).
23. Рашиди Кучи заявил в интервью агентству ILNA: В законопроекте о нравственности и ношении хиджаба говорится только: «Схватим, арестуем и оштрафуем» = Рашиди Кучи дар гофтогу ба Илна: дар Лайехэ-йе эфаф ва хеджаб фагат гофте шode «мигирим, мибандим ва джориме миконим» // ILNA. – 29.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1361960> (дата обращения: 06.09.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.03

УДК 327

ЗНАЧЕНИЕ ШОС В ПОЛИТИКЕ «ВЗГЛЯД НА ВОСТОК» ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН С ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

СЕЙЕДИ АСЛ Сейедмохаммад

PhD, научный сотрудник факультета мировой экономики
и мировой политики, НИУ ВШЭ.

E-mail: sseyediasl@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5237-7385

ДЖАН Зейнеп Айбуке

факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

E-mail: zcan_7@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0000-2943-0475

Для цитирования: *Сейеди Асл С., Джан З.А.* Значение ШОС в политике «Взгляд на восток» Исламской Республики Иран с геополитической точки зрения // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 49–66. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.03.

Аннотация. На фоне беспрецедентного роста глобальных геополитических рисков мир все больше осознает, что устройство старого мирового порядка уступает место новому порядку международных отношений и региональных блоков. Изменения, происходящие в сфере региональных и международных событий, являются индикаторами реаллий и горизонтов будущего меняющегося мира и формирующегося порядка. Понимание этого факта привело Исламскую Республику Иран к членству в организациях и институтах, основанных на многостороннем подходе, таких как Шанхайская организация сотрудничества. Особенно после прихода к власти Ибрагима Раиси Иран стал придерживаться политики поворота на Восток как в геополитическом, так и в геоэкономическом плане. В рамках политики, ориентированной на Восток, он стремится играть активную роль в меняющемся мировом порядке благодаря своему геостратегическому положению в новой геополитической среде.

Ключевые слова: геополитика, Восток, внешняя политика, Шанхайская организация сотрудничества, Иран.

Importance of SCO in Iran's "Look East" Policy from Geopolitical Perspective

Seyedmohammad SEYEDI ASL

PhD, Research Fellow, Faculty of World Economy
and International Affair, HSE University.

E-mail: sseyediasl@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5237-7385

Zeynep Aybuke CAN

Faculty of World Economy and International Affair, HSE University.

E-mail: zcan_7@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0000-2943-0475

For citation: Seyedi Asl S., Can Z.A. (2024). Importance of SCO in Iran's "Look East" Policy from Geopolitical Perspective. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 49–66. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.03.

Abstract. Amidst the unprecedented rise in global geopolitical risks, the world is becoming increasingly aware of the fact that the architecture of the old world order is giving way to a new order of international relations and regional blocs. The changes experienced in the field of regional and international developments are indicators of the realities and future horizons of the changing world and the emerging order. Understanding this fact has led the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran to become a member of organizations and institutions based on multilateralism, such as the Shanghai Cooperation Organization. Especially after Ebrahim Reisi took office, Iran followed a policy of turning towards the East in terms of both geopolitics and geo-economics; So much so that, within the scope of east-oriented policy, it aims to play an active role in the changing world order thanks to its geo-strategic location in the new geopolitical environment.

Keywords: geopolitics, East, foreign policy, Shanghai Cooperation Organization, Iran.

На протяжении веков история человеческого общества была свидетелем возникновения великих мировых империй и их последующего распада и замены новыми державами. Важно отметить, что передача власти на международной арене происходила не сразу; мы наблюдали постепенное ослабление доминирующей державы или гегемона, с одной стороны, и постепенное появление альтернативных или других держав – с другой. Однако несмотря

на постепенный характер такого процесса, существует ряд международных событий и явлений, которые считаются поворотными пунктами и истоками передачи власти. К таким событиям относятся роль Второй мировой войны в распаде Британской империи, влияние кризиса в Суэцком канале на упадок европейских держав, в частности Франции, последствия вывода советских войск из Афганистана для распада этой страны и прекращения существования Советского Союза. В то же время похоже, что на современном этапе мы являемся свидетелями события, которое можно считать новым поворотным пунктом в области международных событий и особенно в передаче власти в этой сфере¹.

С другой стороны, создание нового политического блока незападной ориентации, стремление создать многополярный мир и противостоять гегемонии США, укрепление доверия и сотрудничества в сфере безопасности между странами, а также удовлетворение экономических и энергетических потребностей привели Китай и Россию к созданию Шанхайской организации в 2001 г. Менее чем за два десятилетия Шанхайская организация сотрудничества превратилась в ключевую региональную организацию в Евразии. В ее состав входит более 60% территории Евразии, более 40% населения мира и почти четверть мирового ВВП².

С другой стороны, в Иранском стратегическом сообществе существует консенсус относительно важности Шанхайской организации сотрудничества для успеха Иранской политики «Взгляд на Восток». Эволюция членства Ирана в Шанхайской организации сотрудничества от статуса наблюдателя в 2005 г. до полноправного членства в 2021 г. свидетельствует о важности этой организации в стратегических расчетах Ирана. Однако в связи с геополитическими событиями и соперничеством великих держав существует множество рисков, повышенная ответственность, но

¹ Пекин стремится нейтрализовать американскую гегемонию и создать собственную базу власти? = Пекан бе домбал-е хансисази-йе хежемони-йе Америка ва иджад-е пайеха-йе годрат-е ход аст? // Farhikhtegandaily. – 28.08.2021. – Персид. яз. – URL: <http://fdn.ir/59388> (дата обращения: 15.01.2024).

² Салими Дж., Джалали Р., Али Фам Х., Хасани С.М. Обзор Шанхайской организации и влияние членства Ирана = Барреси-йе Саземан-е Шангхай ва таасир-е озвийат-е Иран дар ан // Сборник трудов по политическим наукам. – 2022. – № 3 (8). – Р. 109. – Персид. яз.

также и множество возможностей³. Официальное членство Ирана в Шанхайской организации сотрудничества важно не только для расширения этой организации, но и для ее геополитического богатства, позволяющего бросить вызов мировому порядку, возглавляемому США. В данной статье мы рассмотрим геополитическое влияние полноправного членства Ирана в ШОС в контексте его политики, ориентированной на Восток, и оценим, как этот геополитический шаг повлиял на новый мировой порядок.

Шанхайская организация сотрудничества и новый мировой порядок

«Эпоха Америки» подходит к концу, и зарождается новый мир. С начала XXI в., с наступлением века Азии, азиатские страны больше не являются зависимыми, слабыми и пассивными игроками на международной арене, следующими за западными державами. Напротив, они постепенно становятся активистами, во многих случаях имеющими свободу действовать самостоятельно против деспотичных западных правительств. Иными словами, эта тенденция стала одним из важных проявлений движения передачи власти с Запада на Восток. По сути, в мире формируется новый порядок, основными чертами которого являются упадок Запада, возглавляемого США, подъем Азии и роль восточных держав, таких как Россия, Индия и Китай, в контексте многополярного мира, а также подъем региональных держав, таких, как Иран⁴.

Расширение «Шанхайской пятерки» до Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с присоединением Узбекистана в 2001 г. позволило ей охватить все страны Центральной Азии путем сотрудничества в этих целях. Со временем Китай расширил деятельность и сферу охвата организации. В атмосфере доверия,

³ Хамиани М. Иран и Шанхайская организация сотрудничества: принятие евразийской идентичности = Иран ва Саземан-е Хамкари-йе Шангхай: пазиреш-е йек ховейат-е эврасйани // Институт политики и международных исследований. – 25.01.2022. – Персид. яз. – URL: <https://ipis.ir/portal/subjectview/667604> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ Возможности и угрозы поворота к восточной политике = Форсатха ва тахдидха-йе сийасат-е чаркеш бе шарг // Jahanesanat. – 31.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://jahanesanat.ir/?p=369930> (дата обращения: 23.01.2024).

созданной благодаря организации, были сделаны всесторонние оценки в виде сотрудничества по очищению региона от террористов, сепаратистов и экстремистских группировок. По сути, организация, рамки которой были расширены, превратилась в международную организацию по многим вопросам безопасности и т.д. ШОС была создана для укрепления взаимного доверия и добрососедства, совместного поддержания регионального мира и стабильности, а также для установления демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка⁵.

Задачами ШОС являются⁶:

- укреплять взаимное доверие, дружбу и добрососедство между государствами-членами;
- содействовать эффективному сотрудничеству между государствами-членами в области политики, торговли, экономики, науки и техники, культуры, образования, энергетики, транспорта, туризма, охраны окружающей среды и т.д.;
- совместное достижение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе;
- содействовать установлению нового, демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка.

С другой стороны, расширение ШОС все чаще рассматривается как центр «многополярного мирового порядка», за который выступают Россия⁷ и Китай. Существует несколько причин, по которым Россия и Китай проводят политику многополярного мироустройства: Отношения России с США ухудшаются из-за операции в Украине, а отношения Китая с США – из-за Тайваньского вопроса. Обе страны не устраивает гегемония США, расширение НАТО, сотрудничество США и ЕС против России и Китая, а

⁵ Айдын Ф. Шанхайская организация сотрудничества: Является ли она обязательным элементом в политике Турции в отношении Казахстана и Центральной Азии // Журнал Академии SDE. – 2024. – № 4 (1). – С. 149–170.

⁶ General information // The Shanghai cooperation organization. – 09.01.2017. – URL: <https://eng.sectso.org/20170109/192193.html> (дата обращения: 23.01.2024).

⁷ Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

также двойные стандарты, применяемые некоторыми международными организациями под влиянием США. ШОС играет роль в обеспечении гарантий безопасности стран Центральной Азии от возможных цветных революций, спонсируемых извне. США проводят репрессивную политику, направленную против интересов Индии и Пакистана, и членство в ШОС важно для уравнивания американской власти. Иран пытается выйти из международной изоляции, навязанной Западом, а талибы в Афганистане пытаются узаконить свою власть через ШОС. Расширение ШОС укрепляет торговые отношения, а также энергетическое сотрудничество между странами-членами⁸.

Самаркандский саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стал поворотным пунктом в развитии нового мирового порядка, свидетельствующего об ослаблении американской гегемонии. Президент Си пользуется всеобщим уважением в то время, когда Соединенные Штаты переживают упадок. В военном и экономическом отношении они остаются великой державой. Но по мере того, как появляются другие центры влияния, подрывающие их гегемонию, они заметно теряют свою власть, которой когда-то обладали. В этом контексте, в период усиления давления на Москву из-за Украины и растущего гнева в Пекине из-за поддержки Вашингтоном Тайваня, Самаркандский саммит был выдвинут в качестве альтернативы «организации, ориентированной на Запад».

Согласно сообщениям СМИ о саммите, президент Си заявил собравшимся лидерам, что «настало время перестроить международную систему» и «отказаться от игр с нулевой суммой и блоковой политики». По словам Си, лидеры должны «работать вместе, чтобы способствовать развитию международного порядка в более справедливом и рациональном направлении»⁹. ШОС с ее расширяющимся членством и амбициозными целями находится на переломном этапе в поисках большего глобального влияния. По мере

⁸ Kemaloglu I. 3 Questions – Role of Shanghai Cooperation Organization in new world order // Anadolu Agency. – 07.04.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/3-questions-role-of-shanghai-cooperation-organization-in-new-world-order/2864632> (дата обращения: 27.01.2024).

⁹ Noorani A.G. New world order // DAWN. – 24.09.2022. – URL: <https://www.dawn.com/news/1711686> (дата обращения: 01.02.2024).

того как ШОС ориентируется в сложном взаимодействии региональной и международной политики, ее действия и решения, безусловно, могут оставить свой след на мировой арене. Способность ШОС эффективно использовать свою коллективную силу и собственное стратегическое позиционирование определит ее роль в формировании будущего геополитического ландшафта¹⁰.

Шанхайская организация сотрудничества и политика Ирана на Востоке

С момента своего основания зимой 1979 г. Исламская Республика Иран выступала против гегемонистского подхода блока Восток-Запад под стратегическим лозунгом «Ни Восток, ни Запад». Однако на этом пути основатель исламской революции еще больше усугубил конфликт между Ираном и западным миром во главе с США, назвав Соединенные Штаты «великим сатаной». Оккупация американского посольства в Иране, война Ирака против Ирана, последовательные американские санкции и ряд других факторов привели к тотальной конфронтации между Ираном и США, которая в различных формах проявлялась в политической сфере двух стран на протяжении последних четырех десятилетий¹¹.

С другой стороны, важным периодом и примером иранской политики «Взгляда на Восток» стало избрание Махмуда Ахмадинежада президентом Ирана в 2005 г. Во время президентства Ахмадинежада политика «Взгляда на Восток» была основана на адаптации к поднимающемуся Востоку, и в целом эту политику можно определить как позицию Ирана против Запада. При Ахма-

¹⁰ Bellaby R. The Shanghai Cooperation Organization's Rising Global Ambitions // Geopolitical Monitor. – 22.12.2023. – URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-shanghai-cooperation-organizations-rising-global-ambitions/> (дата обращения: 01.02.2023).

¹¹ Сафави С.Й., Джафари Нур М.М. Постоянное членство Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества и его геополитические, военные, политические и экономические последствия для баланса сил с Соединенными Штатами Америки = Охвийат-е дайем- Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар Саземан-е Хамкари-йе Шанхай ва пайамадха-йе жеополитики, незами, сийаси ва эгтесади-йе ан бар мовазанэ-йе гава ба Эйалат-е Мотахедэ-йе Амрика // Фундаментальные и прикладные исследования исламского мира. – 2022. – № 3 (10). – Р. 59. – Персид. яз.

динежаде Иран добился таких успехов, как расширение торговли с Китаем, улучшение оборонных связей с Россией и укрепление отношений с другими странами Азии и Евразии. Однако проблемы доверия между Ираном и его так называемыми восточными партнерами, давление Запада и региональное соперничество продолжали создавать серьезные сложности. Например, с 2006 по 2010 г. Москва и Пекин, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, голосовали за резолюции Совета, направленные против Ирана в связи с его ядерной программой. Такая позиция фактически разрушила стремление Тегерана заручиться международной поддержкой восточных держав¹².

Взгляд на Восток, который уже много лет присутствует во внешнеполитической литературе разных стран, относится к переходному периоду в международной системе. В переходный период монополия Запада на власть и богатство и государственная гегемония исчезли, и другие страны взвешивают и оспаривают власть однополярной системы. Поэтому гегемонистская держава, которой в период после распада Советского Союза стали Соединенные Штаты Америки, пытается сохранить существующий порядок и не допустить возникновения нового. Это важное событие в мировом порядке заставило даже стратегических партнеров Америки установить тесные отношения с развивающимися и восточными державами¹³.

Стратегия «смотреть на Восток» имеет географическую основу и основывается на вопросе идентификации: в географическом смысле «взгляд на восток» – это стратегический подход к государствам Востока и попытка углубить связи с развивающимися державами, которых традиционно относят к регионам Востока, т.е. к восточной подсистеме международных отношений. К регионам, рассматриваемым в стратегии «Взгляд на восток»,

¹² Азизи Х. Изучение политики взгляда на восток в трех последних правительствах Ирана и анализ стратегии 13-го правительства = Барреси-йе сийасат-е негах бе шарг дар се доулат-е гозаште-йе Иран ва вакави-йе эстратежи-йе доулат-е сиздахом // Hammihanonline. – 18.09.2023. – Персид. яз. – URL: <https://hammihanonline.ir/fa/tiny/news-8763> (дата обращения: 04.02.2024).

¹³ Хадизаде А. Взгляд на Восток, баланс внешней политики = Негах бе шарг, тавазонбахш-е сийасат-е хареджи // Bloghnews. – 25.01.2022. – Персид. яз. – URL: <https://www.bloghnews.com/note/458907/> (дата обращения: 04.02.2024).

относятся Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия, а также Россия. Правительства этих регионов вместе сформировали комплекс восточных цивилизаций, вновь возникший в последние годы. Но взгляд на Восток с точки зрения идентичности подразумевает стратегическую синергию между Ираном, Россией и Китаем как восходящими державами против общих угроз Запада и ценностей либеральной демократии. Этот подход не подразумевает зависимости от Востока, но основан на попытке общения с Востоком и Западом, отдавая предпочтение Востоку по геополитическим, культурным, экономическим и даже политическим причинам, характерным для Ирана. Главная задача этого подхода – создать своего рода стратегическую и тактическую синергию между Ираном, Россией, Китаем и странами восточного региона для достижения национальных интересов¹⁴.

Связанная с этим основная идея – акцент на восточной стратегии, сделанный верховным лидером Ирана аятоллой Хаменеи. Несколько раз подчеркивая эту концепцию, он сказал: «Одним из наших приоритетов во внешней политике сегодня является предпочтение Востока Западу, соседей – дальним странам и народам, а также странам, которые разделяют с нами другие». На личном сайте Аятоллы Хаменеи перечислены шесть причин, по которым Иран отдает предпочтение Востоку: «доступ к большим рынкам, благоприятный торговый баланс, более широкие общие интересы, более слабое влияние врагов на восточном фланге, передовой технологический потенциал Востока и различные иностранные валюты»¹⁵.

Если десять лет назад подход «Взгляд на Восток» был приоритетным в процессе принятия внешнеполитических решений в Иране, то после избрания Ибрагима Раиси в 2021 г. такая позиция стала значительно заметнее. Что касается причин относительного изменения позиции Ирана, то одна группа аналитиков утверждает, что целью реализации «Взгляда на Восток» является желание иранского правительства сблизиться с Китаем и Россией. Другая

¹⁴ Возможности и угрозы поворота к восточной политике = Форсатха ва тахдидха-йе сийасат-е чархеш бе шарг // Jahanesanat. – 31.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://jahanesanat.ir/?p=369930> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁵ Санаи М., Карамидж. Восточная политика Ирана: потенциал и вызовы // Россия в глобальных делах. – 2021. – № 19 (3). – С. 28.

группа утверждает, что принятие этой точки зрения является попыткой ослабить позиции ее сторонников по отношению к Западу¹⁶. Раиси отдал приоритет отношениям с Востоком, в то же время приняв более консервативный и жесткий подход к Западу. Его политика основана на убеждении, что восточные страны, особенно Китай и Россия, являются более надежными партнерами для Ирана, чем Запад. Администрации Раиси удалось добиться прогресса, подписав с Китаем соглашение о стратегическом партнерстве сроком на 25 лет, получив полноправное членство в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и расширив торговлю с Россией. По мнению Раиси и его администрации, стратегия «Взгляд на Восток» способна не только противостоять американским санкциям против Ирана, но и расширить стратегические возможности Ирана в долгосрочной перспективе¹⁷.

Политика, ориентированная на Восток, состоит из трех основных компонентов¹⁸:

- нейтрализация последствий санкций и преодоление экономических кризисов в Иране;
- улучшение отношений с соседями;
- сильной синергии с Россией и Китаем, чтобы бросить вызов интервенционизму США в регионе путем создания антизападного блока.

Вступление Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества символизирует усиление восточного направления во внешней политике. Даже возможное возвращение к ядерной сделке при администрации Раиси не изменит эту тенденцию. Это может стать

¹⁶ Является ли взаимодействие с Востоком выигрышной картой для Ирана? = Та'амол ба шарг, барг барандэи барайе Иран аст? // Eghtesadnews. – 02.09.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.eghtesadnews.com/fa/tiny/news-595320> (дата обращения: 06.02.2024).

¹⁷ Azizi H. Iran's "Look East" strategy continuity and change under Raisi // Middle East Council on Foreign Affairs. – 14.09.2023. – URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-look-east-strategy-continuity-and-change-under-raisi/> (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁸ Гамхор Т. Новый мировой порядок; Открытие дверей Шанхая для Ирана: геоэкономическая важность присоединения для Тегерана = Назар-е новин-е джахани; гошуде шодан-е дарха-йе Шанхай бе ру-йе Иран // Tahlilbazaar. – 11.28.2022. – Персид. яз. – URL: tahlilbazaar.com/x3DhG (дата обращения: 07.02.2024).

триумфом стратегии Ахмадинежада «Взгляд на Восток», которую он ранее предлагал в качестве основополагающего принципа своей внешней политики¹⁹. Таким образом, политику «Взгляд на Восток» можно считать главной и основополагающей стратегией Исламской Республики Иран в области международных отношений в последние годы, и на ней основано ее членство в Шанхайской организации сотрудничества. Реальность такова, что сфера международной торговли, по крайней мере в последнее десятилетие, с развитием новых технологий слилась с областью международной политики, и провести четкое разграничение между ними уже невозможно²⁰.

Иран считает Шанхайскую организацию сотрудничества важным механизмом укрепления многосторонности, поскольку ее многосторонность создает естественный союз между Ираном и другими членами этой организации, и это нашло отражение в речи президента на 21-м саммите Шанхайской организации сотрудничества. В этой речи президент Ирана заявил, что внешняя политика Ирана всегда основывалась на противодействии одностороннему подходу и активном участии в международных многосторонних организациях, основанных на справедливости и взаимном уважении, а Шанхайская организация сотрудничества может стать движущей силой глобальной многосторонности²¹.

Первый вице-президент Ирана Мохаммад Мухбар заявил об этом на пленарном заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества: «Мы являемся свидетелями формирования нового мирового порядка и перехода от

¹⁹ Будет ли обязательная стратегия взгляда на Восток и альтернативный мировой порядок отвечать потребностям? = Эстратежи-йе эджбари-йе негах бе шарг ва назар-е джахани джайгозин бе нийаза пасох хоход дад? // Газета «Эбтекар». – 18.10.2021. – Персид. яз. – URL: <https://www.pishkhan.com/news/243104> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁰ Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности = Нагш-е Саземан-е Хамкари-йе Шанхай дар та'мин-е амнийат-е монтаж // Mehrnews. – 22.09.2021. – Персид. яз. – URL: mehrnews.com/xW83c (дата обращения: 10.02.2024).

²¹ Результат многосторонней дипломатии в отсутствие СВПД = Фарджам-е дипломаси-йе чанджджанебэгера дар гийаб-е барджам // Mehrnews. – 05.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5826793/> (дата обращения: 16.02.2024).

однополярной к многополярной системе, и новый мировой порядок будет основан на принципе, согласно которому все независимые акторы должны на равных участвовать в международных отношениях. В своей внешней политике Иран стремится содействовать формированию нового и справедливого мирового порядка»²².

Охарактеризовав полноправное членство Ирана в Шанхайской организации сотрудничества как важный шаг на пути к проведению всеобъемлющей внешней политики, укреплению политики соседства и взгляду в сторону Азии, министр иностранных дел сказал: «Будучи девятым членом организации, мы стремимся к развитию сотрудничества, достижению целей и использованию всех ее преимуществ». В этом контексте министр иностранных дел Ирана Хоссейн Амирабдоллахиан отметил: «Полноправное членство Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества является важным шагом в проведении всеобъемлющей внешней политики и укреплении политики соседства и перспектив в отношении Азии»²³.

Поскольку государства – члены Шанхайской организации сотрудничества составляют ядро евразийского континента, их взаимоотношения и взаимодействие будут определять характер дальнейшего развития этой обширной территории в ближайшие годы. Благодаря сложившейся в ШОС форме общения, общему опыту и существующим соглашениям, эта организация является крупнейшей (по территории и населению) и, следовательно, ключевой евразийской площадкой для международного сотрудничества. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) находится в центре крупных экономических инициатив, которые, по мнению экспертов, жизненно важны для определения направления будущего развития Евразии. Учитывая эти обстоятельства, даже начало членства Ирана в Шанхайской организации сотрудничества может

²² Мохбер: Цель внешней политики Ирана – создание нового мирового порядка // Sputnik Iran. – 26.10.2023. – Персид. яз. – URL: <https://spnfa.ir/20231026/> (дата обращения: 16.02.2024).

²³ Яркие горизонты, обращенные на восток = Офогха-йе роушан пишру-йе шарг // Политика дня. – 04.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://siasatrooz.ir/vdchv-nz623nixd.tft2.html> (дата обращения: 10.10.2024).

способствовать укреплению позиций Ирана в регионе и усилению его позиций на переговорах с Западом в Персидском заливе²⁴.

*Политические последствия*²⁵

1. Заложена основа для создания конструктивной коалиции для противостояния западным санкциям и препятствиям на пути к достижению мирных ядерных технологий.

2. Совместная угроза, которую НАТО и США представляют для Исламской Республики Иран и других членов организации, будет гораздо слабее.

3. Это возможность и способность Исламской Республики Иран, при сотрудничестве и дружбе с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, превратить напряженность и угрозы, исходящие от Соединенных Штатов, в возможности.

4. Продвижение духа доверия, доброй воли, сотрудничества, стабильности и устойчивости в региональном взаимодействии и укрепление дружественного и позитивного облика Исламской Республики Иран.

5. Это позволит укрепить позиции Исламской Республики Иран в региональных тенденциях и даже в макроеждународной политике.

*Экономические интересы*²⁶

1. Возможность дальнейших инвестиций членов Организации в промышленный, туристический, сельскохозяйственный, энергетический и портовый секторы Ирана.

2. Членство крупнейших мировых потребителей энергии в Шанхайской организации сотрудничества и постоянное членство

²⁴ Как членство в Шанхайской организации укрепит рычаги власти Ирана? = Озвийат дар Саземан-е Шангхай чегуне ахрамха-йе годрат-е Иран ра тагвийат миконад? // Tasnimnews. – 26.09.2022. – Персид. яз. – URL: <https://tn.ai/2576935> (дата обращения: 13.02.2024).

²⁵ Алапур М. Возможности вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества = Форсатха-йе пейвастан-е Иран бе Саземан-е Хамкари-йе Шангхай // Институт стратегических исследований. – 18.09.2021. – Персид. яз. – URL: <https://csr.ir/fa/news/1470/> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁶ Рашма М. Роль и возможности Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении национальных интересов Ирана = Наг шва зорфийат-е Саземан-е Хамкари-йе Шангхай дар та'мин-е монаф'э-йе мели-йе Иран // Иранская дипломатия. – 30.03.2023. – Персид. яз. – URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2018523/> (дата обращения: 15.01.2024).

Ирана как одного из крупнейших производителей нефти и газа дадут возможность дополнить друг друга и гарантировать экспорт энергоресурсов Исламской Республики.

3. Снижение влияния западных экономических санкций на внутреннюю экономику и доступ Ирана к крупному потребительскому рынку стран-участниц.

4. Удаление долларов из обмена между участниками.

5. Отмена экспортных и импортных тарифов и активное участие в торговом режиме региона, ускорение и снижение затрат на транспортировку всех видов товаров и услуг.

6. Возможность превращения Ирана в связующее звено между Россией и Индией, двумя крупнейшими развивающимися экономиками мира.

7. Роль и геополитический потенциал Ирана в реализации коридора «Север – Юг» и «Восток – Запад» и его превращении в ось транзита товаров.

8. Благодаря высокому потенциалу членов организации в области заготовки зерна и продуктов питания, будет обеспечена продовольственная безопасность членов организации.

9. Увеличение количества туристических обменов и развитие индустрии туризма.

10. Передача специализированных и квалифицированных кадров, чтобы воспользоваться их знаниями и опытом.

*Последствия для безопасности*²⁷

1. Повышение способности страны противостоять потенциальным угрозам со стороны соседнего Израиля, НАТО и США.

2. Принятие в организацию новых государств-членов остается важной вехой в развитии двустороннего сотрудничества со странами-членами в борьбе с наркотиками, терроризмом и религиозным фундаментализмом.

3. Необходимые и соответствующие основания для создания плана системы коллективной безопасности для борьбы с деструктивным присутствием внерегиональных сил.

²⁷ Алапур М. Возможности вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества = Форсатха-йе пейвастан-е Иран бе Саземан-е Хамкари-йе Шанхай // Институт стратегических исследований. – 18.09.2021. – Персид. яз. – URL: <https://csr.ir/fa/news/1470/> (дата обращения: 15.02.2024).

4. Кроме того, складываются благоприятные условия для более активного мониторинга правового режима и режима безопасности Каспийского моря.

* * *

Присоединение Ирана к Шанхайской организации сотрудничества – пример возросшей потребности стран-участниц в новых механизмах взаимодействия. На протяжении значительной части истории Шанхайской организации сотрудничества она рассматривалась как альтернативная витрина западному порядку. Будучи одной из важнейших международных организаций в Азии, Шанхайская организация сотрудничества явно стремится заменить американский порядок азиатским. Такой порядок, даже если он не угрожает всей структуре международного устройства, но, по крайней мере, является защитником и поборником таких норм, как многосторонность и невмешательство во внутренние дела стран; похоже, что у Запада больше нет достаточного авторитета, чтобы поднять его флаг.

С другой стороны, Иран считает, что он должен участвовать в региональных договоренностях, включая членство в организациях регионального сотрудничества, для увеличения и усиления своего геополитического веса в регионе и во всем мире. В то же время членство Ирана в Шанхайской организации сотрудничества может быть очень плодотворным, поскольку Иран обладает такими преимуществами, как энергоресурсы и выгодное геополитическое положение, а также имеет преимущества для Шанхая и в состоянии использовать преимущества этого сотрудничества. Эти преимущества могут быть выгодны Ирану как в идеологическом, так и в экономическом плане, а также с точки зрения безопасности. Что касается идеологии, то антиамериканский подход страны и критика ее односторонней политики соответствуют взглядам Шанхая. В энергетическом плане Иран может сыграть важную роль, а в экономическом – позиция Ирана может способствовать экономическому росту Шанхая. В целом вступление Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества служит сигналом региональной интеграции и символизирует начало нового порядка.

Список источников и литературы

1. Айдын Ф. Шанхайская организация сотрудничества: Является ли она обязательным элементом в политике Турции в отношении Казахстана и Центральной Азии // Журнал Академии SDE. – 2024. – № 4 (1). – С. 149–170.
2. Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.
3. Санаи М., Карамидж. Восточная политика Ирана: потенциал и вызовы // Россия в глобальных делах. – 2021. – № 19 (3). – С. 25–49. – DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49.
4. Azizi H. Iran's "Look East" strategy continuity and change under Raisi // Middle East Council on Foreign Affairs. – 14.09.2023. – URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-look-east-strategy-continuity-and-change-under-raisi/> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Bellaby R. The Shanghai Cooperation Organization's Rising Global Ambitions // Geopolitical Monitor. – 22.12.2023. – URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-shanghai-cooperation-organizations-rising-global-ambitions/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. General information // The Shanghai cooperation organization. – 09.01.2017. – URL: <https://eng.sectesco.org/20170109/192193.html> (дата обращения: 23.01.2024).
7. Kemaloglu I. 3 Questions – Role of Shanghai Cooperation Organization in new world order // Anadolu Agency. – 07.04.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/3-questions-role-of-shanghai-cooperation-organization-in-new-world-order/2864632> (дата обращения: 27.01.2024).
8. Noorani A.G. New world order // DAWN. – 24.09.2022. – URL: <https://www.dawn.com/news/1711686> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Азизи Х. Изучение политики взгляда на восток в трех последних правительствах Ирана и анализ стратегии 13-го правительства = Барреси-йе сийасат-е негах бе шарг дар се доулат-е гозаште-йе Иран ва вакави-йе эстратежи-йе доулат-е сиздахом // Hammihanonline. – 18.09.2023. – Персид. яз. – URL: <https://hammihanonline.ir/fa/tiny/news-8763> (дата обращения: 04.02.2024).
10. Алапур М. Возможности вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества = Форсатха-йе пейвастан-е Иран бе Саземан-е Хамкари-йе Шангхай // Институт стратегических исследований. – 18.09.2021. – Персид. яз. – URL: <https://csr.ir/fa/news/1470/> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Будет ли обязательная стратегия взгляда на Восток и альтернативный мировой порядок отвечать потребностям? = Эстратежи-йе эджбари-йе негах бе шарг ва назар-е джахани джайгозин бе ниязха пасох хоход дад? // Газета

- «Эбтекар». – 18.10.2021. – Персид. яз. – URL: <https://www.pishkhan.com/news/243104> (дата обращения: 10.02.2024).
12. Возможности и угрозы поворота к восточной политике = Форсатха ва тахдидха-йе сийасат-е чархеш бе шарг // Jahanesanat. – 31.05.2023. – Персид. яз. – URL: <https://jahanesanat.ir/?p=369930> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Гамхор Т. Новый мировой порядок; Открытие дверей Шанхая для Ирана: геоэкономическая важность присоединения для Тегерана = Назар-е новин-е джахани; гошуде шодан-е дарха-йе Шангхай бе ру-йе Иран // Tahlilbazaar. – 11.28.2022. – Персид. яз. – URL: tahlilbazaar.com/x3DhG (дата обращения: 07.02.2024).
14. Как членство в Шанхайской организации укрепит рычаги власти Ирана? = Озвийат дар Саземан-е Шангхай чегуне ахрамха-йе годрат-е Иран ра тагвийат миконад? // Tasnimnews. – 26.09.2022. – Персид. яз. – URL: <https://tn.ai/2576935> (дата обращения: 13.02.2024).
15. Мохбер: Цель внешней политики Ирана – создание нового мирового порядка // Sputnik Iran. – 26.10.2023. – Персид. яз. – URL: <https://spnfa.ir/20231026/> (дата обращения: 16.02.2024).
16. Пекин стремится нейтрализовать американскую гегемонию и создать собственную базу власти? = Пекан бе домбал-е хансисази-йе хежемони-йе Амрика ва иджад-е пайеа-йе годрат-е ход аст? // Farhikhtegandaily. – 28.08.2021. – Персид. яз. – URL: <http://fdn.ir/59388> (дата обращения: 15.01.2024).
17. Рашма М. Роль и возможности Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении национальных интересов Ирана = Наг шва зорфийат-е Саземан-е Хамкари-йе Шангхай дар та’мин-е монаф’э-йе мели-йе Иран // Иранская дипломатия. – 30.03.2023. – Персид. яз. – URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2018523/> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Результат многосторонней дипломатии в отсутствие СВПД = Фарджам-е дипломаси-йе чанджджанебэгера дар гийаб-е барджам // Mehrnews. – 05.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5826793/> (дата обращения: 16.02.2024).
19. Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности = Нагш-е Саземан-е Хамкари-йе Шангхай дар та’мин-е амнийат-е монтаге // Mehrnews. – 22.09.2021. – Персид. яз. – URL: mehrnews.com/xW83c (дата обращения: 10.02.2024).
20. Салими Дж., Джалали Р., Али Фам Х., Хасани С.М. Обзор Шанхайской организации и влияние членства Ирана = Барреси-йе Саземан-е Шангхай ва таасир-е озвийат-е Иран дар ан // Сборник трудов по политическим наукам. – 2022. – № 3 (8). – Р. 107–127. – Персид. яз.

21. Сафави С.Й., Джафари Нур М.М. Постоянное членство Исламской Республики Иран в Шанхайской организации сотрудничества и его геополитические, военные, политические и экономические последствия для баланса сил с Соединенными Штатами Америки = Озвийат-е дайем- Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар Саземан-е Хамкари-йе Шангхай ва пайамадха-йе жеополитики, не-зами, сийаси ва эгтесади-йе ан бар мовазанэ-йе гава ба Эйлат-е Мотахедэ-йе Амрика // Фундаментальные и прикладные исследования исламского мира. – 2022. – № 3 (10). – Р. 55–81. – Персид. яз.
22. Хадизаде А. Взгляд на Восток, баланс внешней политики = Негах бе шарг, тавазонбахш-е сийасат-е хареджи // Bloghnews. – 25.01.2022. – Персид. яз. – URL: <https://www.bloghnews.com/note/458907/> (дата обращения: 04.02.2024).
23. Хамиани М. Иран и Шанхайская организация сотрудничества: принятие евразийской идентичности = Иран ва Саземан-е Хамкари-йе Шангхай: пазируш-е йек ховейат-е эврасйаии // Институт политики и международных исследований. – 25.01.2022. – Персид. яз. – URL: <https://ipis.ir/portal/subjectview/667604> (дата обращения: 16.01.2024).
24. Является ли взаимодействие с Востоком выигрышной картой для Ирана? = Та’амол ба шарг, барг барандэи барайе Иран аст? // Eghtesadnews. – 02.09.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.eghtesadnews.com/fa/tiny/news-595320> (дата обращения: 06.02.2024).
25. Яркие горизонты, обращенные на восток = Офогха-йе роушан пишру-йе шарг // Политика дня. – 04.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://siasatrooz.ir/vdchv-nz623nixd.tft2.html> (дата обращения: 10.10.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04
УДК 327+339

ИРАНСКИЙ ФАКТОР В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

СТОЛЕТОВ Олег Владимирович

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

SPIN-код: 3949-8752

ORCID: 0000-0003-0479-7865

Для цитирования: Столетов О.В. Иранский фактор в геоэкономических процессах Глобального Юга на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 67–87. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.

Аннотация. В статье изучается проявление иранского фактора в геоэкономических процессах, протекающих на пространстве Глобального Юга на современном этапе. Внимание, прежде всего, уделяется исследованию взаимодействия Ирана и государств Глобального Юга в торгово-экономической, транспортно-логистической и энергетической сферах. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что значение Ирана в международном экономическом взаимодействии, осуществляемом по линии Юг – Юг, в современных условиях возрастает. Этому способствует усиление взаимной заинтересованности Ирана и государств Глобального Юга в сотрудничестве в условиях нарастания турбулентности в мировой экономике и мировой политике. Результативность взаимодействия в указанных сферах в значительной степени будет зависеть от выработки продуманных решений, отвечающих потребностям развития экономик Ирана и его партнеров из числа государств Глобального Юга, а также от нахождения взаимоприемлемых подходов к реализации стратегических международных экономических проектов Китая и Индии, прежде всего на пространстве Евразии.

Ключевые слова: Иранский фактор, геоэкономические процессы, Глобальный Юг, пространство Евразии.

Iranian Factor in Geo-Economic Processes of Global South at Present Stage

Oleg V. STOLETOV

PhD in Political Science, Associate Professor
of the Department of International Relations and Integration Processes,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

SPIN-code: 3949-8752

ORCID: 0000-0003-0479-7865

For citation: Stoletov O.V. (2024). Iranian Factor in Geo-Economic Processes of Global South at Present Stage. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 67–87. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.04.

Abstract. The article studies the manifestation of the Iranian factor in the geo-economic processes taking place in the Global South at the present stage. Attention, first of all, is paid to the study of interaction between Iran and the states of the Global South in the trade, economic, transport, logistics and energy spheres. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the importance of Iran in international economic interaction carried out along the South-South line is increasing in modern conditions. This is facilitated by the growing mutual interest of Iran and the states of the Global South in cooperation in the context of increasing turbulence in the world economy and world politics. The effectiveness of interaction in these areas will largely depend on the development of thoughtful solutions that meet the development needs of the economies of Iran and its partners from the countries of the Global South, as well as on finding mutually acceptable approaches to the implementation of strategic international economic projects of China and India, primarily in the Eurasian space.

Keywords: Iranian factor, geo-economic processes, Global South, space of Eurasia.

В современных условиях значимость иранского фактора в геоэкономических процессах Глобального Юга возрастает. Эта тенденция обусловлена как фундаментальными изменениями, протекающими на Глобальном Юге, так и активизацией внешнеэкономической политики Ирана в отношении развивающихся стран.

Иран является ключевым государством для Китая, реализующего инициативу «Один пояс – один путь», и Индии, продвигающей развитие международного транспортного коридора

«Север – Юг» (МТК «Север – Юг»). Такое положение может позволить Исламской Республике Иран сыграть важную роль в обеспечении определенного баланса в китайско-индийских отношениях. Проявлением значимости Ирана в реализации экономических инициатив Китая и Индии стало официальное присоединение этой страны к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2023 г., а также к международному объединению БРИКС в 2024 г. Таким образом, Иран становится важным звеном международных платформ, представляющих интересы развивающихся государств на региональном и глобальном уровнях.

На современном этапе международное экономическое взаимодействие все более тесно сопрягается с вопросами безопасности. Санкционная политика, проводимая США и их союзниками в отношении России, привела к сокращению российского товарооборота со странами Глобального Севера, способствовала увеличению торговли между Российской Федерацией и государствами Глобального Юга, активизировала формирование новых цепочек поставок. Эскалация палестино-израильского конфликта после 7 октября 2023 г. обострила политические противоречия на Ближнем Востоке, в частности в Йемене, спровоцировав нарушение логистики через Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море, а соответственно, и Суэцкий канал. В этих условиях транзитное значение Ирана, занимающего срединное положение между регионами Центральной и Южной Азии, Южного Кавказа и Ближнего Востока, а также имеющего общую сухопутную границу с Турцией, являющейся «воротами» в Европу¹, стратегически возрастает. Вместе с тем нарастание военно-политической напряженности в зоне Персидского залива, а также в регионе Красного моря и Аденского залива создает угрозы для безопасности Ирана. Кроме того, определенное влияние на реализацию экономических проектов с участием Ирана могут оказывать турбулентные процессы, протекающие, в частности, на Южном Кавказе², в провинциях

¹ Иванова И.И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. // Восточная аналитика. – 2020. – № 4. – С. 182–206. – DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-182-206.

² Azizi H., Isachenko D. Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // SWP Comment. – 2023. – DOI: 10.18449/2023C49. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C49/> (дата обращения: 26.02.2024).

Систан и Белуджистан (Иран) и Белуджистан (Пакистан)³, а также в Афганистане⁴. В этих условиях Иран во взаимодействии со странами Глобального Юга вынужден не только руководствоваться экономическими интересами, но и реагировать на меняющиеся политические обстоятельства⁵.

Приоритеты внешнеэкономической политики Ирана на современном этапе

В условиях нарастающей турбулентности в мировой экономике и усиления санкционного давления на ряд стран со стороны «коллективного Запада» государства Глобального Юга стремятся диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, что проявляется в их стремлении развивать отношения в том числе с Исламской Республикой Иран. В свою очередь, Иран старается интенсифицировать свою экономическую дипломатию, нарастив товарооборот с развивающимися странами⁶. Реализация Ираном внешнеэкономической политики в отношении государств Глобального Юга является важной составляющей развития международного сотрудничества по линии Юг – Юг.

В международном экономическом взаимодействии на пространстве Евразии Иран стремится обеспечить баланс торговых отношений с ключевыми развивающимися странами. В 2021 г. между Исламской Республикой Иран и КНР был заключен до-

³ Karim U. The Pakistan – Iran relationship and the changing nature of regional and domestic security and strategic interests // *Global Discourse*. – 2023. – Vol. 13, № 1. – P. 20–38. – DOI: 10.1332/204378921X16585144068826.

⁴ Mohammad Hassan Hossein bor India – Iran Chabahar Agreement. The Geopolitics of Baluchistan Regional and International Implications // *Arabian Gulf Centre for Iranian Studies*. – 2016. – P. 2–16. – URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2016/08/India-Iran-Chabahar-Agreement-.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ Карам Д. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 547–561. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561.

⁶ Janparvour M., Barani K.Z., Jaf S.B., Roosta M.T. Future Research on Geo-Economic Relations between Iran and Africa // *Geopolitics Quarterly*. – 2023. – Vol. 19, № 2. – P. 108–132. – URL: https://journal.iag.ir/article_157997_1cdf089c470690ffd836d60402bc0063.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

говор о всестороннем сотрудничестве сроком на 25 лет, в соответствии с которым Китай планирует инвестировать 400 млрд долл. в экономику Ирана в течение 25 лет в обмен на непрерывные поставки иранской нефти⁷. В 2022 г. Иран предложил Индии заключить аналогичное долгосрочное соглашение о стратегическом сотрудничестве, призванное способствовать привлечению индийских инвестиций в развитие своей транспортной и энергетической инфраструктуры⁸. Кроме того, Иран и Россия ведут активную работу над проектом договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, предусматривающем важные договоренности в области торговли, энергетики и обороны. Представляется, что формирование стратегических отношений Исламской Республики Иран с Китаем, Индией и Россией является важной основой для укрепления позиций Ирана в ключевых регионах Глобального Юга.

В июне 2022 г. между Ираном и Венесуэлой, странами мира, обладающими крупнейшими запасами нефти, было подписано соглашение о всестороннем стратегическом сотрудничестве, рассчитанное на 20 лет. Данный документ предусматривает развитие сотрудничества между двумя странами, пострадавшими от санкционной политики США и их союзников, в частности, по таким направлениям, как добыча нефти, нефтехимия, наука и технологии, сельское хозяйство⁹. В июле 2022 г. Иран заключил договор о всеобъемлющем и долгосрочном сотрудничестве с Турцией, в частности предусматривающий развитие двустороннего сотрудничества в торгово-экономической и банковской сферах¹⁰. В мае

⁷ Madani S. Beyond Geopolitics: A Geoeconomic Perspective of China-Iran Belt and Road Initiative Relations // *Uluslararası İlişkiler / International Relations*. – 2022. – Vol. 19, № 74. – P. 53–72. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27130876> (дата обращения: 29.02.2024).

⁸ Shashank Mattoo Iran offers China-style strategic deal for India // *Mint*. – 19.12.2022. – URL: <https://www.livemint.com/news/india/iran-offers-china-style-strategic-deal-for-india-11671381480204.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁹ Syed Zafar Mehdi Iran, Venezuela ink 20-year pact in defiance of US sanctions // *Anadolu Agency*. – 11.06.2022. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/iran-venezuela-ink-20-year-pact-in-defiance-of-us-sanctions/2611244> (дата обращения: 02.03.2024).

¹⁰ Comprehensive plan for long-term cooperation between Iran, Turkey realistic document: Iran's ambassador // *Iranian Students' News Agency*. – 23.07.2022. –

2023 г. Индонезия, ключевая страна АСЕАН, подписала соглашение о преференциальной торговле с Ираном. Данное соглашение отвечает как стратегическим приоритетам Ирана, заинтересованного в укреплении своих позиций на международных энергетических рынках, а также увеличении своего ненефтяного экспорта, так и интересам Индонезии, стремящейся к диверсификации своих экспортных рынков и расширению числа экономических партнеров¹¹. Значимыми экономическими партнерами Ирана в Юго-Восточной Азии также являются Малайзия и Таиланд¹².

Функцию институциональной основы для развития многостороннего сотрудничества в торгово-экономической сфере с участием Турции, Ирана, Пакистана, Азербайджана, а также государств Центральной Азии и Афганистана способны выполнить Организация экономического сотрудничества (ОЭС), штаб-квартира которой находится в Тегеране, а также функционирующий на ее базе Банк торговли и развития ОЭС. На 16-м саммите ОЭС, состоявшемся в Ташкенте (Узбекистан) в ноябре 2023 г., в частности, обсуждались вопросы расширения торгово-экономического, инвестиционного, транспортно-коммуникационного сотрудничества, а также развития промышленной кооперации.

Вместе с тем Иран все более активно вовлекается в процессы региональной интеграции на пространстве Евразии. В 2019 г. вступило в силу Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном¹³, а в 2023 г.

URL: <https://en.isna.ir:8443/news/1401050100486/Comprehensive-plan-for-long-term-cooperation-between-Iran-Turkey> (дата обращения: 02.03.2024).

¹¹ Imanuddin Razak Indonesia and Iran strengthen partnership by signing a preferential trade agreement // Indonesia Business Post. – 08.08.2023. – URL: <https://indonesiabusinesspost.com/uncategories/indonesia-iran-strengthen-partnership-by-signing-a-preferential-trade-agreement/> (дата обращения: 08.08.2023).

¹² Kibtiah T.M., Rahmasari A., Novikrisna D., Debora S.C., Raifanda C. Analysis of the Iran-SEA cooperation (Indonesia-Malaysia-Thailand) in facing US economic sanctions // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2021. – № 729. – 7 p. – DOI: 10.1088/1755-1315/729/1/012123.

¹³ Королев А.С. Проактивная vs реактивная: промежуточные итоги внешнеэкономической политики ЕАЭС: рабочая тетрадь № 83, 2023 / под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, Л.В. Нечаевой, Г.В. Грызлова, С.М. Гавриловой // Российский совет по международным делам. – Москва: НП РСМД, 2023. – 40 с. –

между ЕАЭС и Ираном было заключено уже полноформатное Соглашение о зоне свободной торговли. Тем самым создаются благоприятные условия для развития экономического взаимодействия Ирана с государствами Центральной Азии по широкому спектру направлений, а также роста товарооборота между Ираном и странами, входящими в ЕАЭС и ШОС.

Таким образом, реализуемая Исламской Республикой Иран экономическая дипломатия на пространстве Евразии может позволить этой стране выступить стратегическим пространством, обеспечивающим торгово-экономическое взаимодействие между государствами Юго-Восточной, Западной и Центральной Азии¹⁴.

Активизацию экономической дипломатии Иран демонстрирует и во взаимодействии со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Так, в июне 2023 г. президент Ирана Э. Раиси совершил турне по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, в ходе которого посетил Венесуэлу, Никарагуа и Кубу. Следует отметить, что Исламская Республика Иран и Боливарианская Республика Венесуэла развивают сотрудничество в таких областях, как нефтепереработка, нефтехимия и строительный инжиниринг. В частности, Иран участвует в реконструкции нефтеперерабатывающих заводов Венесуэлы. Так, Национальная иранская компания по переработке и распределению нефти (National Iranian Oil Refining and Distribution Company, NIORDC) в 2023 г. осуществила капитальный ремонт завода Эль-Палито (El Palito)¹⁵. Планируется участие NIORDC в реконструкции крупнейшего венесуэльского нефтеперерабатывающего центра Paraguaná (CRP)¹⁶,

URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EAEU-WorkingPaper83.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).

¹⁴ BINUS IR Lecturer's Presentation on Iran-Southeast Asia Cooperations in Nottingham University, Malaysia // BINUS University. – 07.11.2022. – URL: <https://ir.binus.ac.id/2022/11/07/binus-ir-lecturers-presentation-on-iran-southeast-asia-cooperations-in-nottingham-university-malaysia/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁵ Iran, Syria, Venezuela to construct oil refinery in Homs // Middle East Monitor. – 02.10.2023. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20231002-iran-syria-venezuela-to-construct-oil-refinery-in-homs/> (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁶ Pelcastre J. Iran to Overhaul Venezuela's Largest Refinery // Diálogo Américas. – 28.03.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/iran-to-overhaul-venezuelas-largest-refinery/> (дата обращения: 28.02.2024).

состоящего из двух нефтеперерабатывающих заводов – Амуай (Amuay) и Кардон (Cardon). Кроме того, следует отметить, что в октябре 2023 г. Иран, Венесуэла и Сирия подписали трехсторонний меморандум о взаимопонимании по строительству нового нефтеперерабатывающего завода на территории сирийской провинции Хомс¹⁷.

В условиях возрастания значения африканских стран для мировой экономики Иран активизирует свое торгово-экономическое взаимодействие с этими государствами, рассматривая Африку как «континент возможностей»¹⁸. В 2022 г. Иран поставил задачу нарастить товарооборот с африканскими странами до 5 млрд долл. к 2025 г. Для решения этой задачи в 2023 г. в рамках Организации по развитию торговли Ирана было создано Генеральное бюро по африканским делам¹⁹.

Руководство Исламской Республики Иран стремится обеспечить сбалансированное развитие экономических связей страны с основными субрегионами Африки. В июле 2016 г. Иран подписал соглашения о таможенном сотрудничестве и взаимной административной помощи с такими западноафриканскими странами, как Нигерия, Гана, Гвинея, Мали²⁰. В марте 2023 г. состоялся первый саммит по научному и экономическому сотрудничеству между Ираном и странами Западной Африки. В рамках данного мероприятия было уделено внимание развитию взаимодействия в коммерческой и финансовой сферах. Иранская сторона заявила о готовности сотрудничать с западноафриканскими странами в технологической сфере и призвала эти страны содействовать рас-

¹⁷ Iran, Venezuela, and Syria sign MoU to build 140,000 bpd refinery amid US sanctions // OilNOW. – 04.10.2023. – URL: <https://oilnow.gy/featured/iran-venezuela-and-syria-sign-mou-to-build-140000-bpd-refinery-amid-us-sanctions/> (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁸ Iran's growing footprint in Africa despite ire in U.S., Israel // Tehran Times. – 16.07.2023. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/486912/Iran-s-growing-footprint-in-Africa-despite-ire-in-U-S-Israel> (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁹ Gauri Narain Mathur Iran's Outreach to Africa: Quest for Influence // Indian Council of World Affairs. – 21.09.2023. – URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9950&lid=6356 (дата обращения: 28.02.2024).

²⁰ Iran signs customs agreement with four West African states // Islamic Republic News Agency. – 30.07.2016. – URL: <https://en.irna.ir/news/82168778/Iran-signs-customs-agreement-with-four-West-African-states> (дата обращения: 28.02.2024).

ширению присутствия иранских частных компаний в их экономиках²¹. Кроме того, на саммите вице-президент Ирана по экономическим делам Мохсен Резаи предложил странам Западной Африки создать совместный банк в целях развития экономических отношений²².

В июле 2023 г. президент Ирана Э. Раиси, посетив Африканский континент впервые за десять лет, совершил визиты в две восточноафриканские страны – Кению, Уганду, а также в Зимбабве, расположенную на юге Африки. Иран также демонстрирует заинтересованность в развитии экономического взаимодействия с Эфиопией²³. Существуют возможности для развития экономических отношений между Ираном и некоторыми государствами Северной Африки. В частности, Иран стремится к нормализации дипломатических отношений с Египтом²⁴, который способен выступить важным торговым хабом для продвижения иранских товаров на рынки африканских стран²⁵.

Представляется, что большее вовлечение Ирана в систему международных экономических взаимодействий на маршрутах инициативы «Один пояс – один путь» отвечает интересам Китая и одновременно повышает значимость Ирана для Индии и других ключевых государств Глобального Юга.

В свою очередь, для Ирана развитие сотрудничества со странами Глобального Юга представляет значительный интерес, в частности, с точки зрения таких сфер, как разработка и добыча

²¹ 1st Iran-West Africa Economic Summit Convenes in Tehran // Financial Tribune. – 10.03.2023. – URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/117421/1st-iran-west-africa-economic-summit-convenes-in-tehran> (дата обращения: 28.02.2024).

²² Iran proposes creation of joint bank with African states // The Cradle. – 07.03.2023. – URL: <https://thecradle.co/articles-id/1094> (дата обращения: 28.02.2024).

²³ Marsai V., Rózsa E.N. The Late-comer Friend: Iranian Interests on the Horn of Africa // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2023. – Vol. 17, № 4. – P. 356–370. – DOI: 10.1080/25765949.2023.2300582.

²⁴ Khalil Al-Anani Egypt and Iran: A Quest for Normalized Ties Amid Significant Obstacles // Arab Center Washington DC. – 09.06.2023. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/egypt-and-iran-a-quest-for-normalized-ties-amid-significant-obstacles/> (дата обращения: 26.02.2024).

²⁵ News Analysis: External pressure remains major hurdle for Egypt to restore ties with Iran // Xinhua. – 02.01.2024. – URL: <https://english.news.cn/20240102/ed176f942e9f4b3399129f795cdd1d90/c.html> (дата обращения: 26.02.2024).

полезных ископаемых, продовольствие и сельское хозяйство, медицина и фармацевтика, реализация научно-технологических и инженерно-технических проектов²⁶. Иран обменивается с заинтересованными странами Глобального Юга собственным опытом устойчивого экономического развития в условиях санкционного давления²⁷, основанным на концепции «экономики сопротивления»²⁸. Таким образом, на Глобальном Юге Иран стремится активизировать экономическое взаимодействие как с государствами, которые сталкиваются с санкционными ограничениями в международной торговле, так и с динамично развивающимися странами, которые не испытывают такого давления.

Участие Ирана в транспортно-логистических проектах государств Глобального Юга

На фоне санкционных ограничений, наложенных на Россию странами «коллективного Запада», активизируется реализация транспортно-логистических проектов между Ираном и Азербайджаном²⁹, а также между Ираном, странами Центральной Азии и Афганистаном³⁰. Особое значение для Азербайджанской Республики имеет наличие у Ирана границы как с основной территорией Азербайджана, так и с Нахичеванской Автономной Республикой,

²⁶ Медведева М.Б., Стародубцева Е.Б. Республика Иран: встраивание в глобальные тенденции развития мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 1. – С. 62–69. – DOI: 10.24143/2073-5537-2022-1-62-69.

²⁷ Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627.

²⁸ Banafsheh Keynoush Revolutionary Iran's Africa Policy // King Faisal Center for Research and Islamic Studies. – 2021. – 152 p. – URL: <https://kfcris.com/pdf/dd448fcd67b35ab48903bd18c6fcffd160d99d2290923.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

²⁹ Агазаде М.М. Торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Ираном: проблемы и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 102–112. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.06.

³⁰ Грозин А.В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 106–130. – DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106.

имеющей границу с Турцией. Иран и Азербайджан в 2022 г. активизировали взаимодействие в рамках создания транспортного коридора между Восточно-Зангезурским экономическим районом Азербайджана и Нахичеванской Автономной Республикой через территорию Ирана³¹. В свою очередь, страны Центральной Азии и Афганистан заинтересованы в получении доступа к иранской морской портовой инфраструктуре (порты Бендер-Аббас и Чабахар).

Иран, стремясь укрепить свои позиции в качестве ключевого трансрегионального транзитного узла, в рамках Петербургского международного экономического форума 2023 г. предложил инициативу «IRAN-RAH» («Иранский путь»). Основные принципы инициативы «IRAN-RAH» позиционируются Ираном как соответствующие логике взаимодействия в рамках МТК «Север – Юг». В рамках инициативы «IRAN-RAH», в частности, делается акцент на развитии межгосударственного взаимодействия на основе многосторонности, учете интересов всех заинтересованных сторон, скоординированном развитии связей в логистике, торговле, финансово-банковской и правовой сферах, приграничном сотрудничестве, учете исторически присущих вступающим в партнерство государствам экономических связей, взаимодействию в сфере образования, науки и технологий³².

На фоне развития сотрудничества между Китаем и Пакистаном, с одной стороны, и Китаем и Ираном, с другой стороны, осуществляемых в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь»³³, Иран проявляет определенную заинтересованность в участии в Китайско-пакистанском экономическом коридоре (КПЭК)³⁴.

³¹ Fawn R., Bruder J. Building the West's On-Ramp to China's Belt and Road: Opportunities in the South Caucasus // *Orbis*. – 2022. – Vol. 66, № 3. – P. 350–372. – DOI: 10.1016/j.orbis.2022.05.006.

³² Iranian Roads Minister Highlights Eight Principles of 'Iran-Rah' Initiative for INSTC // *Tasnim News Agency*. – 04.07.2023. – URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/07/04/2920790/iranian-roads-minister-highlights-eight-principles-of-iran-rah-initiative-for-instc> (дата обращения: 26.02.2024).

³³ Замараева Н.А. Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021–2022 гг.) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2022. – Т. 27, № 27. – С. 193–209. – DOI: 10.48647/IFES.2022.27.82.019.

³⁴ Hussain H., Bogheiry A., Alam T. China Pakistan Economic Corridor (CPEC): Opportunities and Challenges for Implementation // *Pakistan Journal of International Affairs*. – 2023. – Vol. 6, № 4. – P. 37–52. – DOI: 10.52337/pjia.v6i4.927.

Китай и Пакистан позиционируют КПЭК как открытую и инклюзивную платформу для взаимовыгодного сотрудничества³⁵. Еще во второй половине 2010-х годов Иран получал приглашение от Пакистана присоединиться к КПЭК. Показательно, что в июне 2023 г. состоялась встреча представителей Китая, Пакистана и Ирана для проведения первых трехсторонних консультаций по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом в регионах, через которые проходит КПЭК. Поддержка Афганистаном инициативы «Один пояс – один путь» и возможное его подключение к КПЭК создает предпосылки для реализации международных инфраструктурных проектов с участием этой страны.

Географическое положение Афганистана и государств Центральной Азии позволяет им выступить ключевым связующим звеном в формировании сухопутных транспортно-логистических связей между Ираном и Китаем, имеющих стратегическое значение для этих двух государств. Следует отметить, что в ноябре 2023 г. в ходе визита правительственной делегации Афганистана в Иран афганская сторона заявила о готовности использовать Ваханскую долину, расположенную в провинции Бадахшан на границе с Китаем, для налаживания торгово-экономических отношений между Ираном и КНР. Кроме того, афганская сторона предложила наладить транзитное сообщение между Ираном и Узбекистаном через территорию Афганистана, а также продлить железную дорогу Хаф (Иран) – Герат (Афганистан) до «Ваханского коридора». Вместе с тем были достигнуты договоренности, касающиеся увеличения афганского экспорта и импорта через иранский порт Чабахар. Следует отметить, что в развитии порта Чабахар участвует Индия, рассматривая его в качестве ключевого элемента МТК «Север – Юг»³⁶. Таким образом, иранский порт Чабахар приобретает ключевое значение в контексте сопряжения торгово-

³⁵ Mahmood S., Sun H., Abdein M.A., Qadri S.U., Iqbal A., Abdelkader M.F.M., Mahmoud M.H., Hewedy O. Exploring the China-Pakistan economic corridor project performance during Covid-19 pandemic // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, № 12. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22835.

³⁶ Гарбузарова Е.Г. Центральноеазиатская политика Индии // *Россия и АТР*. – 2023. – № 3. – С. 37–51. – DOI: 10.24412/1026-8804-2023-3-37-51.

экономических интересов Индии, Афганистана, государств Центральной Азии, Китая и Пакистана³⁷.

Иранский транзитный потенциал стратегически важен для создания ряда транспортно-логистических коридоров, призванных обеспечить многостороннюю перекрестную торговлю³⁸. В рамках двенадцатого заседания министров транспорта ОЭС в ноябре 2023 г. был подписан Протокол Многосторонней встречи профильных министерств в сфере транспорта Узбекистана, Туркменистана, Ирана и Турции по формированию международного мультимодального коридора между Азией и Европой по маршруту «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Турция». С учетом этого прорабатываются планы развития транспортных коридоров «Иран – Туркменистан – Узбекистан», «Узбекистан – Афганистан – Иран», «Иран – Оман – Туркменистан – Узбекистан». Кроме того, Иран проявляет интерес, связанный с подключением к железной дороге «Китай – Киргизия – Узбекистан», соглашение о строительстве которой было подписано в сентябре 2022 г. Кроме того, Казахстан и Иран планируют осуществлять сотрудничество в области использования иранской портовой инфраструктуры на Каспийском море (порт Амирабад), в Персидском заливе (Бендер-Хомейни, Бендер-Аббас) и Оманском заливе (Чабахар) для экспорта казахстанской продовольственной продукции в страны Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии и Африки³⁹.

Произошедшая в марте 2023 г. при посредничестве КНР⁴⁰ относительная нормализация отношений Исламской Республики

³⁷ Лунёв С.И., Юртаев В.И. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // *Международные процессы*. – Т. 19, № 2 (65). – С. 121–137. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.3.

³⁸ Felix K. Chang Central Asia's Middle Corridor Expansion: Opportunity for China and Iran // *Foreign Policy Research Institute*. – 16.01.2024. – URL: <https://www.fpri.org/article/2024/01/central-asias-middle-corridor-expansion-opportunity-for-china-and-iran/> (дата обращения: 17.02.2024).

³⁹ Казахстан планирует экспортировать сельскохозяйственную продукцию через иранские порты // *Silk Way*. – 08.08.2023. – URL: <https://jytv.kz/public/en/kazakhstan-plans-to-export-agricultural-products-via-iranian-ports> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴⁰ Aprillia A., Prasodjo H. Analysis of Iran's Reasons for Normalizing Diplomatic Relations with Saudi Arabia in 2023 // *Indonesian Journal of Interdisciplinary Islamic Studies (IJIIS)*. – 2023. – Vol. 6, № 1. – P. 1–21. – DOI: 10.20885/ijiis.vol6.iss1.art3.

Иран и Королевства Саудовская Аравия⁴¹ создает предпосылки для развития экономического сотрудничества между Ираном и Саудовской Аравией, а также другими государствами Глобального Юга, прежде всего, в мусульманском мире, которые ориентируются на учет политики Саудовской Аравии. В частности, нормализация ирано-саудовских отношений в 2023 г. способствовала улучшению отношений между Ираном и такими странами, как Бахрейн, Судан, Джибути. Благодаря этому у Ирана появляется возможность активизировать свои экономические связи с государствами, расположенными в регионах Персидского залива, Красного моря и Аденского залива, имеющих стратегическое значение для морской торговли⁴². В условиях развития экономических отношений между ключевыми арабскими государствами Персидского залива⁴³ и странами Африканского Рога Иран может включиться в эту систему торгово-экономических взаимодействий. Кроме того, нормализация ирано-саудовских отношений может позволить большему количеству ключевых государств Глобального Юга, в особенности расположенных в Южной Евразии, координировать свою политику в сфере безопасности с Ираном, что является условием для выстраивания долгосрочных экономических отношений на этом пространстве. Следует отметить, что повышение уровня стабильности на Ближнем Востоке отвечает интересам не только Китая, но и Индии⁴⁴.

⁴¹ Weihang D. The Practice of the “Three Initiatives”: Saudi-Iranian Reconciliation and Sustainable Development of the SCO // *Pakistan Journal of International Affairs*. – 2023. – Vol. 6, № 2. – P. 13–36. – DOI: 10.52337/pjia.v6i2.757.

⁴² Getahun S. The New Global Superpower Geo-Strategic and Geo-Economics Rivalry in the Red Sea and its Implication on Peace and Security in the Horn of Africa // *Journal of Economics, Technology and Business (JETBIS)*. – 2023. – Vol. 2, № 5. – P. 375–390. – DOI: 10.57185/jetbis.v2i5.47.

⁴³ Кожанов Н.А. Иран и страны ССАГПЗ: между противостоянием и диалогом // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 80–88. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-80-88.

⁴⁴ Krishna G. Bhamidipati India’s Strategic Autonomy Enters the Gulf Waters // *Arab Gulf States Institute in Washington*. – 27.07.2023. – URL: <https://agsiw.org/indias-strategic-autonomy-enters-the-gulf-waters/> (дата обращения: 27.02.2024).

Иранский фактор в международном сотрудничестве государств Глобального Юга в энергетической сфере

Реализация транспортно-логистических проектов влечет за собой развитие сотрудничества между Ираном и приграничными государствами в сфере энергетики. В ноябре 2021 г. в рамках 15-го саммита глав государств – членов ОЭС Азербайджан, Туркменистан и Иран подписали бессрочное трехстороннее соглашение о своповых поставках газа. В мае 2023 г. Иран и Пакистан открыли линию электропередачи Полан (Иран) – Габд (Пакистан). Следует отметить, что по данной линии электропередачи из Ирана в Пакистан будет дополнительно передаваться 100 МВт электроэнергии, предназначенной, в частности, для пакистанского портового города Гвадар, являющегося важным звеном китайского мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века». В мае 2023 г. Иран и Туркменистан договорились об ускорении работ по прокладке трансграничной линии электропередачи Мары (Туркменистан) – Мешхед (Иран). В ноябре 2023 г. Иран и Туркменистан подписали протокол об основных коммерческих условиях соглашения по покупке и последующей продаже туркменского природного газа в Ирак по своповой схеме.

Иран играет определенную роль в обеспечении энергетической безопасности Турции, экспортируя в эту страну около 10 млрд кубометров газа ежегодно, согласно 25-летнему соглашению, подписанному в 2001 г. В 2022 г. Иран и Турция достигли нового соглашения об увеличении экспортных поставок иранского газа в Турецкую Республику⁴⁵. В условиях перестраивания маршрутов поставок энергоресурсов, проявляющегося, в частности, в стремлении Турции стать энергетическим хабом, существуют определенные перспективы формирования энергетического коридора «Китай – Пакистан – Иран – Турция» как проекта инициативы «Один пояс – один путь», обеспечивающего транспортировку нефтяных и газовых ресурсов из региона Ближнего и Среднего

⁴⁵ Saman Z. Iran, Turkey strike new deal to increase gas exports // Rudaw. – 23.10.2022. – URL: <https://www.rudaw.net/english/middleeast/23102022> (дата обращения: 28.02.2024).

Востока в КНР⁴⁶, а также в Европу⁴⁷. Кроме того, Иран играет важную роль в обеспечении энергией Ирака, который сталкивается с проблемой нехватки электроэнергии в условиях роста численности своего населения. Ежегодный импорт иранского газа Ираком составляет 15,3 млрд куб. м.

В перспективе большое значение для государств Глобального Юга может иметь проект Исламской Республики Иран по созданию газового хаба⁴⁸ в промышленном районе провинции Бушер на берегу Персидского залива. Логика реализации данного проекта обусловлена тем, что Иран, занимая второе место в мире по запасам газа⁴⁹, расположен между крупнейшими экспортёрами газа – Россией, Туркменией и Катаром. Кроме того, Иран и Катар осуществляют разработку крупнейшего газового месторождения Северное – Южный Парс⁵⁰. Вместе с тем Иран заявляет о намерении осуществлять совместную эксплуатацию с Саудовской Аравией и Кувейтом газового месторождения Эд-Дурра (иранское название – Араш) в Персидском заливе⁵¹. В случае, если Иран, Кувейт и Саудовская Аравия смогут согласовать свои подходы к разработке месторождения Эд-Дурра (Араш), будет придан им-

⁴⁶ Novikau A., Muhasilović J. Turkey's quest to become a regional energy hub: Challenges and opportunities // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, № 11. – P. 1–11. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e21535.

⁴⁷ Fei-fei Guo, Cheng-feng Huang, Xiao-ling Wu. Strategic analysis on the construction of new energy corridor China–Pakistan–Iran–Turkey // *Energy Reports*. – 2019. – Vol. 5. – P. 828–841. – DOI: 10.1016/j.egyr.2019.06.007.

⁴⁸ Баскаков И.Д., Крылов Д.С. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива // *Геоэкономика энергетики*. – 2023. – № 2 (22). – С. 40–59. – DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40.

⁴⁹ Paraskova T. Iran plans to create a Regional Natural Gas Hub // *Oilprice*. – 07.06.2023. – URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Iran-Plans-To-Create-A-Regional-Natural-Gas-Hub.html> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵⁰ Савенкова Д. Иран заявил о планах создания газового хаба с участием России, Туркмении и Катара // *Ведомости*. – 08.06.2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/06/08/979209-iran-zayavil-o-planah-sozdaniya-gazovogo-haba> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵¹ Иран намерен разрабатывать с Саудовской Аравией и Кувейтом спорное месторождение газа // *ТАСС*. – 30.07.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18407489?ysclid=lt6z2f98fq629611078> (дата обращения: 29.02.2024).

пульс международному взаимодействию на Ближнем Востоке⁵². Следует отметить, что в марте 2023 г. Иран активизировал работы по строительству крупного проекта по сжижению природного газа Iran LNG. Планируется, что Iran LNG будет введен в эксплуатацию к середине 2025 г.⁵³ Таким образом, в перспективе возможно развитие сотрудничества между Ираном и государствами Глобального Юга в сфере СПГ. Реализация данных проектов может позволить обеспечить поставки газа в страны Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Китай.

* * *

Таким образом, геоэкономические процессы, протекающие на Глобальном Юге на современном этапе, способствуют актуализации особого транзитного положения Исламской Республики Иран. Стремясь укрепить свои позиции в системе формирующихся трансрегиональных торгово-экономических взаимодействий на пространстве Евразии, диверсифицировать свои международные экономические связи, а также нарастить экспортные возможности, Иран развивает внешнеэкономическую политику по широкому спектру направлений, в числе которых Центральная Азия, Афганистан, Китай, Южный Кавказ, Турция, Персидский залив, Индия, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка и Карибский бассейн. В рамках этой политики Иран, в частности, заключает с определенными государствами Глобального Юга долгосрочные соглашения о сотрудничестве, принимает участие в формировании зон свободной торговли с интеграционными объединениями и отдельными государствами, развивает межгосударственное сотрудничество в рамках Организации экономического развития, проводит международные многосторонние экономические саммиты.

⁵² Cafiero G. Iran-Arab Reconciliation Challenged by Competing Claims to Natural Gas in the Persian Gulf // Stimson. – 02.08.2023. – URL: <https://www.stimson.org/2023/iran-arab-reconciliation-challenged-by-competing-claims-to-natural-gas-in-the-persian-gulf/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁵³ Kennedy Ch. Iran: Revived LNG Project Is Almost 50% Complete // Oilprice. – 12.09.2023. – URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Iran-Revived-LNG-Project-Is-Almost-50-Complete.html> (дата обращения: 29.02.2024).

Дальнейшее развитие иранской транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры будет способствовать повышению геоэкономической значимости Ирана для государств Центральной Азии, Азербайджана, Афганистана, стран Западной и Южной Азии. Раскрытие иранского экономического потенциала в условиях роста конкурентности международной политики требует развития механизмов сотрудничества в сфере безопасности между ключевыми государствами Глобального Юга. Основой результативности вовлечения Ирана в реализацию международных инфраструктурных проектов, в первую очередь на пространстве Евразии, является нахождение взаимовыгодных решений для развития экономик Ирана, Пакистана и Турции, а также взаимный учет стратегических экономических интересов Китая и Индии в Центральной Евразии, на Ближнем Востоке и в Индоокеанском регионе.

Список источников и литературы

1. Агазаде М.М. Торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Ираном: проблемы и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 102–112. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.06.
2. Баскаков И.Д., Крылов Д.С. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 2 (22). – С. 40–59. – DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40.
3. Гарбузарова Е.Г. Центральная азиатская политика Индии // Россия и АТР. – 2023. – № 3. – С. 37–51. – DOI: 10.24412/1026-8804-2023-3-37-51.
4. Грозин А.В. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом энергетического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 106–130. – DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106.
5. Замараева Н.А. Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021–2022 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – Т. 27, № 27. – С. 193–209. – DOI: 10.48647/IFES.2022.27.82.019.
6. Иванова И.И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. // Восточная аналитика. – 2020. – № 4. – С. 182–206. – DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-182-206.

7. Карамидж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 547–561. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561.
8. Кожанов Н.А. Иран и страны ССАГПЗ: между противостоянием и диалогом // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 7. – С. 80–88. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-80-88.
9. Королев А.С. Проактивная vs реактивная: промежуточные итоги внешнеэкономической политики ЕАЭС: рабочая тетрадь № 83, 2023 / под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, Л.В. Нечаевой, Г.В. Грызлова, С.М. Гавриловой // Российский совет по международным делам. – Москва: НП РСМД, 2023. – 40 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EAEU-WorkingPaper83.pdf> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 616–627. – DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-616-627.
11. Лунёв С.И., Юртаев В.И. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // Международные процессы. – Т. 19, № 2 (65). – С. 121–137. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.3.
12. Медведева М.Б., Стародубцева Е.Б. Республика Иран: встраивание в глобальные тенденции развития мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 1. – С. 62–69. – DOI: 10.24143/2073-5537-2022-1-62-69.
13. Aprillia A., Prasodjo H. Analysis of Iran's Reasons for Normalizing Diplomatic Relations with Saudi Arabia in 2023 // Indonesian Journal of Interdisciplinary Islamic Studies (IJIIS). – 2023. – Vol. 6, № 1. – P. 1–21. – DOI: 10.20885/ijis.vol6.iss1.art3.
14. Azizi H., Isachenko D. Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // SWP Comment. – 2023. – DOI: 10.18449/2023C49.
15. Fawn R., Bruder J. Building the West's On-Ramp to China's Belt and Road: Opportunities in the South Caucasus // Orbis. – 2022. – Vol. 66, № 3. – P. 350–372. – DOI: 10.1016/j.orbis.2022.05.006.
16. Fei-fei Guo, Cheng-feng Huang, Xiao-ling Wu. Strategic analysis on the construction of new energy corridor China–Pakistan–Iran–Turkey // Energy Reports. – 2019. – Vol. 5. – P. 828–841. – DOI: 10.1016/j.egyr.2019.06.007.
17. Felix K. Chang Central Asia's Middle Corridor Expansion: Opportunity for China and Iran // Foreign Policy Research Institute. – 16.01.2024. – URL: <https://>

- www.fpri.org/article/2024/01/central-asias-middle-corridor-expansion-opportunity-for-china-and-iran/ (дата обращения: 17.02.2024).
18. Getahun S. The New Global Superpower Geo-Strategic and Geo-Economics Rivalry in the Red Sea and its Implication on Peace and Security in the Horn of Africa // *Journal of Economics, Technology and Business (JETBIS)*. – 2023. – Vol. 2, № 5. – P. 375–390. – DOI: 10.57185/jetbis.v2i5.47.
 19. Hussain H., Bogheiry A., Alam T. China Pakistan Economic Corridor (CPEC): Opportunities and Challenges for Implementation // *Pakistan Journal of International Affairs*. – 2023. – Vol. 6, № 4. – P. 37–52. – DOI: 10.52337/pjia.v6i4.927.
 20. Iran proposes creation of joint bank with African states // *The Cradle*. – 07.03.2023. – URL: <https://thecradle.co/articles-id/1094> (дата обращения: 28.02.2024).
 21. Janparvour M., Barani K.Z., Jaf S.B., Roosta M.T. Future Research on Geo-Economic Relations between Iran and Africa // *Geopolitics Quarterly*. – 2023. – Vol. 19, № 2. – P. 108–132. – URL: https://journal.iag.ir/article_157997_1cdf089c470690ffd836d60402bc0063.pdf (дата обращения: 26.02.2024).
 22. Karim U. The Pakistan – Iran relationship and the changing nature of regional and domestic security and strategic interests // *Global Discourse*. – 2023. – Vol. 13, № 1. – P. 20–38. – DOI: 10.1332/204378921X16585144068826.
 23. Keynoush B. Revolutionary Iran's Africa Policy // *King Faisal Center for Research and Islamic Studies*. – 2021. – 152 p. – URL: <https://kfcris.com/pdf/dd448fcd67b35ab48903bd18c6fcffd160d99d2290923.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).
 24. Kibtiah T.M., Rahmasari A., Novikrisna D., Debora S.C., Raifanda C. Analysis of the Iran-SEA cooperation (Indonesia-Malaysia-Thailand) in facing US economic sanctions // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. – 2021. – № 729. – 7 p. – DOI: 10.1088/1755-1315/729/1/012123.
 25. Madani S. Beyond Geopolitics: A Geoeconomic Perspective of China-Iran Belt and Road Initiative Relations // *Uluslararası İlişkiler / International Relations*. – 2022. – Vol. 19, № 74. – P. 53–72. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27130876> (дата обращения: 29.02.2024).
 26. Mahmood S., Sun H., Abdein M.A., Qadri S.U., Iqbal A., Abdelkader M.F.M., Mahmoud M.H., Hewedy O. Exploring the China-Pakistan economic corridor project performance during Covid-19 pandemic // *Heliyon*. – 2023. – Vol. 9, № 12. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e22835.
 27. Marsai V., Rózsa E.N. The Late-comer Friend: Iranian Interests on the Horn of Africa // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. – 2023. – Vol. 17, № 4. – P. 356–370. – DOI: 10.1080/25765949.2023.2300582.

28. Mohammad Hassan Hossein bor. India – Iran Chabahar Agreement. The Geopolitics of Baluchistan Reginal and International Implications // Arabian Gulf Centre for Iranian Studies. – 2016. – P. 2–16. – URL: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2016/08/India-Iran-Chabahar-Agreement-.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).
29. News Analysis: External pressure remains major hurdle for Egypt to restore ties with Iran // Xinhua. – 02.01.2024. – URL: <https://english.news.cn/20240102/ed176f942e9f4b3399129f795cdd1d90/c.html> (дата обращения: 26.02.2024).
30. Novikau A., Muhasilović J. Turkey’s quest to become a regional energy hub: Challenges and opportunities // Heliyon. – 2023. – Vol. 9, № 11. – P. 1–11. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e21535.
31. Weihang D. The Practice of the “Three Initiatives”: Saudi-Iranian Reconciliation and Sustainable Development of the SCO // Pakistan Journal of International Affairs. – 2023. – Vol. 6, № 2. – P. 13–36. – DOI: 10.52337/pjia.v6i2.757.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.05

УДК 327+94+339

РОССИЯ И ИРАН В XXI в.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ЧАБИЕВА Танзила Саварбековна

кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент,
Отдел Кавказа, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

E-mail: chabieva06@mail.ru

SPIN-код: 9327-1537

ORCID: 0000-0001-6329-4024

Для цитирования: *Чабиева Т.С.* Россия и Иран в XXI в.: основные итоги взаимодействия и международного сотрудничества // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 88–102. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.05.

Аннотация. В статье рассматриваются основные итоги взаимодействия России и Ирана в XXI в. Проанализированы, как экономические основы сотрудничества, так и политические, с учетом санкционной политики стран Запада в отношении двух государств. Отмечено, что с начала 2022 г. отношения между Российским государством и Исламской республикой Иран претерпевают новую волну интенсивного взаимодействия. Резюмируется, что Российское государство и Иран выступают союзниками на протяжении длительного периода, и связано это со схожими историческими событиями. Именно этот фактор способствует сохранению актуальности партнерских отношений и выбору нового пути развития в условиях современной мировой политики.

Ключевые слова: Россия, Иран, партнерство, сотрудничество, экономика, мировая политика, санкции.

Russia and Iran in 21st Century: Key Outcomes of Cooperation and International Cooperation

Tanzila S. CHABIEVA

PhD in History, Researcher, Associate Professor,

Department of the Caucasus, Institute of Ethnology and Anthropology
named after N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: chabieva06@mail.ru

SPIN-code: 9327-1537

ORCID: 0000-0001-6329-4024

For citation: Chabieva T.S. (2024). Russia and Iran in 21st Century: Key Outcomes of Cooperation and International Cooperation. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 88–102. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.05.

Abstract. The article considers the main results of the interaction between Russia and Iran in the 21st century. They analyzed both the economic foundations of cooperation and political ones, taking into account the sanctions policy of Western countries in relation to the two states. It was noted that since the beginning of 2022, relations between the Russian state and the Islamic Republic of Iran have undergone a new wave of intensive interaction. It is summarized that the Russian state and Iran have been allies for a long period, and this is due to similar historical events. It is this factor that contributes to the preservation of the relevance of partnerships and the choice of a new path of development in the conditions of modern world politics.

Keywords: Russia, Iran, partnership, cooperation, economy, world policy, sanctions.

«Укрепление взаимного доверия и углубление практического взаимодействия» – под таким лозунгом развиваются взаимоотношения между Российской Федерацией и Исламской республикой Иран в условиях современности. Однако путь к такому взаимодействию был весьма тернистым. Самым начальным периодом его можно обозначить эпоху Петра I, который после значительных успехов во внутренней политике, обратил свое внимание на Восток, где расположилась Персия.

В современной исторической науке уже нет сомнений в том, что стремление распространить влияние России на Персию было вызвано удобным «южным» путем в Индию, торговля с которой

могла приумножить российское богатство¹. Тем не менее история дипломатических контактов двух стран имеет более глубокие корни и берет свое начало еще в XVI в.

Иран на политической карте мира появился относительно недавно. До 1935 г. Иран во всем мире называли Персией, и лишь в самой стране – Ираном.

В начале XX в. между двумя государствами – РСФСР и Персией, реализуется курс на взаимное признание. К концу 1991 г. Иран продолжает сотрудничество в деле укрепления отношений с Россией как государством – преемником Советского Союза. Однако, по мнению ливанского журналиста Мирвана Искандара, «российско-иранские отношения в XX в. всегда были противоречивыми и неоднозначными. После окончания Второй мировой войны, когда советские войска были дислоцированы в Северном Иране, коммунистическая партия Ирана была настолько сильной, что ей чуть было не удалось основать независимое государство на севере страны в начале 1950-х гг.»².

Основным документом взаимоотношений России и Ирана послужил Договор об основах взаимоотношений и принципов сотрудничества, подписанный в марте 2001 г. и вступивший в силу 5 апреля 2002 г. Однако, отношения двух стран развивались нестабильно, наблюдались как позитивные тенденции, так и явно негативные, к числу которых следует отнести период 2010–2011 гг., когда Россия поддержала санкционную резолюцию Совета Безопасности ООН № 1929 и отказалась поставлять Ирану зенитно-ракетные комплексы С-300.

В 2008 г. российско-иранские взаимоотношения стали развиваться в новом ключе, чему свидетельствовал визит Президента России Владимира Путина в Иран, а позднее и прибытие в Москву Президента Ирана Махмуда Ахмадинежада. Обоюдные интересы способствовали подписанию ряда договоров относительно бассейна Каспийского моря, участия России в освоении морских месторож-

¹ Гайказов М. Россия и Иран: из истории взаимоотношений // Россия и мусульманский мир. – 2004. – № 5. – С. 118–122.

² Мирван И. Иран и Россия // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 6. – С. 104–109.

дений газа в Иране и строительства газопровода для транспортировки иранского газа в Китай, Пакистан и Индию.

Помимо общего позитивного тренда, берущего свое начало с 2012 г., главным катализатором развития взаимоотношений между Россией и Ираном стали – украинский кризис и последовавшие за ним санкции, введенные в отношении России со стороны стран Евросоюза и Соединенных Штатов Америки, существенно ограничившие политический круг взаимодействия Российского государства.

Россия и Иран в геополитике имеют несколько фундаментально важных для обоих государств стратегий. Во-первых, это совпадающие в интересах российско-иранских отношений позиции построения многополярного мира, во-вторых, защита национальных интересов, в том числе когда речь идет об укреплении стабильности и безопасности в Закавказье и Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке.

О выстраивании долгосрочных отношений свидетельствует количество официальных встреч и визитов с обеих сторон. Президент России Владимир Путин неоднократно посещал с официальным визитом Иран: в 2007, 2015, 2017, 2018, 2022 гг. Президент Ирана Хасан Рухани также посещал Россию в 2014, 2015 и 2017 гг.

Иран в качестве геополитического союзника обладает целым рядом факторов, которые делают эту страну еще более привлекательной в качестве партнера. Так, Исламская Республика Иран – одно из крупнейших государств Ближнего Востока, с несколькими выходами к морю, значительно облегчающими экономические контакты. Страна обладает значительными природными ресурсами, к числу которых относится нефть, медные руды, хром, никель, кобальт и природный газ, по добыче которого Иран занимает второе место в мире.

Наиболее позитивным периодом сотрудничества России и Ирана является период современности. Как дипломатические контакты на министерском уровне и на уровне международных организаций, так и экономическое взаимодействие в сфере товарооборота, характеризуются системностью и стабильностью. На фоне экономического взаимодействия создана постоянная российско-иранская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству.

В военной сфере с 2015 г. сотрудничество развивается в контексте противодействия террористическим организациям, которые на Ближнем Востоке активизировались в последнее десятилетие.

Определенные тенденции наблюдаются и в области гуманитарного сотрудничества, которые берут начало с 2015 г. Как отмечено в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом 2022 г.: «Гуманитарная политика Российской Федерации за рубежом является неотъемлемой частью внешней политики Российской Федерации. Особую роль в гуманитарной сфере играет культура как эффективный инструмент сглаживания противоречий между государствами и формирования объединительной международной повестки дня»³.

Об эффективности взаимодействия двух стран свидетельствует также сфера образования, в которой Россия и Иран с 2015 г. запланировали ряд проектов. 28 октября 2015 г. в Интеллектуальном центре – Фундаментальной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся Форум ректоров вузов России и Ирана. В рамках Форума был подписан Меморандум о создании Ассоциации высших учебных заведений Российской Федерации и Исламской Республики Иран. Со стороны России документ подписал президент Российского Союза ректоров, ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий, а со стороны Ирана – президент Саммита ректоров ведущих университетов Ирана, ректор Тегеранского университета Махмуд Нили Ахмадабади⁴. Также было подписано соглашение о создании научно-образовательного центра «Ломоносов» в Тегеране и центра «Рази» в Москве, что способствует развитию и реализации научных исследований, проведению совместных научных конференций и общих образовательных программ.

³ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // МИД России. – 05.09.2022. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/a30/указ.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

⁴ Создание Ассоциации высших учебных заведений Российской Федерации и Исламской Республики Иран // МГУ им. М.В. Ломоносова. – 31.10.2015. – URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/sozдание-assotsiatsii-vysshihkh-uchebnykh-zavedeniy-rossiyskoy-federatsii-i-islamskoy-respubliki-iran.html?sphrase_id=3972882/ (дата обращения: 29.02.2024).

За последние тридцать лет особой сферой взаимодействия России и Ирана явилось развитие культурных связей, которые, по мнению экспертов, «существенно активизировались преимущественно в результате целенаправленной и финансируемой государством политики руководства Исламской Республики Иран, которая обеспечивает распространение ирано-исламской культуры и персидского языка в мире, в том числе и в России»⁵.

Иран и Россия сталкиваются и с такими общими вызовами и угрозами, как рост радикализма и обострение межрелигиозных столкновений⁶. В период обострения ситуации на Ближнем Востоке⁷ и сирийского конфликта, выступив дружественными Сирии государствами в борьбе с террористической организацией ИГИЛ (деятельность организации запрещена на территории РФ), Россия и Иран определили новый курс своего взаимодействия. Как отмечает С. Клепиков, «с учетом того, что позиции президента Асада на мировой арене недостаточно прочны, Россия и Иран, как основные партнеры Сирийской Республики, стараются оказать достаточное содействие политике, которую проводит президент Асад, считая, что легитимно выбранный президент имеет законное право на обеспечение безопасности граждан в своей стране, включая ведение боевых действий на территории самого государства»⁸.

Россия и Иран выстраивают отношения с Сирией уже более тридцати лет, в том числе до обострения Сирийского конфликта.

19 июня 2021 г. Владимир Путин направил поздравительную телеграмму Эбрахиму Раиси по случаю победы на выборах президента Ирана, тем самым подчеркнув свою поддержку новому главе

⁵ Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Р.Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 368. – DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386.

⁶ Вябцева Е.Е. Межгосударственные отношения России и Ирана: гуманитарная составляющая // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – № 2 (14). – С. 38–43.

⁷ Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.

⁸ Клепиков С.С. Гражданская война в Сирии (2011–2015 гг.) и позиции России и Ирана // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3/1. – С. 45–48.

государства. А в следующем году после выборов Эбрахим Раиси впервые посетил Москву, где провел переговоры с Президентом России. Новое руководство Ирана продолжило курс на двустороннее сотрудничество, и в частности, актуализировало дискурс проблемы выполнения совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе.

В указанный период состоялся в Ашхабаде шестой по счету Каспийский саммит (общее название встреч глав пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана – так называемой «каспийской пятерки»), по результатам которого все государства-участники подтвердили сотрудничество на Каспии в различных сферах⁹, а также приняли решение о совместном коммюнике, подтверждающем принципы деятельности прибрежных государств региона, среди которых: «обеспечение безопасности и стабильности в регионе; обеспечение стабильного баланса вооружений прибрежных стран, военное строительство в пределах разумной достаточности с учетом интересов всех прибрежных стран, ненанесение ущерба безопасности друг друга; соблюдение согласованных мер доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности; запрет на присутствие на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих пяти прибрежным странам; непредоставление прибрежным государствам своей территории третьим странам для военных действий против другого прибрежного государства»¹⁰.

Однако каспийский вопрос, т.е. вопрос права на бассейн Каспийского моря, по мнению экспертов, ранее вызывал у Ирана и России политическое «раздражение». Причинами такого раздражения являлся тот факт, что «до распада Советского Союза в 1991 г. советские лидеры представляли все будущие независимые государства, имеющие выход к Каспийскому морю, за исключением Ирана. Каспий обладает богатыми нефтяными и газовыми

⁹ В советский период Каспийское море было практически внутренним водным бассейном в пределах границ СССР и омывало берега Ирана на юге. До 1992 г. статус Каспия регулировался советско-иранскими договорами. После распада Советского Союза появление новых независимых государств – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – подняло вопрос о разделе Каспийского моря.

¹⁰ Шестой Каспийский саммит // Президент России. – 29.06.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 29.02.2024).

залежами, а также Каспийское море имеет естественную популяцию осетровых рыб, которые славятся своей икрой»¹¹.

На протяжении всего исследуемого периода, на постоянной основе проводятся российско-иранские межмидовские консультации на уровне заместителей министров по вопросам двусторонних отношений, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), проблемам Ближнего Востока и Северной Африки, урегулирования ситуации в Сирии, Афганистане. Сотрудничество на уровне министерств и ведомств двух стран, а также поддержание межпарламентских связей являются ключевой практикой взаимодействия России и Ирана.

Одним из стратегически важных направлений во взаимодействии России и Ирана является ядерная программа. С 2015 г. Россия активно участвовала в разрешении ситуации вокруг иранской ядерной программы. Великобритания, Германия, Китай, Россия, США, Франция и Иран в 2015 г. заключили ядерную сделку – СВПД, предполагавшую снятие санкций в обмен на ограничение ядерной программы Ирана. Однако в мае 2018 г. президентом США Д. Трампом было принято решение о выходе Соединенных Штатов из ядерной сделки и восстановлении санкций против Тегерана. Иранская реакция последовала незамедлительно: Тегеран отказался от ограничений в ядерных исследованиях, центрифугах и уровне обогащения урана.

Попытка переговоров в Вене в 2021 г. привела к договоренности по двум проектам соглашения, в которые европейская сторона включила и позиции Ирана. Однако в настоящее время переговоры заморожены в условиях нового мирового кризиса.

Важнейшим аспектом сотрудничества является также атомная отрасль. В 2017 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Государственной корпорацией «Росатом» и Организацией по атомной энергии Ирана в области транспортировки ядерных материалов.

Крупнейшим проектом России и Ирана является сооружение АЭС «Бушер» на территории Ирана. Первый блок атомной станции подключили к национальной энергосистеме Ирана уже в

¹¹ Мирван И. Иран и Россия // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 6. – С. 104–109.

сентябре 2011 г. Позднее, в 2019 г. было начато строительство второго энергоблока АЭС «Бушер». Россия является основным поставщиком ядерного топлива, которое необходимо для работы реактора первого блока.

В 2022 г. «Газпром» и Тегеран заключили Меморандум о взаимопонимании в отношении стратегического сотрудничества между Национальной иранской нефтяной компанией (НИОС) и ПАО «Газпром».

В исследуемый период осуществляется стабильное торгово-экономическое сотрудничество России и Ирана. Итоги 2022 г. свидетельствуют, что двусторонний товарооборот составил более 350 млрд рублей, что практически на 20% выше показателя 2021 г., а в течение следующего года товарооборот вырос на 30%.

Данная тенденция неслучайна, поскольку, несмотря на активное санкционное давление на Иран, благосостояние местного населения растет, в связи с чем формируются его новые предпочтения и возрастают потребности. Само государство также заинтересовано в появлении на внутреннем рынке новой продукции и современных технологий, в том числе создание совместных русско-иранских предприятий.

В качестве территории сбыта своей продукции Иран рассматривают такие страны, как Китай, Япония и страны исламского мира, именно поэтому конкуренция в этой сфере постоянно растет и Россия старательно занимает лидирующее положение в экономическом партнерстве.

Основной российской продукцией, поставляемой в Иран, являются зерновые и масличные культуры, пиломатериалы, неорганическая химия, машиностроительное оборудование, бумага и картон, измерительные приборы. В свою очередь, из Ирана импортируются овощи и фрукты, орехи, молочная продукция¹², пластмассы, изделия из черных металлов, строительные материалы и камень, сантехнические изделия. В конце 2023 г. между партнерами обсуждались договоренности обнуления таможенных пошлин на импорт товаров из двух стран к марту 2024 г.

¹² Иран является третьей страной в мире по разнообразию продуктов питания: население страны активно следит за своим здоровьем и отдает предпочтение товарам с меньшим содержанием жира, сахара и соли.

Экономическое взаимодействие активно обсуждалось в рамках российско-иранского бизнес-форума, который проходил в Тегеране в 2022 г. Список участников оказался внушительным: в мероприятии приняли участие свыше 400 иранских компаний и 100 российских компаний, представляющих 20 регионов страны.

В 2023 г. сотрудничество двух стран выстраивалось и в контексте поддержки Россией включения Ирана в ШОС, а уже в июле 2023 г. Иран стал полноправным ее членом.

Российско-иранское сотрудничество в культурной и научно-образовательной сферах следует выделить в качестве одного из наиболее успешных. В 2017 г. в Иране на факультете иностранных языков и литературы Тегеранского университета открылся первый в стране Русский центр. Иранская молодежь также проходит обучение в российских вузах, и «к 2022 г. по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры получали высшее образование 4,7 тыс. граждан Ирана. Число иранских студентов в России за последние три года выросло в 1,8 раза: в 2019 г. их обучалось 2,6 тыс., в 2020 г. – 3,7 тыс. человек»¹³.

В условиях пандемии коронавируса между Москвой и Тегераном было налажено эффективное практическое сотрудничество в области противодействия распространению COVID-19. Были реализованы поставки и совместное производство российской вакцины «Спутник V» на территории Ирана. Позднее власти Тегерана одобрили применение в стране вакцины «Спутник Лайт».

В 2023 г. наметились новые направления взаимодействия двух стран, в числе которых возможность отмены виз Ираном, тем самым реализация доступности страны для российских туристов и путешественников. Также актуализирован вопрос по использованию карт платежной системы «Мир».

Подобные инициативы отмечены были и ранее: 2 марта 2017 г. между правительствами двух стран было подписано соглашение о безвизовых групповых туристических поездках граждан двух стран. 1 июля 2021 г. Россия и Иран подписали соглашение о безвизовых групповых поездках, в рамках которых предполага-

¹³ Число студентов из Ирана в российских вузах за последние три года выросло в 1,8 раза // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 10.06.2022. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/52533/> (дата обращения: 01.03.2024).

лось, что граждане обеих стран могут посещать другое государство в составе групп до 50 человек на срок не более 15 дней.

Эксперты отмечают, что, несмотря на некоторый скептицизм, Иран является привлекательным направлением для российских туристов, особенно в период осени и весны, когда температура комфортна для туристического времяпрепровождения. Однако иранский туризм имеет ряд местных ограничений, носящих традиционный и в некоторых случаях этноконфессиональный характер. Так, Иран не является пляжной страной, поскольку в исламской республике мужчинам и женщинам запрещено находиться вместе на пляже, им нельзя оголять тело и находиться в купальниках, запрещено потребление алкоголя и тем более его ввоз, что нередко в Иране наказуемо, в том числе в виде штрафов.

Согласно данным Российского союза туриндустрии, в 2022 г. Иран посетили более 22 тыс. россиян, общий турпоток России и Ирана составил 42,4 тыс. человек, что более чем в два раза превышает цифры 2021 г. Статистика свидетельствует о том, что туристический поток в исламскую республику оказался в три раза выше, чем в допандемийный период¹⁴.

В 2000-х годах роль геоэкономических факторов в международной политике стала ярко выраженной. В этом отношении Российская Федерация и Иран, обладая огромными нефтяными и газовыми ресурсами, заняли заметное место. Наличие геоэкономических ресурсов делает Россию и Иран, с одной стороны, естественными конкурентами на мировом энергетическом рынке, с другой, при возникновении общих интересов, конкуренция уходит на второй план. Примечательно, что последствия падения мировых цен на нефть в 2014 г. стали отправной точкой осознания двумя странами необходимости единства в вопросах геоэкономической политики: кризис продемонстрировал уязвимость экономики России и Ирана.

В связи с развитием индустрии сжиженного природного газа и политики США на мировом энергетическом рынке, вопрос сотрудничества и координации совместных действий Ирана и России в энергетической области стал более актуальным.

¹⁴ Расулов В. Иран отзывает визы // Коммерсантъ. – 19.05.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5998269/> (дата обращения: 01.03.2024).

По мнению экспертов, «кроме взаимодействия Ирана и России в рамках Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ) и Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) такие вопросы, как участие России в проекте газопровода Иран – Пакистан – Индия (IPI), энергетическая безопасность Каспийского моря, обмен электроэнергией через Кавказ, т.е. создание линий электропередачи между Россией – Азербайджаном – Ираном или между Россией – Грузией – Арменией – Ираном, и развитие сотрудничества Ирана с Евразийским экономическим союзом в энергетической сфере могут способствовать расширению сфер ирано-российского партнерства в области энергетики»¹⁵.

Также, помимо российско-турецко-иранских взаимодействий, интерес вызывают взаимоотношения России, Саудовской Аравии и Ирана, которые в 2011 г. вместе контролировали «порядка 52% мировых ресурсов природного газа и не менее 50% ресурсов нефти. Запасы Саудовской Аравии еще далеко не исчерпаны, тогда как иранский газ пока совершенно не используется, а запасы нефти всего лишь частично освоены. Залежи нефти, которые позволяют увеличить ее добычу в будущем, сокрыты в недрах Саудовской Аравии, Ирана, Ирака и России, на территории которой 100 млрд баррелей все еще ждут своей очереди быть освоенными и разработанными. Совокупные запасы нефти в Иране оцениваются, по меньшей мере, в 400 млрд баррелей. Нефтедобыча в Саудовской Аравии, России и Иране составляет 25,5 млн баррелей в день. Добыча нефти в странах – членах ОПЕК, включая Саудовскую Аравию и Иран, исчисляется примерно 28–29 млн баррелей в день»¹⁶.

Современная новостная лента все чаще «пестрит» заголовками о том, что страны G7 намерены ввести новые антииранские санкции в случае, если Тегеран начнет поставлять России баллистические ракеты или связанные с ними технологии. Европейские чиновники неоднократно высказывались о том, что «это станет

¹⁵ Барари Рейкаде Х., Зеленева И.В. Возможности российско-иранского сотрудничества в энергетической сфере // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – С. 29–30. – DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-28-35.

¹⁶ Мирван И. Иран и Россия // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 6. – С. 104–109.

для них красной линией при введении более широких санкций против Ирана»¹⁷.

Санкции против Ирана, введенные из-за ядерной программы, приводят к ограничению экспорта нефти и оказывают серьезное влияние на экономику страны, с другой стороны, это способствует пересмотру Ираном своих потенциальных союзников и поиску новых подходов развития внутригосударственной политики.

Подобно своему партнеру, после событий, начавшихся 24 февраля 2022 г., Россия столкнулась также с рекордным количеством санкций, значительно превышающим санкции против Ирана. Здесь примечателен тот факт, что с 7 марта 2022 г. Россия занимает первое место по количеству введенных против нее санкционных мер, в то время как Исламская Республика Иран на данный момент находится на втором месте¹⁸.

Эксперты выделяют наиболее значительные из числа санкций в отношении России: ограничения на финансовые операции, запрет на поставки товаров, ограничения для отдельных лиц и предприятий¹⁹.

Несмотря на попытки со стороны ряда государств создать условия для ограничения взаимодействия между Россией и Ираном, а также усложняющуюся геополитическую обстановку в мире, два государства продолжают наращивать потенциал сотрудничества и укреплять позиции в мировой политике.

В анализе периода XXI в. в межгосударственных отношениях России и Ирана, приходим к выводу, что периодом наиболее масштабного взаимодействия выступает 2022 г. Основной причиной нового витка обоюдных политических интересов явилась внешнеполитическая изоляция России в связи со Специальной военной операцией на территории Украины, многочисленные санкции и сложные отношения со странами Запада.

¹⁷ G7 пригрозила Ирану «значительными» мерами в случае поставок России баллистических ракет // Интерфакс. – 15.03.2024. – URL: <https://www.interfax.ru/world/950668> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁸ Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций // Forbes. – 08.03.2022. – URL: www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij/ (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁹ Файзулина А.А., Разумовский А.И. Санкции как инструмент политического давления // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 204–205.

С одной стороны, улучшение отношений с Ираном в относительной степени нивелирует последствия санкционных мер, с другой, так или иначе, лишает Россию дипломатической «маневренности», которая может крайне негативно сказаться как на отношениях с потенциальными союзниками на Ближнем Востоке, так и во всем остальном мире.

Тем не менее Россия и Иран рассматривают текущее положение как взаимовыгодное и стабильное сотрудничество, имеющее значительный потенциал развития в долгосрочной перспективе. Основная стратегия двух стран в настоящее время определяется дальнейшим укреплением стратегического партнерства в оборонной сфере и военного сотрудничества, а также в борьбе с международным терроризмом.

В качестве общего вывода можно отметить следующее: о современных международных отношениях, развивающихся весьма динамично, свидетельствуют многочисленные источники, в том числе медийное пространство. И быть уверенным в том, что те отношения, которые на данный момент характеризуются устойчивыми показателями между странами, сохранят подобную тенденцию в перспективе, практически невозможно. Национальные, региональные, этнические, конфессиональные и международные акторы могут способствовать резкому изменению курса. В этом отношении Российскому государству нужно рассчитывать не только на партнеров, но и на внутренние ресурсы страны, во избежание внутривнутриполитического кризиса.

Список источников и литературы

1. Барари Рейкаде Х., Зеленева И.В. Возможности российско-иранского сотрудничества в энергетической сфере // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – С. 29–30. – DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-28-35.
2. Вяцева Е.Е. Межгосударственные отношения России и Ирана: гуманитарная составляющая // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – № 2 (14). – С. 38–43. – DOI: 10.24923/2305-8757.2023-14.7.
3. Гайказов М. Россия и Иран: из истории взаимоотношений // Россия и мусульманский мир. – 2004. – № 5. – С. 118–122.

4. Клепиков С.С. Гражданская война в Сирии (2011–2015 гг.) и позиции России и Ирана // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3/1. – С. 45–48.
5. Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.
6. Мирван И. Иран и Россия // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 6. – С. 104–109.
7. Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Р.Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 368–386. – DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386.
8. Расулов В. Иран отзывает визы // Коммерсантъ. – 19.05.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5998269/> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций // Forbes – 08.03.2022. – URL: www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij/ (дата обращения: 10.03.2024).
10. Создание Ассоциации высших учебных заведений Российской Федерации и Исламской Республики Иран // МГУ им. М.В. Ломоносова. – 31.10.2015. – URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/sozдание-assotsiatsii-vysshihkh-uchebnykh-zavedeniy-rossiyskoy-federatsii-i-islamской-respubliki-iran.html?sphrase_id=3972882/ (дата обращения: 29.02.2024).
11. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // МИД России. – 05.09.2022. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/a30/указ.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
12. Файзулина А.А., Разумовский А.И. Санкции как инструмент политического давления // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 204–206.
13. Число студентов из Ирана в российских вузах за последние три года выросло в 1,8 раза // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации – 10.06.2022. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdu-narodnoe-sotrudnichestvo/52533/> (дата обращения: 01.03.2024).
14. Шестой Каспийский саммит // Президент России. – 29.06.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 29.02.2024).
15. G7 пригрозила Ирану «значительными» мерами в случае поставок России баллистических ракет // Интерфакс. – 15.03.2024. – URL: <https://www.interfax.ru/world/950668> (дата обращения: 01.02.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.06

УДК 339+327

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРИДОРОВ

ОБУХОВА Анастасия Николаевна

младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего
и Среднего Востока, Институт Востоковедения РАН.

E-mail: anastasia.n.obukhova@yandex.ru

SPIN-код: 2846-0853

Для цитирования: *Обухова А.Н.* Роль и значение российско-иранского сотрудничества в формировании новых экономических коридоров // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 103–120. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.06.

Аннотация. В статье сделан анализ потенциала международного энергетического сотрудничества, в том числе роли Исламской Республики Иран (ИРИ) как энергодержавы на фоне перемещения центра мирового экономического роста в АТР. Автором проведен обзор состояния энергетической безопасности Ирана, дана оценка энергетического профиля страны, исследованы вызовы и угрозы национальной безопасности в сфере энергетики, рассмотрены способы снижения рисков энергобезопасности. Особое внимание уделяется раскрытию потенциала газовой отрасли ИРИ, возможностям двустороннего российско-иранского технологического сотрудничества в сфере энергетики, благодаря которым Иран может стать значимым логистическим и энергетическим хабом мирового масштаба. В статье подчеркивается, что МТК «Север – Юг», в формировании которого ИРИ и РФ принимают активное участие, становится значимой транспортной артерией Восточного полушария, способной решить фундаментальную проблему конкурентоспособности российского и иранского экспорта на растущих рынках Азии.

Ключевые слова: российско-иранское технологическое сотрудничество, энергобезопасность, МТК «Север – Юг», потенциал нефтегазовой отрасли, конкурентоспособность экспорта.

Importance of Russian-Iranian Cooperation for New Economic Corridors Development

Anastasia N. OBUKHOVA

Junior Researcher, Center for Middle East Studies,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: anastasia.n.obukhova@yandex.ru

SPIN-code: 2846-0853

For citation: Obukhova A.N. (2024). Importance of Russian-Iranian Cooperation for New Economic Corridors Development. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 103–120. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.06.

Abstract. In the research article, the author provides an analysis of the challenges and threats to Iranian national security in the energy sector, and suggests ways to reduce energy security risks. The research article surveys the state of Iran's energy security, provides an assessment of the country's energy profile. In addition, the author highlights the importance of international energy cooperation, and underlines the strengthening Iran's role as an energy power amid world economic growth shift to the Asia-Pacific region. The author assesses the Iranian gas industry unlocking the potential, the possibilities of bilateral technological cooperation in the energy sector, which may trigger Iran to become a powerful global energy and logistics hub. The author further points out to ITC 'North-South' (that is being formed with an active involvement of Russia and Iran) turning into a viable fully-fledged transport artery of the Eastern Hemisphere, capable to capture the Russian and Iranian export competitiveness in the growing Asian markets.

Keywords: Russian-Iranian technological cooperation, energy security, ITC 'North-South', oil and gas industry upside, export competitiveness.

Иран является важным игроком на мировом энергетическом рынке как благодаря большим доказанным запасам нефти и природного газа, так и значительному потреблению энергии. С точки зрения энергетического профиля Иран: 1) обладает третьими по величине запасами сырой нефти в мире: доказанные запасы нефти на территории Ирана составляют 19 млрд тонн (или 140 млрд барр.)¹; 2) на Иран приходится 24% всех запасов нефти на Ближнем Вос-

¹ International Energy Agency (Международное энергетическое агентство) // IEA. – URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.02.2024).

токе, 12% – мировых²; 3) Иран занимает пятое место по объемам нефтедобычи среди стран ОПЕК³; 4) занимает второе место по запасам природного газа (после РФ)⁴; 5) занимает третье место по объемам добычи природного газа (116,5–133 трлн куб. м), из которых 33% добывается с месторождений попутного газа, 67% – месторождения природного газа; 6) добывает 1,1 млн т угля в год (при доказанных запасах 1,15 млрд т).

Иран – одна из крупнейших стран – потребителей нефти на Ближнем Востоке, уступающая только Саудовской Аравии^{5,6}. По данным ИННК, Иран добывает 2,5 млн барр. нефти в день в 2022 г., что на 200 тыс. барр. в день меньше, чем в 2021 г. (в случае снятия санкций, добыча могла бы увеличиться в 1,5 раза – до 3,7 млн барр./день)⁷. Список крупнейших открытых разрабатываемых нефтяных месторождений в Иране включает: Ахваз (крупнейшее в Иране, 23% национальных запасов), Гачсаран (старейшее в Иране), Азадеган на юго-западе страны. В 2022 г. экспорт иранской сырой нефти составлял 1,3 млн барр./день, что в силу ёмкого внутреннего рынка составило чуть более 50% объемов добычи.

Являясь одним из крупнейших потребителей природного газа в мире, Иран обладает крупными месторождениями газа:

1. 70% потребляемого газа в Иране добывается из месторождений Южного Парса, на который приходится около половины запасов природного газа страны. Расположенное в иранских водах Персидского залива (Иран делит его с Катаром) месторождение

² U.S. Energy Information Administration (EIA) // EIA. – URL: <https://www.eia.gov> (дата обращения: 21.02.2024).

³ Organisation of the Petroleum Exporting Countries // OPEC. – URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴ Statistical Review of World Energy, 70th edition, 2021 // BP. – URL: [bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf](https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf) (дата обращения: 22.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Сурков А.Н. Изменение модальности ирано-саудовских отношений как фактор мирового рынка нефти // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 138–148. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.08.

⁷ Organisation of the Petroleum Exporting Countries // OPEC. – URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.2024).

разделено на 24 стадии развития; практически все из которых находятся на первом этапе разработки.

2. Киш – месторождение газа рядом с о. Киш, на котором ведутся геологоразведочные работы; начало разработки запланировано на 2023 г.

3. Фарзад – морское месторождение газа в провинции Фарс, которое Иран делит с Саудовской Аравией. Индийский консорциум, обнаруживший запасы газа в 2008 г., когда проводил геологоразведочные работы по контракту ESC (Exploration service contract), планировал далее начать разработку, однако контракт DSC (Development Service contract) не удалось подписать из-за санкций, введенных против Ирана. В 2021 г. Иран принял решение привлечь иранскую компанию для разработки месторождения.

4. Месторождение Балал (Белал) расположено в водах Персидского залива на глубине 70 метров вблизи морской границы с Катаром. Дочерняя компания ИННК Petropars разрабатывает месторождение с 2019 г.

5. С 2010 г. ведется добыча газа и разработка месторождения газа Форуз Б (Forouz B) между островами Киш, Сири, Фарур.

В Иране государство владеет всеми природными ресурсами, правительственные органы отвечают за регулирование нефтегазовой отрасли, формулируют единую энергетическую стратегию страны на базе законодательных актов, обеспечивающих национальную энергетическую безопасность⁸: 1) общие положения; 2) вызовы, угрозы и риски в области энергетической безопасности; 3) цель, принципы, основные направления и задачи обеспечения энергетической безопасности; 4) организационные основы обеспечения безопасности. Данные документы взаимно дополняют друг друга, формируя единую стратегию энергобезопасности Исламской Республики Иран (ИРИ). В Иране действуют:

1. Статья 45 Конституции ИРИ 1979 г. запрещает иностранную или частную собственность на природные ресурсы в Иране.

⁸ Энергобезопасность – состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством страны требований к топливу – и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств. (Прим. автора).

2. Пятилетние планы развития, содержащие пункты национальной экономической стратегии.

3. Двадцатилетний стратегический всеобъемлющий план развития ИРИ на 2005–2025 гг., предполагающий структурную трансформацию экономики, сбалансированное пространственное и региональное развитие, модернизацию основных производственных фондов организаций, существенное повышение производительности труда и эффективности экономической деятельности.

4. Нефтяной акт 1987 г. (с поправками от 2011 г.) регулирует права на собственность на нефтяные ресурсы.

5. Закон о поощрении и защите иностранных инвестиций 2002 г. (FIRPA).

6. Закон о правах и обязанностях Министерства нефти 2021 г., чьей дочерней компанией является Иранская национальная нефтяная компания.

7. Руководство от 2007 г. по реализации проектов газопроводов (70% которых регулирует Национальная газовая компания Ирана, дочерняя компания ИННК).

8. Иранский нефтяной контракт (ИРС) разработан в 2016 г., аналог иракского Технического Сервисного Контракта, предусматривает три вида условий, структуры и модели инвестирования в разработку месторождения: 1) разведка, разработка, добыча; 2) разработка с нуля; 3) соглашение на увеличение эффективности добычи. Является самым последним принятым законодательным актом, регулирующим нефтегазодобычу на принципах buy-back контрактов СРП (соглашений о разделе продукции).

9. Подзаконный акт о признании важных нефтяных и газовых контрактов и их процедуры (2017).

10. Закон о развитии газовой промышленности (1972).

11. Подзаконный акт о защите, транспортировке, хранении и продаже природного газа (1969).

12. Закон о борьбе с контрабандой, принятый в 2013 г., согласно которому экспорт природного газа должен декларироваться.

13. Инструкция по торговле нефтью и газом.

14. Инструкция по закупке сырой нефти, природного газа и продуктов нефтехимии, 2013.

15. Руководство по борьбе с контрабандой нефтепродуктов, 2019 г.

16. Государственный бюджет (в 2022 г. – 45,5% прибыли от экспорта нефти, полученной частными уполномоченными организациями, должно переводиться в бюджет).

17. Закон о максимальной помощи иранских технических, инженерных, производственных, промышленных и исполнительных возможностей для реализации проектов (предусматривает по крайней мере 51% локализации проектов).

Нефтегазовая отрасль – ключевой драйвер иранской экономики. Добыча нефти и газа в Иране на 100% контролируется государством через Иранскую национальную нефтяную компанию (ИННК), управляемую Министерством нефти ИРИ. Пока у правительства ИРИ нет планов приватизировать ИННК. Природные ресурсы доминируют в экспорте Ирана: доля выручки от продажи сырой нефти в национальном экспорте составляет порядка 50% (по данным за 2020–2021 гг.) по сравнению с 83% в 2007–2008 гг., что отражает сохраняющуюся, но постоянно уменьшающуюся зависимость экономики от нефтяного экспорта, благодаря развитию нефтепереработки и особенно нефтехимии.

В последние годы международные санкции и рестрикции подорвали производство энергии в Иране и, как следствие, повлияли на уровень национальной энергетической безопасности. Вследствие международных рестрикций и санкций, введенных против иранского судоходства, страхования, портов, банковского дела и торговли нефтью в 2012 г. доля Ирана на мировом рынке нефти упала с 2,5 млн барр./день до 1 млн барр./день⁹. Введенные в 2018 г. односторонние незаконные рестрикции США на нефтяную отрасль Ирана привели к тому, что экспорт сырой иранской нефти сократился до 0,4 млн барр./день в 2020 г. (по сравнению с 2,5 млн барр./день в 2017 г.).

Добыча газа в Иране составила 840–850 млн куб. м/день в 2022 г. (увеличилась на 4 млрд куб. м/день по сравнению с 2021 г.), по данным Национальной газовой компании Ирана (НГКИ). Занимая второе место в мире по величине запасов природного газа

⁹ Central Bank of Iran Annual Reports 2007/08–2020/21 // CBR. – URL: www.cbr.ir (дата обращения: 25.02.2024).

(после РФ), Иран направляет на экспорт только 6% добываемого газа. Для сравнения: в РФ 30% газодобычи идет на экспорт, а в среднем в мире показатель «экспорт / добыча» составляет 40%.

Иран экспортирует природный газ по газопроводу в Турцию согласно 25-летнему контракту до 2026 г., в Ирак (10 млн куб. м/день), на базе долгосрочных своповых соглашений в Армению (2,3 млрд куб. м в год с 2009 г.) и Азербайджан; импортирует из Азербайджана, Туркменистана. Всего на территории Ирана расположено около 90 трубопроводов, включая 35% всей сети работающих трубопроводов на Ближнем Востоке. Критическим для Ирана становится строительство газопроводов Бушер – Тегеран (Iranian Gas Trunkline – IGAT XI), а также Иран-Оман. (Иран подписал соглашение с Оманом и Пакистаном на экспорт природного газа по газопроводу, но контракты не начали действовать). Несмотря на высокие объемы добычи природного газа, темпы роста недостаточны из-за ограниченного доступа страны к технологиям вследствие наложенных санкций. Особенно это ощутимо в пиковые значения температуры, когда потребление электричества существенно вырастает и Ирану приходится импортировать 23–30 млн куб. м в день газа из Туркменистана (5% годового потребления в стране). Поэтому в 2023 г. Иран заключил своповое соглашение с РФ об импорте 9 млн куб. м газа в день (газ будет направляться в другую страну).

В Иране 71% потребляемой электроэнергии производится за счет природного газа, 28 – за счет нефти, 1% – за счет других источников энергии (ГЭС, АЭС). Крупнейшим потребителем природного газа является сектор электроэнергетики, за которым следует ЖКХ и промышленность. Свыше 60% эксплуатируемых электростанций в стране спроектированы и построены концерном МАПНА (Mapna Group), косвенно контролирующим электростанции с совокупной мощностью 10 ГВт (13% всей вырабатываемой в Иране электроэнергии). Входящий в топ-30 по размеру капитализации публичных компаний Ирана, это крупнейший холдинг энергетического машиностроения в Иране и на Ближнем Востоке, ведущий строительство и оснащение электростанций. Концерн участвовал в строительстве электростанций и в других странах, таких как Оман, Ирак, Сирия, Индонезия и Пакистан.

Вызовами энергетической безопасности выступают совокупность условий и факторов, создающих новые стимулы для развития мировой энергетики или новые направления ее развития, но также способных привести к возникновению угрозы энергетической безопасности. К внешнеэкономическим угрозам относятся и сокращение традиционных для Ирана внешних энергетических рынков в связи с введением западных санкций, и трудности, связанные с выходом на новые рынки, использование и изменение иностранными государствами международно-правовых и финансовых механизмов в целях нанесения ущерба топливно-энергетическому комплексу (ТЭК) Ирана. Внешнеполитическими вызовами для энергетической безопасности ИРИ являются наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному глобальному переходу к «зеленой экономике», а также рост возобновляемой энергетики.

К внешнеэкономическим вызовам, потенциально могущим превратиться в угрозы, относятся:

1) перемещение центра экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР);

2) замедление мирового спроса на энергоресурсы, в том числе в связи с замещением нефтепродуктов другими энергоресурсами;

3) увеличение мировой ресурсной базы углеводородного сырья, появление новых его экспортеров, усиление позиций потребителей;

4) рост производства СПГ, формирование его глобального рынка;

5) увеличение доли ВИЭ в мировом энергетическом балансе.

Ключевая внешняя угроза энергетической безопасности для Ирана сформулирована в американской Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy), обнародованной Д. Трампом 18 декабря 2017 г., в которой говорится, что «Соединенные Штаты и Европа будут вместе противостоять российской подрывной деятельности и агрессии, а также угрозам, которые представляют собой Иран и Северная Корея»¹⁰. Таким образом,

¹⁰National Security Strategy of the United States of America // Trump White House. – 18.12.2017. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

еще шесть лет назад Иран (наряду с РФ, КНР и КНДР) был отнесен к группе стран, которым США и ЕС противодействуют.

Россия, Иран и Китай дополняют друг друга: первые две державы способны обеспечить энергетическими ресурсами Поднебесную, за последние годы вышедшую на первое место по импорту энергетических ресурсов, спрос на которые растет в стране почти на 10% ежегодно. До начала Россией СВО Иран мог рассчитывать на возвращение себе части утраченной доли рынка только через снятие незаконных односторонних рестрикций США и санкций, обещанное ему в результате подписания ядерной сделки в январе 2015 г. Однако и тогда было неясно, насколько быстро и в какой степени Иран сможет снова нарастить нефтедобычу и переработку. Напомним, что производственные мощности Ирана позволяют перерабатывать до 2,4 млн барр./день нефти и конденсата, и Иран (как и РФ) сохраняет зависимость от экспорта углеводородов, который действительно способен стать важным экспортером не только нефти, но и природного газа¹¹.

Но если ранее доля ЕС составляла 27% в экспорте иранских углеводородов, то сейчас КНР – основной торговый партнер Ирана, импортировавший 50% иранской сырой нефти в 2022 г.¹² В число крупных покупателей иранской нефти по итогам 2022 г. вошли Индия, Венесуэла (заменив Японию, Южную Корею и Турцию). В 2022 г. Иран экспортировал 0,6 млн барр./день в КНР, 0,5 млн барр./день – в Индию, 0,2 млн барр./день – в Венесуэлу (начав экспорт в 2022 г.)¹³. Во втором полугодии 2022 г. экспорт Ираном сырой нефти сократился на 37% до 1,3 млн барр./день, что было отчасти скомпенсировано высокими ценами, ограничивавшими спрос из КНР, на фоне конкуренции со стороны российской нефти. Также в 2022 г. Ираном достигнуты предварительные договоренности с Китаем по развитию иранской нефтяной отрасли.

¹¹ BP Energy Outlook // BP. – 30.01.2023. – URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook.html> (дата обращения: 27.02.2024).

¹² European Union. Trade in goods in Iran. European Commission // European Commission. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_iran_en.pdf (дата обращения: 24.02.2024).

¹³ Organisation of the Petroleum Exporting Countries // OPEC. – URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.2024).

Основными вехами российско-иранского сотрудничества в сфере энергетики и логистики в 2022–2023 гг. стали:

- Вступление Ирана в ШОС в июле 2023 г., таким образом Иран стал девятым членом Шанхайской организации сотрудничества (Меморандум о вступлении был подписан Ираном осенью 2022 г.).

- Подписание полноформатного соглашения о зоне свободной торговли между Ираном и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) в декабре 2023 г. Де-факто между Ираном и ЕАЭС была ЗСТ, но временная, что позволило за последние несколько лет увеличить товарооборот между Россией и Ираном практически в четыре раза (в денежном выражении): с 1,74 млрд долл. США в 2018 г. до 3,3 млрд долл. США в 2021 г., 4 млрд долл. США в 2022 г., 5 млрд долл. США за январь – август 2023 г.

- Соглашение по «транспортному коридору» из России в Иран и дальше на Дальний Восток, направленное на развитие двусторонних экономических связей и обход международных односторонних незаконных рестрикций.

- Переговоры по расширению магистральных нефтепроводов, связывающих иранские нефтеперерабатывающие заводы с одним из старейших в Иране месторождением Марун, находящимся на поздних этапах выработки. Новые технологии позволят нарастить объемы добычи, для чего потребуется строительство дополнительных нефтепроводов в Тегеране, Исфахане и Абадане.

- Прокладка трубопроводов и защита экологии акватории Каспийского моря, позиции в отношении которой у РФ и ИРИ совпадают, что позволяет обеспечивать российские нефтегазовые интересы, с одной стороны, и решать вопросы экологии, чтобы не побеспокоить места нереста каспийского осетра при прокладке трубопроводов.

- Подписание повторного соглашения (и крупного контракта для российской промышленности) об электрификации железной дороги Гармсар – Инчебурун протяженностью свыше 400 км заместителем председателя правительства РФ Новаком А.В. и заместителем министра финансов ИРИ. Этот маршрут – часть МТК «Север – Юг», проходящий вдоль южного побережья Каспийского моря, включающий 95 тоннелей, 32 перегрузочных станции. Предыдущий контракт (был подписан в 2018 г. ОАО «РЖД») парал-

лельно с открытием филиала компании в Тегеране; филиал был закрыт в 2020 г.) предусматривал строительство семи тяговых подстанций, 40 локомотивов, подвижного состава, по которому РФ предоставила бы 1,2 млрд долл. США, локализацию оборудования в 95% (что означало загрузку российских предприятий и оплату процентов по кредиту заказчиков).

- Проведение переговоров касательно нефтяных (и нефтепродуктовых) свопов: благодаря близкому расположению Ирана, России удобно выстраивать логистические цепочки, что даст и Ирану возможность торговать с соседними странами.

- Подписание в 2022 г. соглашения о сотрудничестве с иранской Sina-Energy, находящейся под международными рестрикциями с 2020 г., касательно разработки месторождения Шадеган, оператором которого была компания Зарубежнефть – Восток, участвовавшая в сделках «нефть за товары» с Ираном до 2019 г., когда попала под американские рестрикции, вышла из проектов в Иране и была приобретена «Промсырьеимпортом», которому и передала свои активы.

- Заявление Ирана осенью 2022 г. о планах поставок 40 газовых турбин в РФ. Подробности сделки не раскрывались, но по заявлению Министерства энергетики ИРИ, речь идет о компании MAPNA, которая в свое время сотрудничала с Siemens. У России может уйти более 10 лет для достижения производственной мощности MAPNA при отсутствии дополнительных масштабных инвестиций (российские ОДК и «Силовые машины» разрабатывают турбины своими силами), в то время как иранский концерн способен поставить необходимое РФ количество турбин за 2–3 года.

- Подписание в июле 2022 г. Меморандума о взаимопонимании (MoU) на сумму 40 млрд долл. США (примерно 25% необходимых Ирану инвестиций) ПАО «Газпром» и Национальной иранской нефтяной компанией, по которому: 1) Российская госкомпания готова оказать ИННК полное содействие в разработке месторождений Киш и Северный Парс, которые в перспективе могут приносить в общей сложности более 10 млн куб. м газа в день; 2) ПАО «Газпром» планирует оказать всю необходимую помощь в реализации 15-миллиардного проекта по увеличению давления в сверхгигантском месторождении Южный Парс, которое находится в районе морской границы между Ираном и Катаром;

3) ПАО «Газпром» окажет полное содействие в завершении различных проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ) и строительству экспортных газопроводов; 4) РФ изучит все возможности для того, чтобы убедить других крупных производителей газа на Ближнем Востоке присоединиться к процессу развертывания так называемой «газовой ОПЕК», глобального картеля поставщиков природного газа такого же формата, что и Организация стран – экспортеров нефти.

Раскрытие потенциала газовой отрасли усилит энергобезопасность Ирана. В Иране нет СПГ-заводов, но в 2022 г. НГКИ предложила инвесторам присылать свои предложения на постройку небольших СПГ-производств. Иран ведет переговоры о заключении свопового соглашения, предусматривающего импорт российского газа в обмен на иранскую нефть, а также с целью привлечения инвестиций в строительство. В перспективе Иран планирует строительство и запуск четырех СПГ-заводов для выхода на рынки Европы, Индии, дальневосточных стран, а также двух газожидкостных установок (ГЖУ).

В том числе благодаря иранским турбинам и совместно с Ираном, у России появляется возможность реализовать проект газопровода в Индию, идея строительства которого обсуждается с 2008 г. Проект был заморожен в 2013 г. по инициативе индийской стороны после введения санкций против Ирана. Но в начале ноября 2017 г. к проекту вернулись, когда Минэнерго РФ и министерство нефти ИРИ подписали меморандум, предполагавший российскую поддержку поставок газа из Ирана в Индию. В марте 2018 г. состоялось первое заседание российско-иранской рабочей группы по сотрудничеству в сфере реализации проекта по строительству морского магистрального газопровода Иран – Пакистан – Индия. 27 сентября 2018 г. министерства энергетики РФ и Пакистана подписали меморандум о сотрудничестве в сфере реализации проекта морского трубопровода для поставок газа из Ирана потребителям в Пакистане и Индии, предполагавший разработку ТЭО, определение ресурсной базы, конфигурацию и маршрут газопровода.

Иран и Россия разрабатывали проект создания совместного предприятия, которое занималось бы не только строительством самого газопровода, но и разработкой месторождений – ресурсным

источником для него. Предполагалось, что протяженность МГП ИРИ составит 2775 км от газового месторождения Южный Парс в Персидском заливе через пакистанский город Хуздар, с одним ответвлением к г. Карачи и продолжением до г. Мултана, а затем в Индию¹⁴. Потенциальная пропускная мощность – 55 млрд куб. м газа в год, в том числе в Пакистан – 22 млрд куб. м, в Индию – 33 млрд куб. м. Предварительная стоимость МГП – примерно 7,5 млрд долл. США¹⁵. После подписания меморандума с Пакистаном оставалось выйти на согласование с Индией, и тогда проект получил бы возможность для реализации. В настоящее время Пакистан закупает порядка 10 млрд куб. м природного газа в виде СПГ, к 2030 г. планирует увеличить объем импорта до 37 млрд куб. м. В Пакистане – порядка 8,8 млн потребителей газа, и эта цифра ежегодно растет почти на 0,5 млн.

В сфере электрификации по мере стабилизации ситуации в Армении и Азербайджане потенциально возможно рассмотреть строительство двух энергетических мостов из РФ: 1) через Грузию и Армению в Иран, и далее линии электропередач возможно проложить в сторону Ирака; 2) Россия – Азербайджан – Иран с потенциальной электрификацией Афганистана.

Необходимо понимать, какие страны заинтересованы в расширении сотрудничества России с Ираном. Путь западным компаниям закрыт в страну, вероятно, надолго, и Россия может воспользоваться отсутствием западных конкурентов и претендовать на бонусы от сотрудничества, которые мог бы получить Запад.

Благодаря увеличению вклада России и стран Азии в мировую экономику, особо важное значение приобретает развитие Северного морского пути. СМП – не просто кратчайший путь из Европы в Азию и обратно (на 7200 км короче южного обхода через Суэцкий канал), но и потенциально незаменимая транспортная артерия для всего мира, центральный в географическом смысле международный Северо-Восточный проход. Набор драй-

¹⁴ Борисов Ю. Межправсоглашения по строительству газопровода Иран – Пакистан – Индия могут быть подписаны в ближайшее время // Neftegaz. – 14.09.2018. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/198519-yu-borisov-mezhpravsoqlasheniya-po-stroitelstvu-gazoprovoda-iran-pakistan-indiya-mogut-byt-podpisany/> (дата обращения: 02.03.2024).

¹⁵ Там же.

веров роста у российской экономики не бесконечен, и развитие Арктической зоны и СМП – один из них. Освоение Арктики и достижение круглогодичной навигации по СМП – это исторический вызов для России.

Еще одной альтернативой для переориентации системы логистики в ответ на введение против РФ незаконных односторонних рестрикций Запада в 2022 г. стал международный транспортный коридор «Север – Юг». История формирования коридора началась в 30-е годы прошлого века, когда в 1939 г. была запущена железная дорога от каспийского порта Бандар-э-Торкемен до Бандар-э-Эмам Хомейни (Бандар-э-Шахпур до 1979 г.). Долгие годы транспортный коридор «Север – Юг» существовал только на бумаге: еще в 1999 г. РФ, Индия, ИРИ подписали соглашение об экспортно-импортной транспортировке по МТК «Шри-Ланка – Индия – Иран – Каспийское море – Россия», установив порядок ставок и сроки прохождения грузов в 20- и 40-футовых контейнерах силами национальных транспортных компаний контейнеров. Страны-основатели ратифицировали соглашение в 2001 (Индия и ИРИ) и в 2022 г. (РФ). (Индия вложила в развитие МТК 2,1 млрд долл. США, в том числе на строительство транспортной инфраструктуры в Иране)¹⁶. Сейчас участниками коридора являются 11 стран – Казахстан, Белоруссия, Оман, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Сирия, присоединившиеся в 2003–2006 гг. и Белоруссия в качестве наблюдателя с 2006 г.

МТК «Север – Юг» проходит от индийского порта им. Джавахарлала Неру (Нава-Шева), расположенного на юге Мумбаи через Оманский залив, по земле через Иран, через Каспийское море в Астрахань, далее по европейской части России до Санкт-Петербурга. МТК призван объединить транспортные системы нескольких государств: морской путь, железнодорожные линии, автомобильные магистрали, речное сообщение. Протяженность МТК составляет 7,2 тыс. км, что более чем в два раза короче 16 тыс. км маршрута через Суэцкий канал (длиною в 160 км, через который в 2022 г. прошло более 23 тыс. судов с 1,4 млрд т

¹⁶ СМИ: коридор «Север – Юг» способствовал росту объема торговли между Россией и Индией // ТАСС. – 18.08.2022. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15500083> (дата обращения: 01.03.2024).

грузов)¹⁷. Таким образом, каспийский маршрут – эффективная альтернатива Суэцкому каналу и черноморским проливам, позволяющая в два раза сократить время доставки товаров из Мумбаи в Санкт-Петербург с 30–45 дней (по Суэцкому каналу) до 15–24 дней. Напомним, что объем российской торговли с прикаспийскими странами растет: в 2021 г. товарооборот увеличился на 35% до 34 млрд долл. США, январе – апреле 2023 г. на 12,5%¹⁸.

Важно, что транспортным коридором смогут воспользоваться не только страны Персидского залива, но МТК предназначен для внешней торговли РФ со странами Ближнего Востока и Южной Азии. Все возрастающее значение приобретают такие страны-партнеры, как Иран, Азербайджан, ОАЭ и особенно Индия, с которой у РФ отсутствует общая граница (в отличие от КНР, например), в связи с чем до 2021 г. РФ оставалась только 25-м торговым партнером Индии (США были первыми в 2021)¹⁹.

По МТК проходят три маршрута: 1) транскаспийский предусматривает проход грузов через порты Астрахани и Махачкалы; 2) западный – транспортировку по Азербайджану до пограничной станции Астара; 3) восточный – железнодорожный маршрут из России с выходом на железнодорожную сеть Ирана. Приходящий по восточной ветке из Индии груз через иранский порт Бендер-Аббас следует железной дорогой до погранпереходов с Туркменией (Инче-Бурун, Серахс), после чего транзитом через Туркмению и Казахстан отправляется в Россию. Российских грузоотправителей интересует в первую очередь восточная ветка коридора (перевозки контейнеров, угля, удобрений, химии). Путь по восточному берегу Каспийского моря должен стать альтернативой загружен-

¹⁷ Никитина М.А. Транспортный коридор Север-Юг. Точка невозврата для грузов и логистики // Национальная научно-практическая конференция, к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, проф. Белова И.В. – 20.04.2023. – URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/MTK_SEVER_YuG_21_04_1.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

¹⁸ Шестой Каспийский саммит // Президент России. – 29.06.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 03.03.2024).

¹⁹ США стали крупнейшим торговым партнером Индии // РИА Новости. – 29.05.2022. – URL: <https://ria.ru/20220529/partnerstvo-1791552112.html> (дата обращения: 25.02.2024).

ному западному ходу, где грузы идут через Иран и Азербайджан до погранперехода Самур (Россия).

Для России МТК «Север – Юг» это прежде всего мультимодальный проект с участием ОАО «Российские железные дороги», на развитие которого РФ планирует выделить 1,5 млрд долл. США до 2030 г., и оценивает объем экспортно-импортных грузов в 22 млн т к 2025 г. по МТК²⁰. В систему международных транспортных коридоров входят ж/д участки по направлениям Москва – Ростов-на-Дону (Астрахань) – Махачкала – Дербент, и далее в Азербайджан, Иран, страны Персидского Залива и Индию. Для этого необходимо построить участки Решт – Астара силами Москвы и Тегерана, и Астара (иранский город) – Астара (азербайджанский город) при участии Москвы, Тегерана и Баку. В мае 2023 г. министр транспорта РФ Виталий Савельев и министр дорог и градостроительства Ирана Мехрдад Базрпаш подписали соглашение о совместном строительстве ж/д участка Решт – Астара, чтобы соединить сухопутные участки международного транспортного коридора «Север – Юг», что позволит обеспечить геополитическую и логистическую независимость транскаспийского маршрута, а также повысить его экономическую эффективность²¹.

В рамках Стратегии развития национальных морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним, разработанной до 2030 г., Россия расширяет на Каспии соответствующую инфраструктуру, уделяя особое внимание портам Астрахань, Оля и Махачкала. МТК «Север – Юг» становится новой существенной транспортной артерией Восточного полушария, способной решить фундаментальную проблему конкурентоспособности российского экспорта на растущих рынках Азии (например, на индийском рынке, по сравнению с Австралией, если брать энергетический уголь, или ОАЭ, если это алюминий). Развитие и использование МТК дает ряд существенных преимуществ: доступ на рынки РФ, СНГ и (потенциально) Восточной Европы,

²⁰ Россия может выделить \$1,5 млрд на железнодорожные проекты в Иране // Ведомости. – 26.07.2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/25/932989-rossiya-videlit-15> (дата обращения: 27.02.2024).

²¹ Россия и Иран договорились о совместном создании ж/д участка Решт – Астара // ТАСС. – 17.05.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17767123> (дата обращения: 27.02.2024).

обеспечение альтернативы Суэцкому каналу в случае перекрытия, отсутствие контроля со стороны США и Британии, что позволяет везти грузы в обход антироссийских санкций США и ЕС, логистическая поддержка разворота с Запада на Восток Саудовской Аравии, Катара, Бахрейна, ОАЭ и других стран Персидского залива.

* * *

Иран обладает одним из наиболее привлекательных для внешних и внутренних инвесторов нефтегазовым рынком в мире. Для раскрытия нефтегазового потенциала ИРИ необходимо создавать цепочки добавленной стоимости в национальной нефтегазо-химической отрасли.

Участие России в качестве со-инвестора и поставщика технологий будет стимулировать формирование новых способов монетизации запасов иранских нефти и природного газа, с помощью которых Иран сможет совершить прорыв на мировой рынок, стать важным энергетическим и логистическим хабом.

Список источников и литературы

1. Борисов Ю. Межправсоглашения по строительству газопровода Иран – Пакистан – Индия могут быть подписаны в ближайшее время // *Neftegaz*. – 14.09.2018. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/198519-yu-borISOV-mezhpravsoqlasheniya-po-stroitelstvu-gazoprovoda-iran-pakistan-indiya-mogut-byt-podpisany/> (дата обращения: 02.03.2024).
2. Никитина М.А. Транспортный коридор Север-Юг. Точка невозврата для грузов и логистики // Национальная научно-практическая конференция, к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, проф. Белова И.В. – 20.04.2023. – URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/MTK_SEVER_YuG_21_04_1.pdf (дата обращения: 28.02.2024).
3. Россия и Иран договорились о совместном создании ж/д участка Решт – Астара // ТАСС. – 17.05.2023. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17767123> (дата обращения: 27.02.2024).
4. Россия может выделить \$1,5 млрд на железнодорожные проекты в Иране // *Ведомости*. – 26.07.2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/25/932989-rossiya-videlit-15> (дата обращения: 27.02.2024).

5. СМИ: коридор «Север – Юг» способствовал росту объема торговли между Россией и Индией // ТАСС. – 18.08.2022. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15500083> (дата обращения: 01.03.2024).
6. Сурков А.Н. Изменение модальности ирано-саудовских отношений как фактор мирового рынка нефти // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 138–148. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.08.
7. США стали крупнейшим торговым партнером Индии // РИА Новости. – 29.05.2022. – URL: <https://ria.ru/20220529/partnerstvo-1791552112.html> (дата обращения: 25.02.2024).
8. Шестой Каспийский саммит // Президент России. – 29.06.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 03.03.2024).
9. BP Energy Outlook // BP. – 30.01.2023. – URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook.html> (дата обращения: 27.02.2024).
10. Central Bank of Iran Annual Reports 2007/08–2020/21 // CBR. – URL: www.cbr.ir (дата обращения: 25.02.2024).
11. European Union. Trade in goods in Iran. European Commission // European Commission. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_iran_en.pdf (дата обращения: 24.02.2024).
12. International Energy Agency (Международное энергетическое агентство) // IEA. – URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 25.02.2024).
13. National Security Strategy of the United States of America // Trump White House. – 18.12.2017. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
14. Organisation of the Petroleum Exporting Countries // OPEC. – URL: <https://opec.org> (дата обращения: 26.02.2024).
15. Statistical Review of World Energy, 70th edition, 2021 // BP. – URL: [bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf](https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf) (дата обращения: 22.02.2024).
16. U.S. Energy Information Administration (EIA) // EIA. – URL: <https://www.eia.gov> (дата обращения: 21.02.2024).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.07

УДК 327+94

НАВИГАЦИЯ ПО ИДЕАЛАМ И РЕАЛЬНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ И ПРАГМАТИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА ПОСЛЕ 1979 г.

РАНДЖБАР Мешкин Даниал

аспирант, ассистент кафедры теории и истории
международных отношений, Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

E-mail: randzhbar-meshkin-d@rudn.ru

SPIN-код: 5294-1502

ORCID: 0000-0002-1619-3383

Для цитирования: *Ранджбар М.Д.* Навигация по идеалам и реальности: взаимодействие идеологии и прагматизма во внешней политике Ирана после 1979 г. // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 121–142. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.07.

Аннотация. В статье исследуется внешняя политика Ирана с 1979 г., подчеркивается взаимодействие в ней идеологии и прагматизма. Рассматривается подход Ирана к решению проблем международной изоляции, экономических санкций и развития его стратегического партнерства с западными странами, такими как Россия и Китай. В исследовании также подчеркивается растущее влияние Ирана на Ближнем Востоке за счет использования марионеточных сил и дипломатических союзов. В работе тщательно анализируются изменения в политике Ирана при различных администрациях, каждая из которых уникальным образом сочетает в себе идеологический пыл с практической дипломатией. Методика исследования включает обширный обзор исторических документов, заявлений правительства и научной литературы. Целью исследования является представление всестороннего понимания эволюции внешней политики Ирана, демонстрация того, как в ней переплетаются идеологические позиции с прагматическими соображениями. Главный вывод заключается в сложности стратегии внешней политики Ирана, демонстрирующей, как страна может эффективно сочетать идеологические убеждения с прагматическими потребностями. Эта смесь отражает более широкие тенденции в глобальном государственном управлении и дина-

мичный характер международной политики, позволяя лучше понять сложности современной дипломатии.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, идеология, прагматизм, изоляция, незападные страны, международные отношения.

Navigating Ideals and Realities: Interplay of Ideology and Pragmatism in Iran's Foreign Policy Post-1979

Daniyal M. RANJBAR

Postgraduate Student, Assistant Department Theory and History of International Relations, RUDN University.

E-mail: randzhbar-meshkin-d@rudn.ru

SPIN-code: 5294-1502

ORCID: 0000-0002-1619-3383

For citation: Ranjbar M.D. (2024). Navigating Ideals and Realities: Interplay of Ideology and Pragmatism in Iran's Foreign Policy Post-1979. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 121–142. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

Abstract. The article investigates Iran's foreign policy since 1979, emphasizing the interplay of ideology and pragmatism. It examines Iran's approach to dealing with international isolation, economic sanctions, and its strategic partnerships with Non-Western countries like Russia and China. The study also highlights Iran's growing influence in the Middle East through the use of proxy forces and diplomatic alliances. It thoroughly analyzes Iran's policy shifts across different administrations, each uniquely blending ideological fervor with practical diplomacy. The methodology includes an extensive review of historical documents, government statements, and scholarly literature. The research aims to offer a comprehensive understanding of the evolution of Iran's foreign policy, showcasing how it intertwines ideological stances with pragmatic considerations. The main conclusion drawn is the sophistication of Iran's international relations strategy, demonstrating how a country can effectively merge ideological beliefs with pragmatic needs. This blend reflects the broader trends in global statecraft and the dynamic nature of international politics, providing insights into the complexities of modern diplomacy.

Keywords: Iran, foreign policy, ideology, pragmatism, isolation, Non-Western countries, international relations.

После Исламской революции 1979 г. внешняя политика Ирана претерпела значительные изменения, что ознаменовало отход от прозападного подхода эпохи Пехлеви. Этот период ха-

рактиковался уникальным сочетанием идеологического рвения и прагматической дипломатии, позволяющей ориентироваться в сложных международных условиях.

В первые годы после революции Иран боролся с дипломатической изоляцией и экономическими проблемами, в первую очередь из-за санкций США после кризиса с заложниками¹. Несмотря на разрыв связей с Западом, внешняя политика Ирана в то время была не просто реакционной.

Вместо этого она представляла собой продуманное сочетание поддержки революционных ценностей и прагматичного поиска альянсов с незападными державами, такими как Китай, Советский Союз и симпатизирующими странами Ближнего Востока. Ирано-иракская война еще больше осложнила внешнюю политику Ирана, подтолкнув его к более прагматичному подходу.

Несмотря на санкции и военные проблемы, поддерживаемые Западом, руководство Ирана умело преодолевало эти препятствия, сохраняя свою идеологическую позицию против западного империализма, одновременно прагматично приобретая товары первой необходимости и вооружение у западных союзников.

После войны во внешней политике Ирана происходили постепенные изменения при разных администрациях². Каждый президент, от Рафсанджани до Ахмадинежада, привнес уникальное сочетание идеологии и прагматизма. Срок полномочий Рафсанджани ознаменовал период восстановления и осторожного открытия для международного сообщества.

Эпоха Хатами характеризовалась инициативой «Диалог между цивилизациями», свидетельствующей о более мягком дипломатическом подходе, в то время как президентство Ахмадинежада стало свидетелем возвращения к более жесткой, идеологически мотивированной внешней политике.

На протяжении всех этих периодов дипломатическая стратегия Ирана формировалась на основе сочетания сопротивления предполагаемой гегемонии Запада и практических соображений

¹ Bostdorff D.M. Idealism held hostage: Jimmy Carter's rhetoric on the crisis in Iran // Communication studies. – 1992. – Vol. 43, № 1. – P. 14–28.

² Milani M.M. Iran's Post-Cold War policy in the Persian Gulf // International journal. – 1994. – Vol. 49, № 2. – P. 328–354.

национальных интересов. Это динамичное взаимодействие между идеологическими обязательствами и прагматическими потребностями определило уникальное положение Ирана в международных отношениях.

Методика исследования, принятая в данной статье, предполагает комплексный анализ исторических документов, официальных заявлений и научных источников. Цель состоит в том, чтобы провести углубленное исследование эволюции внешней политики Ирана после 1979 г. с учетом взаимодействия идеологических и прагматических факторов. Задача заключается в том, чтобы ориентироваться в сложном геополитическом ландшафте и меняющемся характере международных отношений, что требует тонкого понимания исторического контекста и современной динамики.

Эта статья предлагает сбалансированную точку зрения, признавая присущие предвзятости и ограничения имеющихся данных. Разнообразные источники, включая академические журналы, правительственные отчеты и международные новостные статьи, способствуют многогранному взгляду на внешнюю политику Ирана. Углубляясь в последующие разделы этой статьи, мы рассмотрим конкретные примеры внешней политики Ирана, проанализировав, как стране удалось сохранить свои идеологические ценности, одновременно адаптируясь к прагматическим требованиям международной политики. Это исследование проливает свет на сложности и нюансы дипломатического пути Ирана в постоянно меняющемся глобальном контексте.

После революции 1979 г. внешняя политика Ирана претерпела глубокие изменения. Первые годы были отмечены ирано-иракской войной, которая не только проверила устойчивость Ирана, но и заставила его искать новые союзы и утверждать свою независимость на мировой арене. В эту эпоху Иран лавировал в сложной паутине санкций и дипломатической изоляции, в первую очередь от западных держав.

Этот период стал примером приверженности Ирана революционным ценностям и способности адаптироваться к решению международных проблем. Способность страны сохранять свою идеологическую позицию при создании стратегических региональных альянсов была свидетельством ее дипломатической ловкости.

Аятолла Рухолла Хомейни, лидер революции, сыграл решающую роль в формировании нового Ирана. Его видение, глубоко укоренившееся в исламском управлении и антизападных настроениях, существенно повлияло на внутреннюю и внешнюю политику Ирана. Его приверженность концепции «Велаят-е факих» (Опека исламских юристов) структурировала политическую структуру и внешнюю политику Ирана, продвигая подход, глубоко переплетенный с идеологическими убеждениями, особенно в его отношениях с западными странами и региональными альянсами³.

Под руководством Хомейни внешняя политика Ирана была отмечена попытками сбалансировать революционные идеалы государства с прагматическими потребностями. Например, во время ирано-иракской войны Иран, несмотря на наложенные Западом санкции и военные вызовы, сохранял свою идеологическую позицию против западного империализма, но прагматично приобретал товары первой необходимости и вооружение у незападных союзников.

«Я думаю, что в повествовании говорится, что Посланник Божий, когда его послали, тот великий сатана закричал и собрал вокруг себя чертей, и стало трудно работать. В этой революции великий сатана, США, криком собирает вокруг себя дьяволов. А США собрали детей сатаны в Иране и за рубежом и устроили переполох»⁴. Эта цитата показывает, что лидер исламской революции Ирана в то время твердо верил, что США ограничивают и не хотят независимого Ирана. В то время он и его администрация сделали антиимпериалистические действия главным направлением внешней политики и заключили союзы с группами и странами, придерживавшимися того же видения.

Идеология Хомейни оказала глубокое влияние на последующие администрации Ирана. Его принципы антиимпериализма, опоры на собственные силы и продвижения исламских ценностей оставались центральными темами во внешнеполитических решениях Ирана при таких президентах, как Рафсанджани, Хатами и

³ Tahai S. Imam Khomeini and the foundations of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran // Foreign Relations Research Quarterly. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 77–111.

⁴ Khomeini R. A speech to the employees of the Central Insurance of Iran (American conspiracies) // Imam's book. – 1979. – Vol. 10. – P. 1–6.

Ахмадинежад. Каждая администрация привносила свое уникальное сочетание идеологии и прагматизма, адаптируя внешнюю политику Ирана к меняющемуся глобальному контексту, одновременно сохраняя приверженность революционным ценностям⁵.

Например, во время президентства Рафсанджани Иран сосредоточил свое внимание на восстановлении и осторожно открылся для международных отношений, стремясь смягчить экономические проблемы, вызванные санкциями. Прагматичный подход Рафсанджани был направлен на то, чтобы сбалансировать революционную идеологию с практическими соображениями национальных интересов⁶. Эпоха президента Рафсанджани была поворотным этапом, характеризующимся сдвигом в сторону прагматизма. Его администрация сосредоточила усилия на восстановлении разрушенной войной экономики и нормализации отношений с соседними странами и Западом.

Срок полномочий Рафсанджани был отмечен значительными дипломатическими усилиями, включая нормализацию отношений со странами Персидского залива и попытки взаимодействия с западными державами. Президентство Рафсанджани ознаменовало переход от революционного рвения к более прагматичному и технократическому подходу к внешней политике. Этот период заложил основу для будущих дипломатических инициатив Ирана, но также выявил сложности балансирования революционных идеалов с практическими дипломатическими потребностями⁷.

Срок полномочий президента Хатами представлял собой значительный сдвиг в сторону дипломатического взаимодействия, в первую очередь благодаря его инициативе «Диалог между цивилизациями». Его администрация стремилась улучшить международный имидж Ирана и ослабить напряженность в отношениях с Западом, делая упор на культурный диалог и сотрудничество⁸. Президентство Хатами отличалось попыткой преодолеть разрыв с

⁵ Юртаев В. Иран и санкции: пределы саморазвития // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 26–29.

⁶ Niakooee S.A., Ejazee E. Foreign policy and economic development: Iran under Rafsanjani // Iranian review of foreign affairs. – 2014. – Vol. 5, № 3. – P. 179–200.

⁷ Ibid.

⁸ Khatami S.M. Dialogue among civilizations: Contexts and perspectives // UN Chronicle. – 2012. – Vol. 49, № 3. – P. 11–14.

Западом посредством культурного и дипломатического взаимодействия. Однако консервативные фракции внутри Ирана и скептицизм западных стран ограничили эффективность его усилий⁹.

Президентство Ахмадинежада ознаменовало возврат к более агрессивной и конфронтационной внешней политике. Его пребывание в должности характеризовалось вызывающей риторикой, особенно в отношении ядерной программы Ирана, что привело к эскалации напряженности в отношениях с Западом и жестким международным санкциям. Эпоха Ахмадинежада подтвердила идеологические принципы Ирана и усилила международную изоляцию и экономические трудности. Его пребывание в должности продемонстрировало проблемы балансирования национальной гордости и идеологических обязательств с практическими аспектами международных отношений¹⁰.

Период деятельности администрации президента Роухани ознаменовал собой стратегический сдвиг в сторону дипломатии и взаимодействия, в первую очередь благодаря соглашению СВПД. Несмотря на первоначальный успех в смягчении санкций и снижении напряженности вокруг ядерной программы Ирана, выход США из СВПД при президенте Трампе возобновил проблемы, подчеркнув хрупкость дипломатических достижений. Срок полномочий Роухани подчеркнул потенциал дипломатических прорывов и проблемы сохранения этих достижений в условиях меняющейся международной политики. Усилия его администрации высветили сохраняющиеся сложности Ирана в балансировании своих региональных амбиций с глобальным дипломатическим давлением¹¹.

Администрация президента Раиси унаследовала сложную международную ситуацию с продолжающимся санкционным давлением и геополитической напряженностью. Внешняя политика Ирана при Раиси продолжает быть нацеленной на преодоление

⁹ Мамедова Н.М. Политико-экономический аспект диалога цивилизаций // Иран: диалог цивилизаций / под ред. Н.М. Мамедова, М. Санаи. – Орехово-Зуево: Дом «Муравей», 2003. – С. 15–25.

¹⁰ Riki R. et al. Iran's counter-hegemony under the leadership of Mahmoud Ahmadi-nnejad (2005–2009) towards US hegemony in West Asian region // UKM journal article repository. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 17–34.

¹¹ Shanahan R. Iranian foreign policy under Rouhani // Lowy institute for international policy. – 2015. – P. 1–15.

этих сложностей, уделяя особое внимание реализации стратегических интересов и защите суверенитета Ирана. Президентство Раиси, чей срок полномочий продолжается, отражает сохранение взаимодействия между идеологическими принципами Ирана и прагматическими дипломатическими потребностями. Ожидается, что политика и стратегия администрации Раиси будут в дальнейшем определять региональную роль Ирана и его отношения с мировыми державами¹².

На протяжении всех этих периодов взаимодействие между идеологическими обязательствами и прагматическими соображениями было определяющей чертой внешней политики Ирана. Это динамичное взаимодействие отражает уникальный характер Ирана на мировой арене, поскольку он ориентируется в сложных геополитических ландшафтах, сохраняя при этом свой революционный дух.

Дипломатические стратегии и идеологические обязательства. Взаимодействие с западными странами

Стратегическая ориентация Ирана на западные державы, особенно на Россию и Китай, была ключевым аспектом его дипломатической стратегии в ответ на западные санкции. Этот сдвиг был рассчитан на то, чтобы смягчить последствия санкций и уравновесить геополитическое влияние Запада.

Отношения Ирана и России, охватывающие военное, ядерное и энергетическое сотрудничество, стали краеугольным камнем внешней политики Ирана. Участие России в иранской ядерно-энергетической программе, особенно в строительстве и эксплуатации АЭС в Бушере, символизирует это партнерство. Это сотрудничество важно для Ирана как возможность нивелировать западное влияние и санкции¹³.

¹² Akbari R. Raisi, the Presidency and Iran's foreign policy // Iran primer. – 04.10.2021. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2021/oct/04/raisi-presidency-and-irans-foreign-policy> (дата обращения: 02.02.2024).

¹³ Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).

Военный союз с Россией предоставляет Ирану мощного союзника, укрепляя региональные и глобальные позиции ИРИ. Это также указывает на растущие возможности Ирана в оборонном секторе, демонстрируя его способность влиять на ключевые геополитические конфликты. Экономическое и технологическое сотрудничество с Россией – это стратегический маневр Ирана с целью обойти западные санкции и диверсифицировать свои внешнеэкономические связи. Такой подход укрепляет экономику Ирана и расширяет его технологические возможности, поддерживая его статус ключевого игрока в региональной геополитике.

Аналогичным образом отношения с Китаем, характеризующиеся акцентом на прагматические экономические интересы, предоставляет Ирану важный «спасательный круг» в области экономики, особенно в сфере торговли нефтью и инфраструктурных проектов. Китай является одним из крупнейших торговых партнеров Ирана, и экономические связи между Ираном и Китаем являются важнейшим компонентом стратегии Ирана по смягчению воздействия западных санкций¹⁴.

Экономическое партнерство с Китаем демонстрирует способность Ирана адаптироваться к международному давлению и находить альтернативные рынки сбыта энергоресурсов. Эта экономическая устойчивость является ключевой в стратегическом планировании Ирана, обеспечивает стабильность и рост экономики страны, несмотря на внешние вызовы. Помимо экономических связей, взаимодействие Ирана с Китаем распространяется на технологическое сотрудничество, которое включает в себя различные сектора, такие как телекоммуникации, инфраструктура и энергетика¹⁵. Технологическое сотрудничество с Китаем отражает стратегическое намерение Ирана модернизировать свою инфраструктуру и расширить свои технологические возможности. Это сотрудничество не только укрепляет экономическое положение

¹⁴ Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁵ Yacoubian A. Iran's Increasing Reliance on China // Iran primer. – 01.08.2023. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china> (дата обращения: 04.02.2024).

ние Ирана, но и способствует достижению его долгосрочных стратегических целей в регионе.

Иран стремился укрепить связи с другими незападными странами, особенно в Латинской Америке, Африке и Азии. Эти отношения развивались посредством экономических, политических и идеологических обязательств.

Взаимодействие Ирана с Латинской Америкой¹⁶ отражает его стратегию по расширению своего влияния и укреплению альянсов в регионе, традиционно находящемся под влиянием Соединенных Штатов. Этот шаг рассматривается как ответ на изоляцию, с которой столкнулся Иран после выхода США из ядерной сделки 2015 г. и возобновления экономических санкций. Иран сосредоточил свои усилия на построении стратегических отношений с ключевыми странами Латинской Америки, такими как Венесуэла, Никарагуа и Куба. Эти страны имеют идеологическое сходство с Ираном, особенно в их оппозиции политике США. Отношения с Венесуэлой особенно важны, поскольку они служат воротами для деловой активности Ирана в Латинской Америке и Карибском бассейне¹⁷.

Во время визита Раиси Иран и Венесуэла подписали множество двусторонних соглашений, касающихся энергетики, образования, сельского хозяйства и медицины, что демонстрирует приверженность Ирана укреплению двусторонних связей. Стратегия Ирана в Латинской Америке четко указывает на его глобальную дипломатическую программу, направленную на создание сети альянсов, которые могут обеспечить получение Ираном экономических дивидендов и уравновесить влияние США¹⁸.

Акцент на Венесуэле подчеркивает желание Ирана иметь стратегический плацдарм в регионе, используя общие идеологи-

¹⁶ Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

¹⁷ Moya Mena S.I. Regaining space: Iranian foreign policy toward Latin America during the first presidential term of Hassan Rouhani (2013–2017) // Contemporary gulf studies. – 2020. – P. 157–176.

¹⁸ Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – Diálogo Américas // Diálogo Américas. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

ческие позиции против доминирования Запада. Дипломатическая деятельность Ирана в регионе выходит за рамки торгово-экономических соглашений. Она также включает в себя усилия по укреплению политической солидарности, о чем свидетельствуют выступления Раиси в Никарагуа и на Кубе, где он подчеркивал общие революционные корни и противодействие доминированию США¹⁹.

Расширение дипломатических связей со странами Латинской Америки демонстрирует более широкую цель Ирана по созданию коалиции незападных, антиимпериалистических государств. Эта стратегия призвана представить Иран как лидера движения против западной гегемонии, укрепив его позиции в глобальной геополитике.

Взаимодействие Ирана с Африкой, особенно при администрациях Ахмадинежада и Раиси, было ключевым компонентом его внешней политики, направленной на расширение влияния и обход западных санкций. Во время президентства Ахмадинежада Иран принял стратегию сотрудничества Юг – Юг, инвестируя в развитие инфраструктуры, создавая компании и предоставляя кредиты в африканских странах²⁰. Этот подход был частью более широкой стратегии Ирана по противодействию доминированию Запада.

При администрации Раиси ожидается возрождение этой политики, отражающее сдвиг в сторону незападных приоритетов. Инвестиции и экономическая деятельность Ирана в Африке являются частью стратегического плана по получению политического и экономического влияния. Этот подход направлен на создание альтернативной сферы влияния, бросающей вызов традиционному западноцентричному мировому порядку²¹. Администрация Раиси, вероятно, активизирует усилия по укреплению отношений с Афри-

¹⁹ Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – *Diálogo Américas* // *Diálogo Américas*. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁰ Siddiqui S. Iran's growing outreach to Africa // *The New Arab*. – 12.09.2022. – URL: <https://www.newarab.com/analysis/irans-growing-outreach-africa> (дата обращения: 04.02.2024).

²¹ Naeni A. Iran's renewed Africa policy: Raisi's ambition and the perception of Western decline // *Middle East Institute*. – 31.07.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-renewed-africa-policy-raisis-ambition-and-perception-western-decline> (дата обращения: 04.02.2024).

кой, проводя политику сопротивления давлению Запада. Следовательно, можно ожидать расширения геополитического влияния Ирана за счет укрепления экономических, политических и культурных связей с африканскими странами.

Возобновление внимания к Африке при Раиси сигнализирует о намерении Ирана диверсифицировать свои внешние связи и уменьшить зависимость от западных стран. Эта стратегия также служит противодействию последствиям санкций и утверждению роли Ирана как значимого игрока в глобальной политике.

Стратегия ядерной программы Ирана

Ядерная программа Ирана была центральным аспектом его дипломатической стратегии, особенно в сложном ландшафте международных отношений. Подход Ирана к своей ядерной программе служит наглядным примером его более широкой дипломатической стратегии и идеологических обязательств.

Подход Ирана к сохранению стратегической двусмысленности в отношении своей ядерной деятельности представлял собой сложную смесь дипломатии, тактического маневрирования и геополитической стратегии. Эта стратегическая двусмысленность была важным инструментом переговоров, особенно во время ужесточения западных и международных санкций. Сохраняя неопределенность относительно масштабов и целей своей ядерной деятельности, Иран создал разменную карту в переговорах с группой P5+1, часто вынуждая западные державы идти на уступки в обмен на большую прозрачность²².

Такой подход позволил Ирану вести переговоры с позиции силы. Это продемонстрировало способность Ирана сбалансировать две цели: продвижение своей ядерной программы и избежание прямой конфронтации с международным сообществом. Эту стратегическую двусмысленность можно рассматривать как ответ на международное давление, отражающий глубокое понимание динамики сил внутри международной системы²³.

²² Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 1.

²³ Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 2.

Внутри страны мощная ядерная программа рассматривалась как символ национальной гордости и суверенитета. Однако извне Иран столкнулся со значительным давлением с целью ограничить свою ядерную деятельность. Стратегическая двусмысленность позволила Ирану умиротворить внутренние группировки, одновременно участвуя в международной дипломатии, чтобы смягчить санкции и избежать военной конфронтации.

Этот двойной подход демонстрирует способность Ирана балансировать между отстаиванием своих национальных интересов и конструктивным взаимодействием с международным сообществом. Этот подход отражает проблемы, с которыми сталкивается Иран, пытаясь сбалансировать свои региональные и глобальные интересы, – используя возможное наличие ядерного потенциала в качестве средства сдерживания региональных противников, Иран одновременно вынуждает великие державы вести с собой диалог, признавая таким образом роль Тегерана в региональной стабильности и международной безопасности.

Стратегическая двусмысленность Ирана имела серьезные последствия для глобальных усилий по нераспространению ядерного оружия. Это бросило вызов способности международного сообщества обеспечивать соблюдение норм нераспространения и поставило вопросы об эффективности санкций и дипломатии в борьбе с потенциальным распространением ядерного оружия. Хотя этот подход давал краткосрочные выгоды, его долгосрочная устойчивость была сомнительной²⁴. Постоянная двусмысленность и напряженность могут привести к усилению региональной нестабильности и потенциальному просчету или эскалации конфликтов. Использование Ираном стратегической двусмысленности в ходе ядерных переговоров представляло собой тонкий подход, который уравнивал внутреннее и международное давление, обеспечивал рычаги на переговорах и позволял Ирану сохранять определенную степень контроля над своим дипломатическим взаимодействием с миром²⁵.

²⁴ Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 5.

²⁵ Роман В. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США // Управленческое консультирование. – 2016. – Т. 88, № 4. – С. 274–280.

Характер ядерной программы Ирана, характеризующийся стратегической двусмысленностью и тщательным балансированием между внутренним и международным давлением, отражает его более широкую дипломатическую стратегию и идеологические обязательства. Такой подход позволил Ирану отстаивать свои национальные интересы, одновременно преодолевая сложности международной дипломатии и санкций, демонстрируя свою устойчивость и стратегическую дальновидность перед лицом глобальных вызовов.

Влияние на ближневосточную политику

Влияние Ирана на ближневосточную политику, особенно после Исламской революции 1979 г., было значительным и многогранным. Это влияние выходит за рамки ядерных амбиций Ирана и охватывает союзы Тегерана с различными региональными группами и государствами.

Стратегия Ирана на Ближнем Востоке предполагает создание и поддержку марионеточных сил, и союзы с агрессивными группировками по всему региону. Начиная с «Хизбаллы» в Ливане в 1980-х годах, Иран использовал силы «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) для укрепления своего влияния в различных странах. Эта стратегия оказалась особенно эффективной в Ливане, Ираке, Йемене и Сирии. Однако поддержка Ираном этих групп рассматривается многими членами международного сообщества как дестабилизирующий фактор в регионе²⁶.

Взаимодействие Ирана с негосударственными субъектами и его поддержка таких групп, как «Хизбалла» и хуситы в Йемене, демонстрируют его приверженность стратегии непрямого влияния. Такой подход позволяет Ирану отстаивать свои региональные интересы, сохраняя при этом возможность отрицания непосредственной вовлеченности.

Иран воспользовался региональной нестабильностью и слабостью государств для создания альянсов. В Ливане, Ираке и Йемене влияние Ирана выросло, поскольку эти страны столкну-

²⁶ Rafiei Vardanjani A. United States economic sanctions on Iran and their impacts on the Middle Eastern art market // Arts. – 2020. – Vol. 9, № 4. – P. 1–11.

лись с внутренними конфликтами и проблемами управления. Поддержка Ираном президента Асада в Сирии также была значительной, поскольку обе страны являются давними союзниками. Стратегия Ирана в этих регионах отражает его способность адаптироваться к меняющимся геополитическим ландшафтам. Иран расширил свое влияние на Ближнем Востоке, объединившись с правительствами и группами, которые разделяют его интересы или идеологию, часто заполняя вакуум власти, образовавшийся из-за нестабильной политической среды²⁷.

Влияние Ирана на ближневосточную политику выходит за рамки поддержки марионеточных сил и региональных конфликтов. Значительной частью его стратегии является восстановление и укрепление дипломатических отношений с соседними странами, направленное на региональную стабильность и экономическое сотрудничество.

Одним из ключевых аспектов региональной стратегии Ирана при администрации президента Раиси стало восстановление важнейших отношений с соседними странами. Этот сдвиг во внешней политике, выражающийся в акценте в иранской дипломатии на отношениях с соседями, был в первую очередь вызван необходимостью уравновесить давление санкций²⁸.

Ярким примером этой стратегии является соглашение между Ираном и Саудовской Аравией о нормализации политических отношений. Это примирение знаменует собой значительный шаг на пути к региональной стабильности и демонстрирует приверженность Ирана разрешению конфликтов по дипломатическим каналам. Нормализация отношений с Саудовской Аравией, региональным соперником и ключевым игроком на Ближнем Востоке, потенциально может привести к расширению экономического сотрудничества между двумя странами и указывает на стратегический сдвиг во внешней политике Ирана в сторону региональной дипломатии и разрешения конфликтов. Иран стремится создать

²⁷ Tolouei H., Haghshenas M.J. Analysis of relations between I.R. Iran and Syria in the light of the theory of regional balance of power // Political Knowledge Scientific Journal (Bi-quarterly). – 2021. – Vol. 17, № 1. – P. 189–214.

²⁸ Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).

более стабильную и основанную на сотрудничестве региональную среду, участвуя в диалоге с ключевым региональным противником. Этот шаг служит экономическим интересам Ирана и укрепляет его дипломатический авторитет в международном сообществе, демонстрируя его приверженность дипломатическому разрешению конфликтов²⁹.

Помимо отношений с Саудовской Аравией, внешняя политика Ирана при Раиси характеризовалась усилиями по укреплению связей с другими странами-соседями – участие в экономической и культурной дипломатии, в диалогах по региональной безопасности и предложение посредничества в конфликтах. Более широкое взаимодействие Ирана со своими соседями отражает его стратегическую цель по созданию стабильной региональной среды, способствующей его интересам³⁰. Такой подход означает признание Ираном взаимосвязи региональной безопасности с его национальной безопасностью. Развивая отношения и партнерство с соседними странами, Иран стремится смягчить воздействие международных санкций и утвердить свою роль ключевого регионального игрока.

Нормализация отношений с соседними странами открывает новые экономические возможности для Ирана – это в том числе потенциал для увеличения торговли, инвестиций и сотрудничества в различных секторах, что будет способствовать экономической устойчивости Ирана перед лицом санкций. Экономическое измерение региональной дипломатии Ирана имеет решающее значение. Улучшение отношений с соседними странами может помочь Ирану получить доступ к новым рынкам и инвестиционным возможностям, имеющим решающее значение для его экономической стабильности и роста.

²⁹ Hungda F. The agreement between Iran and Saudi Arabia is a big step to strengthen peace and stability in the Middle East // IRNA. – 12.03.2023. – URL: <https://irna.ir/xjLXhv> (дата обращения: 05.02.2024).

³⁰ Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).

Многосторонние взаимодействия

Участие Ирана в таких международных организациях, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), отражает его стратегический поворот в сторону альтернативных региональных блоков. Участие Ирана в этих организациях является частью его стратегии по взаимодействию с региональными державами и укреплению сотрудничества в области экономики и безопасности.

Участие в ШОС, возглавляемой Китаем и Россией, и ОЭС, в которую входят несколько стран Центральной Азии и Ближнего Востока, позволяет Ирану усилить свое региональное влияние и создать противовес западным геополитическим стратегиям. Членство в этих организациях предоставляет Ирану платформу для экономического сотрудничества со странами – членами объединений, что включает в себя возможности в сфере торговли, энергетики, развития инфраструктуры и культурных обменов, которые имеют решающее значение для экономического роста и стабильности Ирана.

Активная роль Ирана в таких организациях, как ОЭС и ШОС, подчеркивает его приверженность развитию регионального партнерства. Эти альянсы играют важную роль в усилиях Ирана по смягчению последствий санкций и утверждению своей роли региональной державы. Участие Ирана в ОЭС и ШОС является стратегическим шагом, направленным на расширение его экономических связей и утверждение себя в качестве жизненно важного игрока в региональном экономическом развитии. Такой подход помогает Ирану обойти ограничения, налагаемые западными санкциями, и укрепить свою экономическую устойчивость³¹.

Недавнее приглашение Ирану присоединиться к БРИКС³² (экономическому блоку Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки) знаменует собой стратегический сдвиг во внешней политике. Включение в БРИКС соответствует политике Ирана «Взгляд

³¹ Ranjbar D., Honrada G. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // *Asia and Africa Today*. – 2023. – № 3. – P. 30–36.

³² Iran officially becomes a member of BRICS // IRNA. – 24.08.2023. – URL: <https://en.irna.ir/news/85208993/Iran-officially-becomes-member-of-BRICS> (дата обращения: 20.08.2023).

на Восток» и представляет собой шаг к укреплению связей с развивающимися незападными экономиками.

Это членство рассматривается как политическая победа Тегерана, означающая его способность устанавливать отношения за пределами сфер влияния Запада. Членство Ирана в БРИКС могло бы помочь частично восстановить легитимность, утраченную из-за внутренних беспорядков и международной изоляции. Это также открывает потенциал для расширения торговли с растущими экономиками, особенно в контексте продолжающихся санкций США. Такое расширение торговых отношений, особенно в нефтяной сфере, могло бы в некоторой степени смягчить экономическое давление на Иран.

Включение Ирана в БРИКС можно рассматривать как часть более широких усилий таких стран, как Китай и Россия, по созданию противодействия западным экономическим блокам. Такое членство соответствует давней политике Ирана, направленной на противодействие американскому одностороннему подходу, и указывает на растущий глобальный сдвиг в сторону многополярности.

Членство Ирана в БРИКС указывает на его стратегию по диверсификации международных альянсов и созданию новых экономических возможностей. Это событие также является важным шагом в противовес экономическому и политическому влиянию Запада, демонстрируя устойчивость Ирана перед лицом международных санкций.

Стратегическое значение присоединения Ирана к БРИКС заключается в потенциальной реконфигурации глобальных экономических альянсов, при этом Иран позиционирует себя как ключевой игрок в этом новом ландшафте. Этот шаг может бросить вызов доминированию экономических институтов, возглавляемых Западом, и проложить путь к более многополярному мировому порядку.

* * *

Внешняя политика Ирана столкнется с рядом серьезных проблем в 2023–2024 гг. Одной из серьезных проблем является кризис в Афганистане, особенно в части подхода Талибана к женщинам, шиитам и их образовательным учреждениям. Отношения Ирана с Талибаном сложны, поскольку Тегерану необходимо

влиять на группу, не воспринимаясь при этом как ее сторонник, учитывая различную идеологию Талибана и Ирана. Кроме того, внимания во внешней политике Ирана требует направление усилий на разрешение региональных экологических кризисов. Для смягчения экологических проблем – «пылевого кризиса», засухи – Ирану необходимо сотрудничество с соседними странами.

Однако наиболее серьезной проблемой остается ядерный вопрос и возрождение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Поскольку Иран находится под санкциями и сталкивается с экономическими трудностями, существует острая необходимость в стратегических действиях по отмене этих санкций. Балансирование международных отношений, а не чрезмерный уклон в сторону Востока или Запада, имеет решающее значение. Ключевую роль играют взаимодействие с мировыми державами и стратегические соглашения с Россией и Китаем. Тем не менее чрезмерная зависимость от любой из сторон может иметь негативные последствия, включая усиление международных санкций или отказ от обязательств со стороны этих держав.

Меняющийся глобальный ландшафт, характеризующийся растущей многополярностью и изменением динамики сил, представляет проблемы и возможности для Ирана. Осторожный подход США к избежанию внешних конфликтов, сосредоточенность Европы на самообороне, а также позиция России и Китая по отношению к Ирану создают контекст, в котором Тегеран может стратегически маневрировать своей внешней политикой. Однако любая переоценка политики Запада в отношении Ирана должна учитывать ограничения СВПД и изучать альтернативы, выходящие за эти рамки.

Внешняя политика Ирана с 1979 г. представляет собой сложное взаимодействие идеологических обязательств и прагматической адаптации в контексте быстро развивающегося многополярного мира и глобальной трансформации. Подход Ирана, ориентируясь на меняющийся геополитический ландшафт, воплощает в себе двойную стратегию: приверженность революционным принципам и гибкое маневрирование среди международных сложностей. Эта дуалистическая политическая основа позволила Ирану утвердить свой суверенитет, одновременно конструктивно взаимодействуя с различными глобальными игроками.

Более того, стратегия Ирана отражает более широкую тенденцию поведения государств в международной системе, где идеологическая ориентация все больше пересекается с прагматическими геополитическими и экономическими интересами. Этот феномен подчеркивает динамичный и многогранный характер государственного управления в современном глобальном порядке, где пересматриваются традиционные дихотомии между идеологией и прагматизмом.

Список источников и литературы

1. Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.
2. Мамедова Н.М. Политико-экономический аспект диалога цивилизаций // Иран: диалог цивилизаций / под ред. Н.М. Мамедова, М. Санаи. – Орехово-Зуево: Дом «Муравей», 2003. – С. 15–25.
3. Роман В. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США // Управленческое консультирование. – 2016. – Т. 88, № 4. – С. 274–280.
4. Юртаев В. Иран и санкции: пределы саморазвития // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 26–29. – DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-5-26-29.
5. Akbari R. Raisi, the Presidency and Iran's foreign policy // Iran primer. – 04.10.2021. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2021/oct/04/raisi-presidency-and-irans-foreign-policy> (дата обращения: 02.02.2024).
6. Bostdorff D.M. Idealism held hostage: Jimmy Carter's rhetoric on the crisis in Iran // Communication studies. – 1992. – Vol. 43, № 1. – P. 14–28.
7. Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Hungda F. The agreement between Iran and Saudi Arabia is a big step to strengthen peace and stability in the Middle East // IRNA. – 12.03.2023. – URL: <https://irna.ir/xjLXhv> (дата обращения: 05.02.2024).

9. Iran officially becomes member of BRICS // IRNA. – 24.08.2023. – URL: <https://en.irna.ir/news/85208993/Iran-officially-becomes-member-of-BRICS> (дата обращения: 20.08.2023).
10. Khatami S.M. Dialogue among civilizations: Contexts and perspectives // UN Chronicle. – 2012. – Vol. 49, № 3. – P. 11–14.
11. Khomeini R. A speech to the employees of the Central Insurance of Iran (American conspiracies) // Imam's book. – 1979. – Vol. 10. – P. 1–6.
12. Milani M.M. Iran's Post-Cold War policy in the Persian Gulf // International journal. – 1994. – Vol. 49, № 2. – P. 328–354.
13. Moya Mena S.I. Regaining space: Iranian foreign policy toward Latin America during the first presidential term of Hassan Rouhani (2013–2017) // Contemporary gulf studies. – 2020. – P. 157–176.
14. Naeni A. Iran's renewed Africa policy: Raisi's ambition and the perception of Western decline // Middle East Institute. – 31.07.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-renewed-africa-policy-raisis-ambition-and-perception-western-decline> (дата обращения: 04.02.2024).
15. Niakooee S.A., Ejazee E. Foreign policy and economic development: Iran under Rafsanjani // Iranian review of foreign affairs. – 2014. – Vol. 5, № 3. – P. 179–200.
16. Rafiei Vardanjani A. United States economic sanctions on Iran and their impacts on the Middle Eastern art market // Arts. – 2020. – Vol. 9, № 4. – P. 1–11.
17. Ranjbar D., Honrada G. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // Asia and Africa Today. – 2023. – № 3. – P. 30–36.
18. Riki R. et al. Iran's counter-hegemony under the leadership of Mahmoud Ahmadi-najad (2005–2009) towards US hegemony in West Asian region // UKM journal article repository. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 17–34.
19. Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).
20. Shanahan R. Iranian foreign policy under Rouhani // Lowy institute for international policy. – 2015. – P. 1–15.
21. Siddiqui S. Iran's growing outreach to Africa // The New Arab. – 12.09.2022. – URL: <https://www.newarab.com/analysis/irans-growing-outreach-africa> (дата обращения: 04.02.2024).
22. Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – Diálogo Américas // Diálogo Américas. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

23. Tahai S. Imam Khomeini and the foundations of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran // *Foreign Relations Research Quarterly*. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 77–111.
24. Tolouei H., Haghshenas M.J. Analysis of relations between I.R. Iran and Syria in the light of the theory of regional balance of power // *Political Knowledge Scientific Journal (Bi-quarterly)*. – 2021. – Vol. 17, № 1. – P. 189–214.
25. Yacoubian A. Iran's Increasing Reliance on China // *Iran primer*. – 01.08.2023. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china> (дата обращения: 04.02.2024).
26. Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 1–6.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.08
УДК 327+316

ПОЛИТИКА САНКЦИЙ И СОЛИДАРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: КЕЙСЫ РОССИИ И ИРАНА

САМАКОВ Никита Владимирович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: st122241@student.spbu.ru

SPIN-код: 3308-3189

ORCID: 0009-0005-3097-4927

Для цитирования: *Самаков Н.В.* Политика санкций и солидаризации общества: кейсы России и Ирана // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 143–157. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.08.

Аннотация. В современном мире санкции все более активно применяются как внешнеполитический инструмент, используемый в целях оказания давления на отдельные государства. Санкции оказывают неоднозначное влияние на социум. С одной стороны, санкции сплачивают общество, объединяют его против воздействия извне. С другой стороны, санкции являются негативным фактором за счет губительного воздействия на социально-экономические показатели, лишения доступа к определенным благам и формирования негативного образа страны.

Статья призвана представить теоретические основания влияния санкций на солидаризацию общества на примерах России и Ирана. Теоретические материалы затрагивают такие аспекты, как солидарность, феномены ресентимента, относительной депривации, разделения по линии «свой-чужой» и эффект «rally around the flag».

В качестве заключения отмечается, что есть теоретические основания как для негативного, так и позитивного влияния политики санкций на солидаризацию общества. Однако в современной науке остается неисследованным, какое именно воздействие оказывает новый виток санкционного давления на процесс солидаризации, какие социальные группы в большей или меньшей степени подвержены влиянию, а также насколько значимую роль играют санкционные ограничения в процессе общественной солидаризации. Таким образом, статья подводит к постановке проблемы, заключающейся в необходимости эмпирического исследования

воздействия политики санкций на солидаризацию общества в эпоху глобальных трансформаций.

Ключевые слова: политика санкций, солидаризация, Россия, Иран, западные санкции, идентичность.

Sanctions Policy and Solidarization of Society: Russian and Iranian Cases

Nikita V. SAMAKOV

Postgraduate Student, St. Petersburg State University.

E-mail: st122241@student.spbu.ru

SPIN-code: 3308-3189

ORCID: 0009-0005-3097-4927

For citation: Samakov N.V. (2024). Sanctions Policy and Solidarization of Society: Russian and Iranian Cases. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (6), pp. 143–157. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.08.

Abstract. In the modern world, sanctions are increasingly used as a foreign policy tool used to put pressure on individual states. Sanctions have an ambiguous impact on society. On the one hand, sanctions consolidate society and unite it against outer interference. On the other hand, sanctions might be a negative factor because of their harmful effects on socio-economic indicators, the deprivation of access to certain goods and the formation of a negative image of the country.

The article is intended to present the theoretical basis for the influence of sanctions on the solidarity of society using the examples of Russia and Iran. Theoretical materials touch upon such aspects as solidarity, the phenomena of resentment, relative deprivation, division along the “friend or foe” line and the “rally around the flag” effect.

As a conclusion, it is noted that there are some theoretical grounds for both the negative and positive impact of the sanctions policy on the solidarization of society. However, modern science remains unexplored exactly what impact the new round of sanction pressure has on the process of solidarization, which social groups are more or less susceptible to that impact and how significant sanctions-related restrictions are for the process of solidarization. Thus, the article leads to the formulation of the problem that lies in the need for an empirical study of the impact of sanctions policy on the solidarization of society in the era of global transformations.

Keywords: sanctions policy, solidarization, Russia, Iran, Western sanctions, identity.

Сегодня инструмент санкций активно применяется национальными государствами и их интеграционными объединениями в целях оказания давления на другое государство в попытке добиться изменения его политического курса¹. Санкционные ограничения могут быть различными по своей сути: это могут быть финансовые, визовые ограничения, блокировки или заморозки активов, ограничения на поставки товаров двойного назначения, торговые эмбарго и иные меры, но так или иначе они бьют по экономике страны².

По данным глобальной базы по отслеживанию санкций Castellum.AI, после начала специальной военной операции Российская Федерация стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций³. И хотя в сфере экономики России удалось противостоять угрозам довольно успешно – многие пессимистические прогнозы спада российской экономики не оправдались, объем товарного экспорта Российской Федерации сумел установить исторический рекорд в 2022 г.⁴, а в 2023 г. рост ВВП страны превысил прогнозы Минэкономразвития⁵ – иные угрозы, сопряженные с санкциями, для российского общества сохраняются.

Ранее государством-лидером по числу введенных в отношении него санкций являлся Иран. Однако с момента начала СВО страна сместилась с первой строчки на вторую. Тем не менее за этот период число введенных против Ирана санкций увеличилось на 37%⁶. Экономика Ирана также адаптировалась к ограничитель-

¹ Giumelli F. The Purposes of Targeted Sanctions // Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action / ed. by Biersteker T., Eckert S., Tourinho M. – New York: Cambridge University Press, 2016. – P. 38.

² Giumelli F., Hoffmann F., Ksiazczakova A. The When, Where and Why of European Union Sanctions // European Security. – 2020. – Vol. 30(1). – P. 1. – DOI: 10.1080/09662839.2020.1797685.

³ Russia Sanctions Dashboard // Castellum.AI. – URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ ФТС России частично возобновляет публикацию данных таможенной статистики внешней торговли // Федеральная таможенная служба РФ. – 13.03.2023. – URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/385906> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ Виноградова Е. Росстат оценил рост экономики и доходов россиян в 2023 г. // РБК. – 07.02.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/02/2024/65c398189a7947c3b02e713b> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Russia Sanctions Dashboard // Castellum.AI. – URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.02.2024).

ным мерам, о чем свидетельствует рост таких показателей, как ВВП, ВВП на душу населения и ВВП по ППС, за последние годы⁷.

Тем не менее в период с 24 февраля 2022 г. в обозначенных странах можно наблюдать социальные всплески, демонстрирующие некоторую разобщенность. Так, например, среди иранских событий в качестве наиболее ярких можно выделить массовые протесты, связанные со смертью девушки, задержанной полицией нравов за неправильное ношение хиджаба⁸, и казнями участников протестов⁹, а также контрпротесты¹⁰. В России можно выделить такие деструктивные социальные события, как протесты в Баймаке¹¹, беспорядки в аэропорту Махачкалы¹², ряд антивоенных акций¹³, акции против частичной мобилизации¹⁴, поджоги военкоматов¹⁵.

⁷ Iran Datasets // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IRN> (дата обращения: 15.02.2024).

⁸ Пламенев И. В Иране начались протесты после смерти девушки, задержанной из-за хиджаба // РБК. – 18.09.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632775329a79470e275bf62d> (дата обращения: 15.02.2024).

⁹ Motamedi M. Iranians protest in front of Karaj prison as more executions loom // Al Jazeera. – 09.01.2023. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/9/iranians-protest-in-front-of-karaj-prison-as-executions-loom> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁰ Motamedi M. Iran's pro-government counter-protesters try to change narrative // Al Jazeera. – 25.02.2022. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/25/iran-organises-counter-demonstrations-as-protests-continue> (дата обращения: 15.02.2024).

¹¹ Шипилова В. СКР возбудил дело о массовых беспорядках после протестов в Башкирии // Коммерсантъ. – 17.01.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6455031> (дата обращения: 15.02.2024).

¹² Соколов К. Беспорядки в аэропорту Махачкалы из-за рейса из Израиля. Главное // РБК. – 31.10.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2023/653eb5399a7947b515dc49e2> (дата обращения: 15.02.2024).

¹³ Демченко Н., Лисицына М., Кузнецова Е. В российских городах начались акции против военных действий на Украине // РБК. – 24.02.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6217a7289a7947393cdd7863> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁴ Анисимова Н. В России прошли задержания на акциях против частичной мобилизации // РБК. – 24.09.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/09/2022/632f1f719a7947503f340d88> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁵ МВД назвало число поджогов военкоматов с начала спецоперации // РБК. – 22.01.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/65ae29f79a794775711ffad5> (дата обращения: 15.02.2024).

В то же время ряд исследований отмечает сплочение общества на фоне санкционного давления. Так, М.А. Алексеев и Г.Е. Хале подчеркивают, что санкции ведут к большей поддержке правительства¹⁶. А. Хэмберг отмечает, что в случае Ирана, привыкшего к внешней враждебности и имеющего чувство национальной гордости, сплочение вокруг правящей власти является более правдоподобным следствием¹⁷.

Нельзя не отметить расхождения таких исследований. Например, Т. Фрай отмечает обратный эффект – снижение поддержки правительства со стороны определенных групп населения и отсутствие эффекта сплочения¹⁸. М. Ондер отмечает, что сплочение общества на фоне санкций ведет к ужесточению политики по отношению к национальным меньшинствам¹⁹. Л.Е. Ильичева и С.В. Рогачев также отмечают наличие рисков для социальной консолидации в России в условиях санкционного давления²⁰. М. Аслан, К. Аслан и Й. Рашид аналогично отмечают наличие санкционных угроз за счет возможного роста нищеты, неравенства и снижения общественной безопасности, которые способны подорвать социальную и политическую стабильность²¹.

Санкционная политика способна оказывать не только экономическое воздействие на население страны. Она может форми-

¹⁶ Alexseev M.A., Hale H.E. Crimea come what may: Do economic sanctions backfire politically? // *Journal of Peace Research*. – 2019. – Vol. 57(2). – P. 344–359. – DOI: 10.1177/0022343319866879.

¹⁷ Hemberg A. How do sanctions affect government support in an autocratic setting? – Uppsala: Uppsala University Press, 2020. – 34 p.

¹⁸ Frye T. Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia // *Comparative Political Studies*. – 2018. – Vol. 52(7). – P. 967–994. – DOI: 10.1177/0010414018806530.

¹⁹ Onder M. Consequences of economic sanctions on minority groups in the sanctioned states // *Digest of Middle East Studies*. – 2021. – Vol. 31(3). – P. 201–227. – DOI: 10.1111/dome.12268.

²⁰ Ильичева Л.Е., Рогачев С.В. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации // *Власть*. – 2022. – Т. 30, № 5. – С. 88–97. – DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9243.

²¹ Aslan M., Aslan K., Rashid Y. Economic and socioeconomic consequences of US sanctions on Iran // *Center for Iranian Studies in Ankara*. – 20.03.2020. – URL: https://iramcenter.org/en/economic-and-socioeconomic-consequences-of-us-sanctions-on-iran_en-6 (дата обращения: 15.02.2024).

ровать неблагоприятный психологический фон за счет формирования негативного образа страны, представлений о ней, как о государстве-изгое. Последствия санкционных ограничений – уход различных транснациональных корпораций, лишение финансовых активов фондового рынка, блокировка доступа к различным сервисам мирового масштаба, невозможность приобрести товар или воспользоваться услугой мировых компаний, невозможность посетить другую страну – вызывают, как минимум, чувство недовольства у населения. Навязываемый статус страны-изгоя может сделать ее менее привлекательной на фоне других государств в глазах граждан, а также формировать нежелание граждан ассоциироваться с этой страной, иметь ее гражданство, жить в ней. Некоторые ученые также отмечают, что влияние санкций в совокупности с прочими факторами формирует условия неопределенности и разрушает существующую систему представлений и устойчивые формы и критерии идентичности²². Непосредственное воздействие на социальноэкономические показатели также может негативно влиять на политическое поведение определенных социальных групп за счет ухудшения условий жизни.

В то же время открытым остается множество вопросов: почему в одних условиях санкции разобщают, а в других – консолидируют общество, кто в большей степени, в контексте солидаризации и разобщения, подвержен санкционному воздействию, каково место санкционных ограничений в вопросе общественной консолидации, и, в конце концов, сплачивают санкции или разобщают российское и иранское общества.

Российская Федерация и Исламская Республика Иран подвергаются более интенсивному санкционному давлению, будучи в эпицентрах региональных геополитических процессов²³. С одной стороны, санкции применяются в целях изменений политического курса государства, с другой стороны, санкции могут применяться в целях ограничения потенциала другой страны, что приобретает

²² Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. – 2023. – № 4. – С. 69.

²³ Воробьев С.В. Непрямые действия США в противостоянии с Россией прошлого и будущего на постсоветском пространстве // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 39–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.03.

еще большее значение в условиях геополитических изменений²⁴. Такие ограничения можно рассматривать через призму теории структурного реализма: они формируют определенные структурные ограничения для государства, которое подвергается санкционному давлению²⁵. Однако инструмент санкций является не только инструментом сдерживания, но и инструментом нанесения ущерба своему оппоненту без прямого столкновения с ним.

С одной стороны, санкционная политика западных стран призвана ограничить возможности России и Ирана в региональных процессах за счет давления на экономику, за счет политического давления и обеспечения негативных последствий для тех, кто стремится сотрудничать с этими странами и вести с ними бизнес. С другой стороны, геополитическая турбулентность является удобным предлогом для введения санкций в целях максимизации возможного ущерба своим традиционным оппонентам. В то же время все это сказывается не только на государстве как политическом институте и международном акторе, но и на его социуме.

В ходе выстраивания концептуальных рамок исследования в качестве отправной точки можно рассматривать несколько теорий, представляющих основания для поддержки и опровержения идеи о том, что санкции способствуют общественной солидаризации. К одной группе следует отнести теории, затрагивающие феномены разделения по линии «друг – враг», «gally around the flag», вопросы идентичности. К другой группе можно отнести теории, затрагивающие феномены ресентимента, относительной депривации.

В контексте санкционных ограничений государство, накладывающее санкции, воспринимается агрессором, интервентом, что «подогревается» мобилизацией вокруг идеи внешнего врага, пропагандой и перекладыванием различных проблем на «нападающее» государство. В таком разрезе явно прослеживается разграничение на «друга» и «врага»²⁶. Врагом представляются страны, подвергающие общество санкционному давлению, а также те, кто

²⁴ Giumelli F. The Purposes of Targeted Sanctions // Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action / ed. by Biersteker T., Eckert S., Tourihno M. – New York: Cambridge University Press, 2016. – P. 38–59.

²⁵ Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw-Hill, 1979. – 251 p.

²⁶ Шмитт К. Понятие политического. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2016. – 586 с.

их поддерживает, в том числе граждане своей же страны. Таким образом, с одной стороны, санкции консолидируют общество вокруг общего врага, а с другой стороны, обличают врагов в своей же стране.

Затрагивая вопросы идентичности в контексте обозначенной проблемы, следует выделить следующее. В Большой российской энциклопедии под идентичностью понимается осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик, ответ на вопрос «Кто я?»²⁷. Идентичность включает в себя переживание человеком своей принадлежности к тем или иным социальным группам, представления об отличиях от других индивидов и групп, моделях поведения, ценностных ориентирах и т.п.²⁸ Человек может ассоциировать себя с различными общностями: с государством, этносом, религией, регионом, городом, семьей, студенчеством и т.д.

Одним из видов идентичности является отождествление личности с государством и обществом этой личности – государственно-гражданская, или национально-гражданская идентичность. Данный вид предполагает связь индивида с государством, его ценностями и сообществом его граждан. Он также характеризует степень лояльности государству, готовности выполнять свои гражданские обязанности и участвовать в жизни государства, солидарности с согражданами.

В условиях санкционного давления на страну ее граждан, с одной стороны, сопереживает своей стране и проецирует любые выпады в отношении нее на себя и свою идентичность. На этом фоне возможны более активные выступления в защиту государства, более активное участие в его жизни, проявления патриотизма, отстаивание ценностей и интересов своего государства, солидаризация населения.

С другой стороны, санкции способны оказывать негативное влияние на представления о государстве, языке, ценностях, культуре и истории страны, подрывая лояльность государству, граж-

²⁷ Леонтьев Д.А., Савельева О.О. Идентичность // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174> (дата обращения: 16.02.2024).

²⁸ Там же.

данскую солидарность, готовность проявлять патриотизм и действовать во благо стране. Такие процессы могут способствовать множеству негативных социальных проявлений, связанных с ослаблением государственно-гражданской идентичности: социальная разобщенность, снижение гражданского участия, деполитизация, отчуждение от государства, его языка, культуры и ценностей, миграция и смена гражданства, деструктивные протесты, акты насилия и т.п.

В контексте исследования санкционных ограничений нередко рассматривается эффект «rally around the flag»²⁹, описывающий явление, когда в условиях кризиса или конфликта общественность проявляет более высокую степень поддержки своего государства³⁰.

В соответствии с логикой данного феномена эффект сплочения может возникать на фоне внешнего давления со стороны других государств. Это ведет к росту поддержки своей страны и ее лидера. Однако до сих пор в полной мере не исследовано, почему в одних обстоятельствах он возникает, а в других – нет. Кроме того, не исследованы масштабы распространения данного эффекта в условиях санкций: способен ли он оказать воздействие на всех граждан или какие-то социальные группы становятся исключением.

В контексте поставленной задачи рассмотреть возможность влияния санкционных ограничений на общество, следует также рассмотреть феномен ресентимента³¹. Согласно информации Большой российской энциклопедии, ресентимент – это эмоциональное переживание, в основе которого лежит затаенное, непроявленное, вытесненное внутрь чувство скрытой ненависти, зависти, обиды, злобы и т.п.³² Основу ресентимента составляет подавленная в силу собственного бессилия реакция³³.

²⁹ Одним из первых его описал Дж. Е. Мюллер.

³⁰ Frye T. Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia // *Comparative Political Studies*. – 2018. – Vol. 52 (7). – P. 967–994. – DOI: 10.1177/0010414018806530.

³¹ Понятие ресентимент впервые было введено философом Фридрихом Ницше.

³² Попов Ю.Н. Ресентимент // *Большая российская энциклопедия*. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3507122> (дата обращения: 16.02.2024).

³³ Там же.

В результате санкционных ограничений граждане России и Ирана потеряли возможность удовлетворять свои привычные желания, приобретать некоторые товары, пользоваться рядом услуг, потеряли доступ к своим финансовым активам, развлекательным ресурсам, возможность посещать некоторые страны. Всё это способствует накоплению внутреннего напряжения и недовольства в обществе и формированию состояния ресентимента.

В то же время особенностью феномена ресентимента является потеря связи между «жертвой» и первопричиной, источником этого чувства. Соответственно, в какой форме и в отношении кого может выплеснуться накопленная ненависть, предугадать нельзя. Будет ли эта ненависть направлена на элиты стран, вводящих санкции, на их граждан, на свое правительство, государственный аппарат в целом или на своих сограждан – неизвестно.

С одной стороны, такой ресентимент является фактором угрозы для общественной сплоченности. С другой стороны, и Россия, и Иран динамично преодолевают ограничения, что, в свою очередь, нивелирует негативные эффекты, связанные с санкциями, за счет видимого успеха правительства.

Дополняет феномен ресентимента теория относительной депривации, основоположниками которой являются такие ученые как Т. Гарр³⁴, Дж. Дэвис³⁵ и др. Депривация в целом означает сокращение или лишение возможностей удовлетворять базовые психофизиологические, личностные и социальные потребности³⁶. Ученые разделяют депривацию на два вида – абсолютную и относительную. Если абсолютная депривация представляет собой непосредственное лишение, объективную невозможность удовлетворения потребностей, снижение условий жизни, то относительная депривация является субъективной и основывается на расхождении между ожиданиями и реальным положением вещей. Относительная депривация возникает в результате несовпадения ожиданий, представлений индивида или социальной группы о том, что

³⁴ Gurr T.R. Why men rebel. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 421 p.

³⁵ Davies J. When men revolt and why. – New York: Free Press, 1970. – 357 p.

³⁶ Климов И.А. Депривация // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/deprivatsiia-5c0f59> (дата обращения: 16.02.2024).

они должны или могли бы получить по справедливости, с тем, что они получают на деле.

Согласно теории относительной депривации, такие расхождения формируют накапливаемое ощущение недовольства, напряженности, которое может вылиться в насильственные акты в социальной среде (такие как бунты, протесты, революции, терроризм и т.п.), а также в ненасильственные действия, которые также являются негативными факторами для государства (например, миграция населения или так называемое «голосование ногами»).

Возникновение относительной депривации возможно, в частности, в случае потери возможности поддерживать привычный образ жизни, что актуально для российского и иранского общества в контексте санкционных ограничений. Граждане, привыкшие к определенным благам, теряют возможность их получения. Относительная депривация также может быть обусловлена ухудшением экономических показателей, в то время как граждане таких снижений не ждали или считали, что положение могло (или должно) быть лучше, чем на практике. Кроме того, осознание гражданами того факта, что их страна, будучи значимым актором международных отношений и неотъемлемым звеном мировой политики, оказывается в некоторой степени в изоляции и бойкотируется рядом прочих международных акторов, также способно вызывать фрустрацию ввиду расхождения ожиданий и реальности.

В то же время необходимо учитывать динамику ограничений и снижения экономических показателей: в современном мире санкции, как правило, вводятся одномоментно и в больших объемах, после чего интенсивность введения новых ограничений идет на спад. Таким образом, наибольший эффект санкции оказывают в момент «всплеска», после чего государство постепенно адаптируется к ограничениям, нивелируя негативные последствия.

Следует также учитывать общий фон, в рамках которого происходит активизация политики санкций: предшествующая пандемия коронавирусной инфекции, сопутствующие ограничения и негативные социально-экономические последствия, а также текущая геополитическая турбулентность – как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

Таким образом, рассматривая проблему сугубо через призму абстрактной теории, нельзя сказать однозначно, какое влияние

оказывает политика санкций на общественную солидарность. То же касается и более приближенных к практике материалов: среди упомянутых ранее работ по данной проблематике наблюдаются противоречивые результаты и выводы.

Не секрет, что на общественную солидарность оказывает влияние огромное количество факторов. Санкционные ограничения являются одним из таких факторов. Однако неясно, насколько весомое значение оказывают санкции для общественной солидарности. Противоречивость результатов исследования данной проблемы обусловлена, в частности, разницей условий, в которых эти исследования проводились. Таким образом, можно предположить, что в одних условиях (или в одной комбинации факторов) санкции оказывают большее влияние на сплоченность общества, чем в других. В каких именно и какое влияние оказывают санкционные ограничения – вопрос открытый. Более того, текущие условия имеют беспрецедентный характер по масштабам санкционных ограничений, и, соответственно, дают дополнительную «пищу» для анализа.

Другой немаловажной проблемой, приводящей к различиям в результатах исследований, является отсутствие устоявшейся методологии и сложившихся концептуальных рамок исследования проблемы влияния санкционных ограничений на общественную солидарность. Данное ограничение является одной из причин, по которым исследования не соответствуют принципу воспроизводимости и имеют различные результаты.

В то же время исследование проблемы воздействия политики санкций на общественную солидарность является значимым и актуальным как для России, так и для Ирана. Исследование данной проблемы и устранение упомянутых недочетов способствует с точки зрения теории более подробному выявлению взаимосвязей и закономерностей и, с точки зрения практической применимости, более точному и своевременному выявлению общественных угроз. Исследование проблемы позволит определить, в каких условиях и каким образом оказывает влияние режим санкционных ограничений на социум, его солидарность и к каким последствиям он может привести, а также какие угрозы являются более актуальными и какие социальные группы наиболее подвержены возможным эффектам.

Очевидно, что для исследования такой сложной проблемы, как влияние санкций на общество и общественную солидарность, одной лишь теории недостаточно. В связи с этим статья подводит к необходимости проведения эмпирического исследования данной проблемы на современном этапе активизации политики санкций и подчеркивает необходимость разработки корректного теоретико-методологического концепта проведения такого исследования в целях максимизации точности и соответствия воспроизводимости полученных результатов.

Список источников и литературы

1. Анисимова Н. В России прошли задержания на акциях против частичной мобилизации // РБК. – 24.09.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/09/2022/632f1f719a7947503f340d88> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. – 2023. – № 4. – С. 69–76.
3. Виноградова Е. Росстат оценил рост экономики и доходов россиян в 2023 г. // РБК. – 07.02.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/02/2024/65c398189a7947c3b02e713b> (дата обращения: 15.02.2024).
4. Воробьев С.В. Непрямые действия США в противостоянии с Россией прошлого и будущего на постсоветском пространстве // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 39–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.03.
5. Демченко Н., Лисицына М., Кузнецова Е. В российских городах начались акции против военных действий на Украине // РБК. – 24.02.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6217a7289a7947393cdd7863> (дата обращения: 15.02.2024).
6. Ильичева Л.Е., Рогачев С.В. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации // Власть. – 2022. – Т. 30, № 5. – С. 88–97. – DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9243.
7. Климов И.А. Депривация // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/deprivatsiia-5c0f59> (дата обращения: 16.02.2024).
8. Леонтьев Д.А., Савельева О.О. Идентичность // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2000174> (дата обращения: 16.02.2024).

9. МВД назвало число поджогов военкоматов с начала спецоперации // РБК. – 22.01.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65ae29f79a794775711ffad5> (дата обращения: 15.02.2024).
10. Пламенев И. В Иране начались протесты после смерти девушки, задержанной из-за хиджаба // РБК. – 18.09.2022. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2022/632775329a79470e275bf62d> (дата обращения: 15.02.2024).
11. Попов Ю.Н. Ресентимент // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3507122> (дата обращения: 15.02.2024).
12. Соколов К. Беспорядки в аэропорту Махачкалы из-за рейса из Израиля. Главное // РБК. – 31.10.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2023/653eb5399a7947b515dc49e2> (дата обращения: 15.02.2024).
13. ФТС России частично возобновляет публикацию данных таможенной статистики внешней торговли // Федеральная таможенная служба РФ. – 13.03.2023. – URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/385906> (дата обращения: 15.02.2024).
14. Шипилова В. СКР возбудил дело о массовых беспорядках после протестов в Башкирии // Коммерсантъ. – 17.01.2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6455031> (дата обращения: 15.02.2024).
15. Шмитт К. Понятие политического. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2016. – 586 с.
16. Alexseev M.A., Hale H.E. Crimea come what may: Do economic sanctions backfire politically? // Journal of Peace Research. – 2019. – Vol. 57(2). – P. 344–359. – DOI: 10.1177/0022343319866879.
17. Aslan M., Aslan K., Rashid Y. Economic and socioeconomic consequences of US sanctions on Iran // Center for Iranian Studies in Ankara. – 20.03.2020. – URL: https://iramcenter.org/en/economic-and-socioeconomic-consequences-of-us-sanctions-on-iran_en-6 (дата обращения: 15.02.2024).
18. Davies J. When men revolt and why. – New York: Free Press, 1970. – 357 p.
19. Frye T. Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia // Comparative Political Studies. – 2018. – Vol. 52(7). – P. 967–994. – DOI: 10.1177/0010414018806530.
20. Giumelli F. The Purposes of Targeted Sanctions // Targeted Sanctions. The Impacts and Effectiveness of United Nations Action / ed. by Biersteker T., Eckert S., Tourihno M. – New York: Cambridge University Press, 2016. – P. 38–59.
21. Giumelli F., Hoffmann F., Ksiazczakova A. The When, Where and Why of European Union Sanctions // European Security. – 2020. – Vol. 30(1). – P. 1–23. – DOI: 10.1080/09662839.2020.1797685.
22. Gurr T.R. Why men rebel. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 421 p.

23. Hemberg A. How do sanctions affect government support in an autocratic setting? – Uppsala: Uppsala University Press, 2020. – 34 p.
24. Iran Datasets // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/IRN> (дата обращения: 15.02.2024).
25. Motamedi M. Iran's pro-government counter-protesters try to change narrative // Al Jazeera. – 25.02.2022. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/25/iran-organises-counter-demonstrations-as-protests-continue> (дата обращения: 15.02.2024).
26. Motamedi M. Iranians protest in front of Karaj prison as more executions loom // Al Jazeera. – 09.01.2023. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/9/iranians-protest-in-front-of-karaj-prison-as-executions-loom> (дата обращения: 15.02.2024).
27. Mueller J.E. Presidential Popularity from Truman to Johnson // American Political Science Review. – 1970. – Vol. 60, № 1. – P. 18–34. – DOI: 10.2307/1955610.
28. Onder M. Consequences of economic sanctions on minority groups in the sanctioned states // Digest of Middle East Studies. – 2021. – Vol. 31 (3). – P. 201–227. – DOI: 10.1111/dome.12268.
29. Russia Sanctions Dashboard // Castellum.AI. – URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 15.02.2024).
30. Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw-Hill, 1979. – 251 p.

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 2 (6) – 2024

Научный журнал

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Подписано к печати 2/VIII-2024 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,8 Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У